

Международная научная конференция

Вопросы исторической науки (II)

Челябинск

УДК 93
ББК 63
В74

Редакционная коллегия сборника:
*М.Н. Ахметова, Ю.В. Иванова, К.С. Лактионов, М.Г. Комогорцев,
В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, А.В. Котляров, А.С. Яхина*

Ответственный редактор: *Г.А. Кайнова*

Вопросы исторической науки (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, май 2013 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2013. — iv, 90 с.

ISBN 978-5-903618-74-3

В сборнике представлены материалы международной заочной научной конференции «Вопросы исторической науки (II)».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Закиров А.Ф.

Химический институт Казанского филиала Академии наук СССР в 1945–50 годах 1

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Аблизин В.А., Аллянова М.С.

Канун Второй мировой войны. Формула «косвенной агрессии». Условие советско-германского сближения . . . 5

Дмитриева М.И.

Патриотизм и гражданственность сиенцев по материалам городских хроник XIV–XV веков 8

Киселева О.А.

Трудовая миграция в США из Великобритании во время Реконструкции (1865–1877) 11

Макутчев А.В.

Россия и Англия на персидских рынках в 1850–1870-х гг.: первый опыт концессионирования 14

Мирошниченко И.В.

Мирное урегулирование арабо-израильского конфликта в политике великих держав 17

Помогалова О.И.

Трудности в организации помощи иностранных благотворительных организаций в период голода 1921–1923 гг. (на примере Саратовского Поволжья) 22

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Гребенкин А.Н.

Закономерности, итоги и уроки процесса правового регулирования деятельности отечественной военной школы 26

Степанова А.Н.

Особенности становления профессионального музыкального образования в Республике Татарстан в начале XX века 29

Чогандарян М.Г.

Зарубежный мир как образ врага в системе советской внешней политики в начале 1930-х годов 31

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Бабич Е.С.**

Трансформация представлений российских политиков об идеальном человеке в 1917–1938 гг. 34

Береговина Н.Б.

Русский стиль храмов конца XIX – начала XX вв. города Краснодара: историко-архитектурный аспект изучения 37

Волков А.А., Миннибаев Б.И.

Социальные преобразования Петра I 41

Горькова Л.В. Методология истории Густава Эверса	43
Загуменнов Д.А. Берлинский кризис 1948–1949 гг. Разработка плана урегулирования конфликта командующими в Берлине	46
Кириллова А.И. Быт первых советских исследователей Камчатки и переселенцев в 1920–30-х годах (на материалах Быстринского и Алеутского районов)	51
Короткова М.Н. Движение «чаепитие»: популизм и вопросы лидерства	55
Матвеева В.Р. Возникновение и развитие службы по надзору за транспортом и его движением в Санкт-Петербурге, Москве и Уфе в XVIII – начале XX века	57
Мороз И.А. Особенности внедрения прогрессивных форм советской торговли в 50–60-е годы XX века	60
Никитин А.А. К вопросу о раскрытии и расследовании уголовных преступлений в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Симбирской губернии)	65
Николаев О.С. Политическая обстановка и менталитет населения Башкирской АССР во второй половине 1960–1970-х годов	68
Савицкая Н.А. Специфика внутренней торговли Старого города Ташкента (1865–1917 гг.)	70
Филиппов А.А. Ишим в годы Великой Отечественной войны (на примере фондов Ишимского историко-краеведческого музея)	73
Шорина Е.Н. Познание «Великого незнакомца» с субъективной точки зрения на основании памятки крестьянина Вологодской области, ушедшего на фронт в годы Великой Отечественной войны	75
5. АРХЕОЛОГИЯ	
Банников А.Л. О некоторых проблемах анализа социальной структуры кочевых обществ раннего железного века	77
Головченко Н.Н. Кузнецова Е.А. Реконструкция женского костюма Большереченской культурно-исторической общности (по материалам погребения 22 могильника Ближние Елбаны VII)	79
Махмудов У.Б. Из истории экономических отношений Хорезма в Античной эпохе	81
Шалахов Е.Г. Колчанный набор из разрушенного (размытого) комплекса лучника на сейминско-турбинском Юринском могильнике	83
6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	
Беленов Н.В. Тюрко-иранские племенные формирования и их влияние на этническую историю Волжской Булгарии	86

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Химический институт Казанского филиала Академии наук СССР в 1945–50 годах

Закиров Альфред Фаридович, аспирант
Институт Татарской энциклопедии АН РТ

Статья посвящается теме развития Химического института Казанского филиала Академии наук СССР в 1945–50 годах. На основании архивных материалов Центрального государственного архива историко-политической документации РТ были рассмотрены вопросы, связанные с планомерной работой по оказанию научной помощи сельскому хозяйству и промышленности Татарстана. В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, вводятся в научный оборот архивные данные.

Ключевые слова: Химический институт, промышленность, сельское хозяйство, научная помощь, Казанский Филиал АН.

В XX-м столетии замечательную плеяду казанских химиков пополнили имена академиков Арбузовых, Александра Ерминингельдовича, основателя Казанского филиала Академии наук СССР и Химического института в его составе, и Бориса Александровича — создателя Казанского института органической химии и Института органической и физической химии. Во время Великой Отечественной войны именно Казань была выбрана местом эвакуации Президиума Академии наук СССР и ее научно-исследовательских учреждений. Только из Москвы прибыло одиннадцать химических институтов. В тяжелое военное время Казань стала академической столицей, и нет ничего удивительного в том, что Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР №745 от 13 апреля 1945 года был учрежден Казанский филиал Академии наук. Огромный научный авторитет первого в Татарской республике академика — А.Е. Арбузова — во многом способствовал реализации этого проекта. Президиум Академии наук СССР 25 августа 1945 года утвердил структуры нового филиала с Химическим институтом в его составе. Председателем Президиума Казанского филиала Академии наук СССР и директором Химического института был назначен академик А.Е. Арбузов. С этого момента и отсчитывается история института. В 1947 году Председатель Совета министров СССР И.В. Сталин подписал Постановление о присвоении Химическому институту имени А.Е. Арбузова.

Со дня основания филиала Химический институт планомерно проводил работу по оказанию научной помощи сельскому хозяйству и промышленности. В соответствии с планом работ сектор органической химии под руководством академиков А.Е. и Б.А. Арбузовых проводил исследования в области синтеза новых фосфорорганических соединений. Особое внимание было обращено соединениям, которые обладали физиологической активностью [11, с. 236–237].

Наряду с разработкой проблем, имеющих значительный теоретический и практический интерес для народного хозяйства, как развитие химии фосфорорганических соединений, исследование в области электрохимических методов обработки металлов, разработка термографических методов, расширяет исследования связанные с оказанием научной помощи великим стройкам коммунизма и нефтяной промышленности путем включения в план работ: разработку нового вида цемента (каустический доломит) и изучение вопросов увеличения проницаемости нефтяных скважин [10, с. 48–51].

Научная деятельность Химического института протекала в четырех лабораториях: (директор академии А.Е. Арбузов).

В лаборатории неорганической химии разрабатывались и осваивались новые методы исследования в процессе электролитической полировки. Применение этих методов позволило раскрыть механизм локального пассивирования при электрохимической полировке меди и его связи со структурой металла. Выявились процессы, протекающие в электролите при полировке стали, связанных с образованием неустойчивых химических соединений. Расширилась методика физико-химического анализа введением нового типа диаграмм состав-свойство: состав электрополировочного электролита — свойства электрополированной поверхности. Вышло и подготовлено к печати двадцать пять работ. Выполнен план исследований по проблеме электрических методов обработки металлов. В 1947 году результаты исследований по теме — «Изучение механизма анодного растворения металла в процессе электрополировки» — получили свое оформление в виде метода электрополировки никелевых покрытий, который был опробован в производственных условиях и внедрен в практику работы гальванического цеха завода им. Горбунова (город Казань). В

1948 году, в связи с призывом ленинградцев и указаниях Президиума Академии наук СССР о необходимости приближения научно-исследовательской тематики к нуждам промышленности и сельского хозяйства, институт пересмотрел свои планы в направлении сосредоточения сил на основных, ведущих проблемах, имеющих не только теоретическое, но и практическое значение. В течение последних двух лет (1949–1950 годах) институт усилил работу по внедрению результатов научных исследований. В секторе неорганической химии теоретическая разработка научно-исследовательской тематики тесно увязана с запросами и нуждами производства. Успешному внедрению работ сектора способствовали проводимые ежегодно, начиная с 1947 года, конференция и совещание с представителями промышленных предприятий. Получены новые данные по концентрационным изменениям в электролите при электролизе, применен рентгеновский метод исследования текстур металлов в связи с электрообработкой, найдены новые зависимости между текстурой, способом деформации и процессами анодной обработки металла.

В лаборатории органической химии продолжались систематические исследования в области химии органических соединений фосфора и мышьяка. Синтезированы новые типы соединений, обладающие высокой физиологической активностью. Получены некоторые результаты по выяснению вопроса о связи химического строения отдельных классов соединений и их физиологическим действием [1, с. 24–33]. План исследований с превышением, разрабатывались девять тем, объединенных пятью проблемами. Значительно расширен объем работ, по сравнению с планом, в области изучения органических производных фосфора и других элементов пятой группы периодической системы. Синтезировано двадцать шесть новых соединений, разработано два новых метода синтеза на, что поданы авторские заявки. По проблеме «Исследования в области канцерогенных соединений» синтезированы три новых вещества [7, с.19–26]. В апреле 1957 года вышел в свет книга «Труды конференции по химии и применению фосфорорганических соединений» – сорок печатных листов.

Теоретические работы академика А.Е. Арбузова и член корреспондент Академии наук СССР проф. Б.А. Арбузова и лаборатории органической химии, проведенные в последнее время, позволили синтезировать ряд органических соединений фосфора, оказывающих сильное воздействие на различных видов насекомых, вредителей сельскохозяйственных культур и растений. С 1950 года лаборатория приступила к широкому испытанию одного из препаратов в пользу страны. Эта работа проводится в содружестве с многочисленными группами испытателей, в том числе и колхозниками. Правда это содружество и работа в большей части заочная и осуществляется перепиской. Однако лаборатория получала ряд замечаний, которые помогали им обращать внимание на недостатки и их устранять в процессе исследования.

Кроме того, сектор органической химии с 1949 года осуществляет неплановую работу в содружестве со стекольным заводом «Победа Труда». Это единственный завод в Союзе, выпускающий химико-лабораторную посуду из жаростойкого стекла. Со стороны института и лаборатории в содружестве с заводом участвуют: академик А.Е. Арбузов и сотрудник Никаноров К.В., Ризположенский Н.И., Гречкин Н.П., со стороны завода: директор А.Е. Шикарев, главный инженер Прянишников. Содружество заключается в том, что институт осуществляет научное шефство по вопросам химии и технологии производства химико-лабораторских изделий из стекла. Так в течение 1949–1950 годах на заводе проводились работы по выработке нового химического стекла. В этой работе активное участие принимала лаборатория органической химии, которая провела детальное изучение качества изделий из нового стекла. Это позволило выступить с поддержкой о представлении работников завода к статской премии за изобретения и открытия.

Лаборатория органической химии имеет договор о содружестве на 1951 год, также с фабрикой №8. Толчком в совместной работе являлась, просьба начальника главного управления киноплёночной промышленности т. Сомова об изготовлении в Казанском филиале Академии наук стабилизатора, органического соединения фенокси пропиленоксида. Данное соединение необходимо Министерству кинематографии Союза для организации нового производства плёнок. Лабораторией взято обязательство, разработать рецепты приготовления данного препарата, получить его в необходимом количестве для производства опытных работ и оказывать необходимую консультационную помощь по вопросам химии [3, с. 8–11].

В лаборатории физической химии получены новые результаты в области прецизионной термографии, позволившие разработать метод одновременного определения по одной термограмме теплоемкости, теплопроводности и теплоту фазовых превращений с большой точностью. Много усилий было предпринято по внедрению нового способа получения каустического доломита. По теме «Изыскание путей улучшения строительных, вяжущих и других материалов» изучены условия, при которых можно получить температуру обжига доломита и ускорить этот процесс. Выяснилось, что качество получаемого гидравлического доломита значительно повышается. По теме «Разработка вопросов применения электрических методов обработки металлов применительно к нуждам строительства ГЭС» [6, с.1–9]. Сектором физической химии проводились, также работы по оказанию научной помощи сельскому хозяйству. В 1953 году проведены лабораторные опыты по определению влажности различных почв, как с помощью гидрида кальция, так и с помощью карбида кальция. Одновременно в почвенной лаборатории были проведены определения влажности тех же образцов обычным методом высушивания. Сопоставление результатов показало, что гибридный метод в 60

раз быстрее обычного дает возможность определять раздельно истинную влажность [12, с.19–22].

Лаборатория химии нефти (зав. лабораторией — Е.А. Робинзон) была организована при химическом институте в 1946 году. В ее задачи входило изучение нефти, «Второго Баку», в основном — нефти Татарской АССР. Всего было исследовано около двадцати нефти. Полученные материалы послужили основанием для классификации нефти, для выводов о генетической зависимости между свойствами нефти и условиями их залегания. Это дало возможность определить основные пути рационального использования нефти в народном хозяйстве Союза. Все материалы по нефти Татарии систематически передаются, в виде подробных отчетов Госплану СССР и различным организациям нефтяной промышленности: объединение «Татнефть», трест «Татнефтегазразведка», «Главвостокнефтепереработка», «Главвостокнефтедобыча», «Нефтезаводпроект», «Татнефтепроект», «Азнефтепроект». Имеется договор о содружестве с ЦНИЛом объединения «Татнефть», которому оказывается научно-консультационная помощь. В связи со специфическим характером нефти Татарии, большим содержанием в них серы и, следовательно, получением сернистого бензина, возник вопрос о разработке метода обессеривания бензинов. В лаборатории химии нефти был разработан термическо-каталитический метод обессеривания бензинолигроиновых фракций с помощью местного сырья. Этот метод, являющийся эффективным, экономически выгодным, простым в своем техническом оформлении передан в Техническое Управление Министерства Нефтяной Промышленности для его апробации [9, с. 41–45]. В лаборатории химии нефти наиболее существенным результатом деятельности является, издание монографии в 1957 году «Нефти Татарской АССР» — четырнадцать п.л. В ней на основании сравнительной характеристики нефти Татарии и основных типов нефти Советского Союза и зарубежных стран, сделаны выводы о химической природе нефти и высказаны некоторые соображения о возможности их использования в народном хозяйстве. Кроме монографии сотрудники лаборатории опубликовали и сдали в печать шесть статей [2, с.24–33]. По проблеме «Исследование нефти Урало-Волжского нефтяного района» изучен состав нефти трех месторождений, закончена экспериментальная часть исследования химического состава легких масляных фракций. По проблеме «Разработка и улучшения метода физико-химического анализа термографии» сконструирована и испытана установка для исследования температур кипения в интервале давлений от 0,1 мм. до 760 мм.

В Химическом институте Казанского филиала Академии Наук практикуется совместно с работниками про-

мышленности и сельского хозяйства по разработке некоторых тем, разделов и этапов, с последующим внедрением результатов научных изысканий в практику. Для этой цели к выполнению соответствующих разделов работы привлекаются инженеры заводов, работники колхозов, представители учреждений, работающие в родственных областях. В ряде случаев работы оформляются договорами о содружестве, заключаемыми между администрацией завода и дирекцией института. Результаты работ, как и результаты научного исследования в целом, обсуждаются, на заседании ученого Совета Института.

В Химическом Институте им. Академика А.Б. Арбузова заключен договор с фабрикой №8 в связи с разработкой нового вида продукции (изготовление стабилизатора). Разработана методика получения и изготовления стабилизатора, необходимого для организации в производстве нового вида продукции. В этой работе приняли участие от Химического Института Казанского филиала Академия наук: член-корреспондент АН — Б.А. Арбузов, младшие научные сотрудники — И.Н. Ризположенский и лаборант М.А. Зверева.

В 1946–1947 годах лаборатории института были заняты преимущественно разработкой теоретических тем. Лаборатория неорганической химии и за эти годы, наряду с разработкой теоретических вопросов, имела тематику, непосредственно связанную с запросами производства [5, с. 30–36].

Научная деятельность Химического института, особенно начиная, 1950 года не замыкается кабинетными, лабораторными исследованиями, и более или менее тесно проводится в содружестве с производственными и промышленными предприятиями. Наиболее удачно осуществляется связь и взаимосвязь науки и производства сектором неорганической химии [4, с. 8–11].

Ряд полученных в Химическом институте результатов имеют, помимо теоретического, так же и практическое значение. Три крупные работы Химического института, имеющие теоретическое и практическое значение, были доложены на заседании Президиума Академия наук СССР, с последующим обсуждением результатов исследований высококвалифицированными специалистами. Эти работы, проведенные под руководством академика А.Е. Арбузова, профессора Г.С. Воздвиженского и профессора Л.Г. Берга, заслужили одобрение Президиума Академия наук и по ним приняты решения о внедрении результатов в народное хозяйство. Все эти работы продолжают, как дальнейшие теоретические разработки, так и проведение ряда практических мероприятий, с целью использования результатов в народном хозяйстве [8, с. 19–26].

Литература:

1. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ) ф.4557, оп.1, ед.хр. 19, стр.24–33.
2. ЦГА ИПД РТ, ф.4557, оп.1, ед.хр. 19, стр.24–33.

3. ЦГА ИПД РТ, Ф.4571, оп.1, ед.хр.22, стр.8–11.
4. ЦГА ИПД РТ, Ф.4571, оп.1, ед.хр.22, стр.8–11.
5. ЦГА ИПД РТ, Ф.4557, оп.1, ед.хр.22, стр.30–36.
6. ЦГА ИПД РТ, ф.4557, оп.1, ед.хр. 26, св.7, стр.1–9.
7. ЦГА ИПД РТ, ф.4557, оп.1, ед.хр. 26, стр.19–26.
8. ЦГА ИПД РТ, Ф.4557, оп.1, ед.хр.26, стр.19–26.
9. ЦГА ИПД РТ, ф.4557, оп.1, ед.хр. 26, стр.41–45.
10. ЦГА ИПД РТ, ф.4557, оп.1, ед.хр. 30, стр.48–51.
11. ЦГА ИПД РТ ф.4557, оп.1, ед.хр. 36, стр.236–237.
12. ЦГА ИПД РТ, ф.7571, оп.1, ед.хр.38, стр.19–22.

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Канун Второй мировой войны. Формула «косвенной агрессии».

Условие советско-германского сближения

Аблизин Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, профессор
Саратовский военный институт внутренних войск МВД РФ

Аллянова Марина Сергеевна, кандидат педагогических наук, преподаватель гуманитарных дисциплин
Саратовский областной медицинский колледж

Комплекс советско-германских отношений 1939–1941 гг. сегодня больше, чем какой либо другой сюжет мировой истории, привлекает к себе самое пристальное внимание. Историки продолжают объяснять, как два ранее непримиримых режима добились улучшения своих политических отношений, как так получилось, что два правительства сошлись на подписании пакта нападения, секретных протоколов к нему и, наконец, даже договора «О дружбе и границе». Истоки такого поворота следует искать в трехсторонних советско-англо-французских переговорах весны и лета 1939 г. О таких контактах уже написано немало работ, главным образом, советских. Но, несмотря на проделанный исследователями труд, многие вопросы сегодня все еще остаются неизученными до конца, в частности, все, что касается советской формулы «косвенной агрессии». Данная статья рассказывает о том, в чем заключалось ее содержание и какова ее роль в неудаче трехсторонних переговоров.

3 апреля 1939 г. Гитлер впервые заговорил о своем намерении разгромить Польшу. 11 апреля он утвердил план польской операции (директиву «Weiss»). Европа вплотную приблизилась к началу Второй мировой войны. 13 апреля английское и французское правительства выступили с гарантиями польских и румынских границ. 14 апреля Англия запросила Москву, чем она сможет помочь Польше и Румынии. 16 апреля Франция предложила СССР обменяться письмами о взаимной поддержке в случае немецкой агрессии на основе двустороннего договора о взаимной помощи 1935 года» [1, с. 369–371]. Со своей стороны Москва внесла свое предложение об оформлении взаимопомощи, к которому могли бы присоединиться Финляндия, Польша, Эстония, Латвия и Румыния [2, с. 225]. 8 мая английское правительство ответило, что «пока еще не созрело время для такого серьезного договора». Вместо этого оно предложило договор, в соответствии с которым Советский Союз был бы обязан прийти на помощь Англии и Франции в случае германского нападения на Польшу, Румынию или Бельгию, но при этом западные союзники

не помогали бы СССР, если бы произошло нападение вермахта на балтийские республики [3, с. 123]. Правительство Н. Чемберлена настаивало на варианте соглашения, из которого следовало, что если союзники окажутся втянутыми в военные действия во исполнении принятых обязательств, советская сторона осуществит немедленную помощь «в случае выраженного желания в такой помощи, таким образом, и на таких условиях, как об этом будет достигнута договоренность» [4, с. 254]. Английский историк А. Тейлор назвал это предложение «концепцией крана»: «Советская помощь включалась и выключалась по воле английского кабинета министров, но только не советского правительства» [5, с. 213]. Получалось, что в случае немецкой агрессии СССР должен был прийти на помощь Польши, Румынии и Бельгии, но Англия и Франция отказывались помогать Советскому Союзу, если бы Германия захватила прибалтийские государства. Такой отказ открывал реальный путь для немецкой агрессии на восток, в сторону советских границ [5, с. 214]. Москва в таких условиях, тем не менее, не оставила своих попыток добиться согласия с западом. Серьезным испытанием для продолжившихся контактов явилась советская формула «косвенной агрессии». Ее первый набросок возник 28 марта, когда нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов заявил посланнику Латвии в Москве А. Коцню о заинтересованности своего правительства в сохранении независимости прибалтийских республик и подчеркнул готовность Советского Союза на деле доказать свою заинтересованность [6, с. 123].

В начале апреля советская сторона выразила свое согласие оказать западным соседям необходимую помощь в случае, если «указанное государство (Прибалтики, Финляндия, Польша, Венгрия, Турция или Румыния) согласится под угрозой силы со стороны какой-либо другой державы или без такой угрозы, но которое повлечет за собой утрату этим государством независимости или нарушение его нейтралитета» [4, с. 184]. Суть формулы трактовалась достаточно широко: как возможный государственный переворот или просто как поворот в политике в

пользу очевидного агрессора. Трактровка вызвала недовольство тех, кому обещалась помощь. Хельсинки назвал советские предложения «прямым поводом к агрессии», Таллин — неприкрытым намеком на «превентивную агрессию», а Каунас — на «превентивную оккупацию» [6, с. 137, 143, 147; 8, с. 178]. Английские министры разделяли мнение балтийских коллег, утверждая о том, что «определение формулы предоставляет широкие возможности для оспаривания значения ее каждого слова» [9, с. 87]. «Если бы мы захотели быть циничными, — заявил британский министр торговли, то мы могли бы спокойно принять формулу, понимая, что если возникнет перспектива ее применения, то мы сможем разойтись с русскими в толковании ее условий» [9, с. 93]. Некоторые из английских министров, считаясь с возможностью германо-советского сближения, требовали выработать компромисс, в соответствии с которым советское правительство осуществит немедленную помощь, в случае выраженного желания в такой помощи, таким образом и на таких условиях, как об этом будет достигнута договоренность» [7, с. 25; 9 с. 93]. Напрасно. 27 мая Англия и Франция вручили Москве свой вариант соглашения, который предусматривал не реальные действия, а всего лишь консультации сторон в случае угрозы агрессии, при этом оказание помощи ставилось в зависимость от согласия самой жертвы [11, с. 57].

2 июня Советский Союз повторил свою заинтересованность в распространении гарантий на балтийских соседей, но она была немедленно отклонена английским и французским правительствами [11, с. 63]. 15 июня союзники предложили ограничить свои переговоры обещанием начать трехсторонние консультации в случае одной лишь очевидной угрозы Латвии, Эстонии, Финляндии, Голландии и Швейцарии [2, с. 334; 10, с. 87, 123, 245]. Однако 16 июня СССР вновь решительно потребовал распространения гарантий на Прибалтику. 22 июня Франция, поддавшись советской настойчивости, предложила Англии включить балтийские лимитрофы в список тех государств, на которые должны были распространиться гарантии целостности границ [8, с. 199–200]. 28 июня советское руководство повторило свои предложения, получив очередное одобрение французского кабинета министров. В результате 1 июля западные союзники, наконец, выразили готовность распространить гарантии на Прибалтику [8, с. 212; 10, с. 87, 123, 245]. Однако вопрос о «косвенной агрессии» в данном случае был обойден молчанием, западные союзники выражали готовность сойтись на «прямой» агрессии. 1 июля советская сторона в очередной раз повторила, чтобы участники переговоров общими усилиями выступили для борьбы с фашизмом в случае «косвенной агрессии» [2, с. 337–338]. Однако и это предложение было проигнорировано.

3 июля Москва вновь с удивительным, но пугающим союзников упорством, напомнила свое требование [1, с. 383; 2, с. 341–343; 8, с. 215–216]. 10 июля НКВД СССР выступил с протестом по поводу затягивания пе-

реговоров. Четыре дня спустя последовало очередное предложение [1, с. 387; 2, с. 348; 8, с. 216]. Бесплезно. Тем не менее 23 июля советское руководство высказалось за проведение трехсторонних переговоров о заключении трехсторонней военной конвенции. 27 июля стороны оговорили условия для проведения переговоров на уровне военных штабов с целью ее согласования. Будущее соглашение должно было определить, сколько вооруженных сил обязана будет выставить каждая сторона для борьбы с агрессором [11, с. 87, 89–93; 12, с. 191]. Переговоры представителей союзнических генеральных штабов с советскими коллегами продолжались с 14 по 21 августа. В качестве основного условия подписания военной конвенции сталинское руководство выдвинуло требование пропуска советских частей по балтийскому, польскому (галицийскому и виленскому) и румынскому (буковинскому) коридорам. 7 пункт сценария переговоров гласил: «Если выяснится, что свободный пропуск советских войск является исключенным, следует заявить, что без этого условия соглашение невозможно, т.к. без свободного пропуска советских войск по указанным коридорам борьба с агрессией в любом ее варианте с самого начала обречена на провал. Мы, поэтому участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал, не намерены» [2, с. 387; 4, с. 389]. Западные миссии стремились убедить советских коллег в необходимости выступить для борьбы с агрессором, даже не имея реальной возможности нанести по нему свой удар. Они твердили, что если «вермахт нападет на восточных соседей, то те будут умолять русских оказать им скорейшую военную помощь» [9, с. 143]. Москва отклонила предложение союзников [2, с. 398–402; 10, с. 98–100; 11, с. 95]. Контакты сторон закончились неудачей. Кремлевское руководство задумалось о кардинальном улучшении своих отношений с гитлеровским правительством.

Насколько искренне была советская сторона в согласовании «косвенной агрессии» неизвестно, политика, как известно, — это «искусство возможного». Осмелимся, тем не менее, предположить, что формула явилась, «лакмусовой бумагой», т.е. проверкой запада на прочность. Военные переговоры сторон послужили «ширмой», за которой каждый участник старался добиться для себя максимальных преимуществ за нейтралитет в близившейся германо-польской войне. Англичане, пытались выдать советскую формулу «косвенной агрессии» за «тройянский сюрприз». Но это были всего лишь отговорки, причем шитые белыми нитками: контакты с советскими коллегами, в том числе и по определению «косвенной агрессии», служили удобным поводом для достижения с нацистским руководством очередного мюнхенского соглашения, которое бы позволило союзникам остаться в стороне от европейской войны, столкнув ненавистный им большевизм с не менее неприятным для них гитлеризмом. 3 августа британский кабинет министров уведомил немецких коллег о своем согласии оформить с ними многообещающий двусторонний

договор о ненападении и невмешательстве. «Германия, — значило в предложении, — обещает не вмешиваться в дела Британской империи, а та, со своей стороны, обещает полностью уважать германские политические интересы в Восточной и Юго-Восточной Европе» [2, с. 125, 127, 202–203]. 9 и 10 августа английское правительство повторило, что «проведение двусторонних переговоров сможет разрядить сложившуюся напряженность: «Британское правительство имеет живейшее желание, чтобы это время наступило, и тогда оно пойдет очень далеко для достижения этой цели» [8, с. 228, 234]. 12 и 14 августа со стороны Лондона последовали очередные предложения, касавшиеся разграничения германских и английских интересов. Форрин-офис соглашался не вмешиваться в германо-польские отношения при условии уважения рейхом его экономических интересов в балканском регионе [1, с. 302–303, 305–306].

Сталинское руководство не доверяло ни английскому, ни французскому, так же, как оно не доверяло привык-

шему всех обманывать германскому правительству. В Кремле не знали о содержании английских предложений, но догадывались. На примере «косвенной агрессии», кремлевское правительство, с одной стороны, прощупывало далеко идущие намерения партнеров в заигрывании с гитлеровским правительством, а с другой — недвусмысленно намекало на свои не менее далеко идущие интересы в переустройстве европейского континента. Выдвинутая им формула показывала, на каких условиях советская сторона готова была объединиться с демократической с (англо-французской) или фашистской (германо-итальянской) коалицией. Все зависело от того, кто был готов смириться с советским доминированием на Балтике. Лондон и Париж не проявили интереса к советским требованиям, свою заинтересованность обнаружило гитлеровское правительство: приближалась польская кампания, и нацистской верхушке на востоке был крайне необходим нейтралитет советского «колосса».

Литература:

1. Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы: в 2 кн. М., 1990. Кн. 1.
2. Документы внешней политики СССР: в 23 т. — М., 1990. Т. 22. Кн. 1 (1 января — 31 декабря 1939 г.).
3. Емельянов, Ю.П. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? / Ю.П. Емельянов. — М., 2007.
4. Дипломатические документы кануна и начала Второй мировой войны. — М., 1981.
5. Каспаравичюс, А. Дипломатическая реакция Прибалтийских республик на пакт Риббентропа-Молотова. / А. Каспаравичюс. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения гитлеровской Германии на СССР. — М., 2006.
6. Полпреды сообщают. Сборник документов и материалов об отношениях Советского Союза с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 года. — М., 1990.
7. Панкрашова, М. Англо-франко-советские переговоры 1939 года. / М. Панкрашова. // Международная жизнь. — 1989. № 12.
8. СССР и Литва в годы Второй мировой войны. СССР и Литовская республика (март 1939 — август 1940 года). Документы и материалы: в 2 т. — Vilnius, 2006: Т. 1.
9. Dallin, A. The Baltic States between Nazi Germany and Soviet Russia. / A. Dallin. // The Baltic States in Peace and War. — London, 1998.
10. Семиряга, М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг. / М.И. Семиряга. — М., 1991.
11. Овсяный, И.М. Последние недели мира / И.М. Овсяный. — М., 1981.
12. Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М.И. Мельтюхов. — М., 2001.

Патриотизм и гражданственность сиенцев по материалам городских хроник XIV–XV веков

Дмитриева Марина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье анализируются материалы городских хроник Сиены XIV–XV веков, позволяющие судить об особенностях менталитета горожан Сиены в эпоху Средневековья. В описаниях важных «внешнеполитических» событий ранней городской истории находят отражение патриотические и гражданские чувства хронистов, ярко осознающих свою городскую идентичность.

Ключевые слова: авторы городских хроник Сиены XIV–XV веков, городская идентичность, менталитет сиенских граждан, патриотизм и гражданственность.

Потребность горожан в создании «своей» истории была связана с особенностями политической жизни Северной и Средней Италии, где фактически не было центральной власти, и в результате борьбы за самоуправление отдельных городов, лавировавших между Империей и папством, образовалась система независимых городов-государств. Городская историография родилась фактически одновременно с обретением европейскими городами прав независимости [5, с. 51]. Начиная с XII века, итальянские хронисты принимают восхвалять свои коммуны, которые в их интерпретации, представляются оплотом законности и порядка (и в этом плане противостоят феодальному произволу), центрами развития ремесла и торговли, а также средоточием культурной жизни. В XIII веке городская история усложняется: горожане Милана, Венеции и Флоренции создают настоящие панегрики своим городским коммуна, в которых особо подчеркивается разумная и справедливая организация городской жизни. В XIV веке эта традиция обогащается новыми подходами: освоенная городом округа осмысливается как продолжение города, да и сам процесс урбанизации пространства, окружающего город, рассматривается положительно [1, с. 151–152].

Сиена — один из крупных городских центров Тосканы, стала коммуной в 20-е годы XII века, что было официально подтверждено императором Генрихом VI в хартии 1186 года [10, р. 182]. Городские хроники Сиены описывают историю города коммунального периода (XII–XV вв.) Они содержат данные о социально-политическом устройстве общества, позволяют судить о взглядах авторов на городское общество, его структуру и особенности, выявить их общественный идеал. Патриотические и гражданские взгляды сиенских хронистов, являющиеся важной частью их представлений об обществе, станут предметом изучения в данной статье.

Следует отметить, что особенно ярко свою любовь к родной коммуне сиенские хронисты демонстрируют описывая ранний период (кон. XII–XIII вв.) ее истории, а также в описаниях событий городской истории первой половины XIV века. Образование и становление коммуны: создание основ городской власти, признание ее им-

ператором, подчинение контадо, войны с соседями и отношения с Империей и папством — все эти важные вехи городской истории становятся для сиенских хронистов хорошим поводом для проявления этих чувств, для осознания ими собственной городской идентичности.

Объектом изучения стали несколько городских хроник Сиены. Самая ранняя из них относится к первой половине XIV века [9]. Она содержит лаконичный рассказ о событиях городской жизни с 1313 по 1320 годы. Несмотря на утрату значительной части манускрипта (из-за чего невозможно установить начальную дату повествования и имя автора), она позволяет судить о том, что ее он, подобно большинству авторов городских хроник Сиены, был попианом и ее гражданином.

В другой анонимной хронике XIV века, описывается история города с 1202 по 1391 годы [7]. С начала повествования и до 1332 года записи — регулярны и включают от одной до пяти глав за год, затем с перерывами доходят до 1362 года. Мировоззрение сиенского анонимного автора определяют ярко выраженные гражданские чувства, его личность, как бы, «растворяется» в определении «наши великие сиенцы» [7, р. 85]. Во второй половине XIV века хроник дополняет другой анонимный автор, который, возможно, и разделил ее на главы, подражая своему младшему современнику, автору самой знаменитой из итальянских городских хроник XIV века — флорентийцу Джованни Виллани [2; 11].

Большая хроника описывающая события первой половины XIV века и датируемая началом XV века — самая объемная и подробная из всех сиенских хроник [6]. Она была составлена в первые десятилетия XV века на основе семейных дневников, хроник и других документов XIV века и условно приписывается Аньоло ди Тура дель Грассо — сиенскому гражданину, жившему в первой половине — середине XIV века.

Хроника Паоло ди Томмазо Монтаури, описывающая события сиенской истории с конца XII до 1432 года, в большей своей части не оригинальна и представляет компиляцию других хроник [8]. В данном случае интерес представляет один из фрагментов ее текста, описывающий события сиенской истории с 1170 по 1315 год и, особенно,

описание событий 1260 года. Хроника датируется второй половиной XV века.

Материалы сиенских городских хроник демонстрируют тесную связь внутри — и внешнеполитической жизни города, которая выступает на их страницах в виде сообщений о гвельфах и гибеллинах, рассказах об императорах и папах. Изложение фактов городской истории не подчиняется определенной жесткой схеме, но, как правило, сначала хронисты фиксируют именно «внешнеполитические» события жизни города: приезд важных персон, покупка и захват городом новых земель, участие в военных предприятиях разного масштаба. Действующими лицами в этой части выступают субъекты исторического процесса: императоры и короли, римские папы и их посланцы, жители других стран и городов и их синьоры, и, конечно, сами жители Сиены. Важно отметить, что именно «внешнеполитическая» история чаще дает хронистам возможность для проявления своих патриотических и гражданских чувств.

Так, из хроник становится известно, что вскоре после своего образования (20-е годы XII века) коммуна Сиены повела борьбу за контроль над округой — контадо, вступая в войны как с соседними городами-государствами Флоренцией, Пизой, Лукой, так и с отдельными феодалными семействами. К концу XII века республика добилась контроля над всей территорией контадо [7, р.44; 8, р.180], но процесс продолжался. Постепенно, в ходе этой борьбы, под ее власть попадали небольшие окрестные города и сельские поселения. Хронисты описывают отдельные эпизоды этого процесса и относятся весьма одобрительно к расширению Сиенского государства [7, р.46; 8, р.188—191].

Главным политическим противником и основным экономическим конкурентом Сиены стала Флоренция, также боровшаяся за власть в Тоскане. Общая граница между двумя республиками обостряла ситуацию и вела к постоянным военным конфликтам, перевес в которых обычно был на стороне Флоренции. Соперничество Сиены и Флоренции было связано с общеитальянской борьбой гвельфов и гибеллинов: Флоренция стала одним из главных союзников папы, а Сиена поддерживала императора. Активные военные действия между гвельфами (Орвието, Лукка и Генуя) и гибеллинами (Сиена, Пиза и Пистойя) шли в Тоскане с середины 50-х годов XIII века.

По данным городских хроник Сиены, их кульминацией стала знаменитая битва у подножия замка Монтеапerti (4 сентября 1260 года), когда на поле брани гибеллинское ополчение Сиены разгромило блестящее и многочисленное гвельфское войско Флоренции и союзных ей городов [7, р. 57— 62; 8, р. 194—214]. Великий Данте увековечил это событие в X песне «Ада», вспоминая страшную резню, окрасившую в багровый цвет воды речки Арбии, протекавшей около замка [3, с. 53—54]. Сиенские хронисты уделили этому событию много внимания. Судя по описаниям его в хрониках, их авторы (живущие уже в гвельфской Сиене), придавали огромное значение победе при Монтеапerti, которая, в их интерпретации,

стала одной из самых славных страниц истории родного города. Они объясняли свою победу покровительством Девы Марии, которой город был посвящен накануне сражения. В хрониках рассказывается и о том, как перед лицом надвигающейся опасности, епископ (ранее поддерживавший гвельфов) вместе с главой гибеллинского правительства Двадцати четырех Синьоров (1240—1270) и другими официальными лицами коммуны участвовал в церемонии символического вручения ключей от города Деве Марии [8, р. 201]. В них подчеркивается объединение всех горожан ради общего блага, их патриотический подъем и отвага. Очевидно, что победа при Монтеапerti настолько прочно вошла в историческую память горожан, ассоциируясь в их сознании с силой и независимостью их родины, что и в XV веке они продолжали с гордостью описывать ее в своих хрониках. В анонимной хронике и хронике Паоло ди Томмазо Монтаури успех сиенцев объясняется не только заступничеством Девы Марии, но и их собственными усилиями. Здесь сообщается о том, что добровольная финансовая помощь коммуне семьи Салимбени позволила оплатить военные услуги немецких рыцарей Манфреда [7, р. 57; 8, р. 200], а труд всех горожан — ремесленников стал их вкладом в общее дело [8, р. 200]. Кроме того, в этих рассказах хронисты создали образ «сиенского народа», сложившийся из характеристик, которыми они наделяли своих соотечественников. Основными чертами сиенцев, по мнению анонима XIV века являлись: великодушие, благоразумие, сила и отвага [7, р. 50, 57, 60, 74]. В хронике Паоло ди Томмазо Монтаури «...сиенский народ — самый свободный, самый отважный и самый доблестный во всей Тоскане и Ломбардии...» [8, р. 206].

Следует отметить, что и авторы флорентийских хроник этого времени, в частности, Джованни Виллани, описывает Флоренцию как некий идеальный город [11, р. 11—12]. Рассказывая о событиях начала XIV века, Виллани характеризует ее как «... самое великое государство: первое как по силе и мощи, так и по количеству жителей, с благородными нобиями и свободным народом», власть которого распространяется почти на всю Тоскану [11, р. 82]. В сиенских же хрониках этого времени их соседи и противники — флорентийцы фигурировали на иначе как «...эти коварные псы флорентийцы...», которые «всегда нарушают слово», «наши враги» и «злодеи» [7, р. 51; 8, р. 210—202, 203, 208]. Интересно, что эпитеты, которыми сиенские хронисты наградили флорентийцев в рассказах, посвященных Монтеапerti и других эпизодах из истории ранней коммуны, сильно контрастируют с их же «спокойными» сообщениями по поводу проводимых позже (с конца XIII века) совместных военных операций. Впрочем, хронисты и в этом случае находят возможность похвалить свой город и соотечественников. Например, автор Большой хроники очень горд помощью, которую Сиена оказала Флоренции, которую император Генрих VII осадил в 1312 году: «Император подошел к Флоренции и разбил лагерь в Сан-Сальви во вторник 19 сентября. И из Сиены во Флоренцию отправились 500 кавалеристов и 4

тысячи пехотинцев, и если бы сиенский народ не оказал этой твердой поддержки, то было бы поражение города Флоренции» — сообщил он по этому поводу. [6, р. 283].

Итак, политическое торжество Сиены после Монтеапери оказалось недолгим, хотя она и возглавила гибеллинов Тосканы [7, р. 66]. Переломным для нее стал 1269 год, когда сиенское войско было разбито флорентийским в битве у Колле ди Вальдельса (это был своеобразный реванш — за Монтеапери), после чего Сиена перешла в лагерь гвельфов и стала одним из звеньев тосканской Лиги, основную роль в которой играла Флоренция. Кардинально изменилось и внутреннее устройство Сиенской коммуны: в 1287 году у власти встали представители пополанов-гвельфов, сформировавшие правительство Девяти Синьоров (1287—1355) — первое пополанское правительство в ее истории [7, р. 69—70]. Нобили были официально исключены из городского правительства.

Описывая значительные события городской жизни и, желая подчеркнуть участие в них всего населения, хронисты обычно использовали выражения: «коммуна и нобили Сиены», «горожане и нобили», «народ и нобили» [7, р. 47, 51, 78]. С их точки зрения, это — две составные части городского общества, которые, с одной стороны противопоставлены друг другу, с другой — составляют единство городского мира. Во флорентийской хронике Джованни Виллани присутствуют те же политические стереотипы: общество делится на гвельфов и гибеллинов, на пополанов и грандов. Для него, быть гвельфом и пополаном — хорошо, быть гибеллином и грандом — плохо и порочно [4, с. 43]. В описаниях сиенских хронистов жители города чаще выступают в качестве единой общности, объединенной любовью к родному городу и гордостью за свою принадлежность к нему, в качестве сплоченной силы, противостоящей военным силам других городов-коммун, независимым феодалам, с которыми Сиена ведет войну или вступает в союзные отношения (например, графы Альдобрандески).

В первой половине XIV века Сиена ведет военные действия силами своего ополчения. Так, начиная рассказ об очередном походе горожан во владения графов Альдобрандески (Санта Фьора) в 1314 году, другой аноним первой половины XIV века сообщает: «Мы выступили из Сиены в количестве 400 всадников 500 арбалетчиков и пехотинцев...» [9, р. 168]. Под «мы» хронист подразумевает городское ополчение, выступившее против вышеупомянутых графов. Подобно большинству авторов изучаемых хроник, этот хронист представляет себя в качестве гражданина Сиены. Для него, «я» — это «мы», а «мы» — это сиенская коммуна. Городское ополчение Сиены, с которым он себя идентифицирует в данном случае, противопоставлено графам Альдобрандески, большая часть

земель которых, к этому времени была уже захвачена или куплена сиенской коммуной.

Подобный состав городского войска встречается и в Большой хронике начала XV века, где рассказывается о походе в 1318 году городского ополчения на город Массу Мариттиму, с которым Сиена поспорила по поводу прав на замок Джерфалько в Маремме. Войско составили 400 человек кавалерии, 400 арбалетчиков — членов военных народных компаний, а также, цеховое ополчение: «...600 пехотинцев из цеха Лана, 100 — из цеха Огня, 100 мясников и много плотников и лавочников». Вскоре ополчение было отозвано, но поскольку поход оказался безрезультатным, народное недовольство вылилось в восстание против правительства Сиены: «...в пятницу, 21 июля мясники, кузнецы и многие другие мелкие пополары вышли на Кампо, крича и бросая камни..., захватили все выходы с Кампо ...» [6, р. 371]. Очевидно, в этой истории именно «внешнеполитическая» неудача провоцирует народное недовольство и данный эпизод отнюдь не единичен.

Анализ текстов городских хроник Сиены показывает, что их авторам был свойственен патриотизм и высокая гражданственность. Ярче всех это демонстрирует анонимный автор второй половины XIV века. Его мировоззрение определяют ярко выраженные патриотические и гражданские чувства, для него «мы» — это сиенцы, которые противопоставят жителям других городов, прежде всего — флорентийцам. Его самые эмоциональные описания касаются именно взаимоотношений Сиены и Флоренции. Его хроника — прекрасный пример демонстрации своеобразного местного патриотизма (или кампанилизма), являющегося одной из основных характеристик пополанских хронистов этого времени.

Победа над флорентийцами в битве при Монтеапери (1260) явилась для сиенцев важнейшим, центральным событием их истории. Она настолько прочно вошла в историческую память горожан, ассоциируясь в их сознании с силой и независимостью их родины, что и в XIV, и в XV веке они продолжали с гордостью и чрезвычайно подробно описывать ее в своих хрониках. В рассказах о Монтеапери сформировался образ «сиенского народа» — «самого свободного, самого отважного и самого доблестного во всей Тоскане и Ломбардии» [8, р. 206]. Представления сиенских хронистов об обществе, в определенной степени сходные с подобными взглядами на общество и власть ряда выдающихся представителей общественной мысли эпохи: гуманистов, религиозных и политических мыслителей, раскрывают специфику исторической судьбы города. Высокий гражданский и патриотический дух, отразившийся в них, также как в произведениях сиенского искусства, отличает Сиену от других городских центров.

Литература:

1. Брагина Л.М. Итальянские гуманисты XV века о городской цивилизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. с. 151—161

2. Виллани, Джованни. Новая хроника или история Флоренции. М., 1997. 551 с.
3. Данте Алигьери. Божественная комедия. М., 1992. 624 с.
4. Краснова И.А. Политические настроения в обыденном сознании граждан Флоренции в конце XIV — первой половине XV в. // От средних веков к Возрождению: Сб. в честь Л.М. Брагиной. СПб, 2003. с. 43—60.
5. Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. 412 с.
6. Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore / Ed. A. Lisini e F. Jacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 253—564.
7. Cronaca senese dall'anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della meta del secolo XIV / Ed. A. Lisini e F. Jacometti // Rerum Italicarum Scriptores. XV, 6. Bologna, 1937. P. 42—162.
8. Cronaca Sanese, conosciuta sotto il nome di Paolo di Tommaso Montauri / Ed. A. Lisini e F. Jacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 179—252.
9. Frammento di cronaca senese di anonimo (1313—1320) / Ed. A. Lisini e F. Jacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 163—172
10. Monumenta Germaniae Historica. Legum. II / Ed. G.M. Pertz. Hannover, 1837.
11. Villani G. Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo. Torino, 1979. 346 p.

Трудовая миграция в США из Великобритании во время Реконструкции (1865—1877)

Киселева Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент
Вологодский государственный педагогический университет

Миграция населения вызывается сложным комплексом экономических, социально-политических, религиозных, этнических и иных факторов, с одной стороны, и оказывает своеобразное «давление» на них — с другой. Особое место в миграционных потоках занимает перемещение трудовых ресурсов, которое при правильной организации может стать дополнительным стимулом экономического роста государства-реципиента.

Хорошо известно, что одним из таких государств в Новое время были Соединенные Штаты Америки, заинтересованные в притоке эмигрантов из Европы, в первую очередь, из Англии, долгое время являвшейся «мастерской мира». По мнению ряда зарубежных исследователей, на протяжении большей части XIX века существовала так называемая «атлантическая экономика», базировавшаяся на взаимодополняемости национальных хозяйств Великобритании и США. Основой ее было пересекающееся движение и взаимодействие двух потоков — промышленной продукции, капиталов и рабочей силы — с Британских островов, сырья и продовольствия — из США [1, с. 103].

Несмотря на то, что во время Гражданской войны (1861—1865) США перешли к протекционистской тарифной политике с целью поддержания национального производства, а некоторые английские товары стали облагаться пошлинами в размере от 60 до 90 процентов их стоимости, сложившаяся ранее структура хозяйственных связей между двумя государствами не претерпела существенных изменений. Великобритания сохранила роль главного потребителя американского продовольствия и сырья. В 1865—1877 годах суммарный вывоз хлопка, зерновых,

мяса, табака, шерсти и рыбы на Британские острова увеличился в 3,5 раза и составил 21,6 процента от общего экспорта США. [8, с. 28, 464]. На рубеже 1860—1870-х годов Лондон вернул себе и роль главного кредитора на американском финансовом рынке, которая была им утрачена во время Гражданской войны. Доля английских капиталов в общем объеме иностранных инвестиций в США в период Реконструкции колебалась от 44 до 70 процентов, составляя от 22 до 40 процентов от всего вывезенного из Англии капитала [1, с. 108].

После Гражданской войны значительно возросла потребность американского хозяйства в трудовых ресурсах. Согласно данным доклада Д. Уэллса, специального уполномоченного Министерства финансов, за годы конфликта между Севером и Югом промышленность Севера лишилась 500—750 тыс. человек в результате гибели части населения во время военных действий, переезда в другие районы страны, возвращения в Европу [6, с. 352—354]. С целью восполнения трудовых резервов Конгресс США принял «Акт о поощрении иммиграции» (1864), которым предполагалось возобновить традиционную для Североамериканской республики контрактную систему ввоза работников. Законом предусматривалось, что мигрант должен отработать определенный срок на зафиксированном в контракте предприятии, а оплаченная работодателем стоимость переезда в Америку будет вычитаться из жалованья работника. Авторы закона рассчитывали на приток в страну высококвалифицированных, в первую очередь, английских рабочих. Закон оказался неэффективным. Законтрактанные рабочие часто обнаруживали, что обещанная им высокая заработная плата — миф,

и отказывались выполнять условия договоров. Предприниматели же стали все чаще ввозить из разных регионов работников низкой квалификации с целью снижения заработной платы местным рабочим. Это вызвало их энергичное выступление против иммиграционных институтов. Главный из них — Иммиграционное бюро — было закрыто в 1868 году, а федеральное иммиграционное законодательство не развивалось и не корректировалось до 1882 года.

В октябре 1870 года в Индианаполисе состоялся конвент губернаторов двадцати двух штатов, рассматривавший вопрос о средствах поощрения иммиграции и направивший в Конгресс США резолюцию с предложением о создании нового общенационального Иммиграционного бюро. В том же году ассоциация граждан Нью-Йорка вошла в Конгресс с инициативой об организации Международной ассоциации содействия и защиты иммиграции [7, с. 140]. Федеральные государственные структуры не поддержали эти и подобные им предложения. В результате вопросами иммиграции в 1868—1877 годах занимались, в основном, консулы, специальные агентства штатов и частные вербовочные бюро. Все чаще владельцы американских предприятий действовали самостоятельно, без посредников, и направляли, к примеру, в Англию своих представителей, как правило, британцев по рождению, хорошо знакомых как с ситуацией на исторической родине, так и с потребностями фирмы в конкретных специалистах и категориях рабочих.

Негативное отношение федерального правительства к предлагавшимся проектам было отчасти обусловлено неэффективным опытом работы Американской Эмиграционной Компании в 1864—1868 годах. Занимаясь распространением информации об условиях труда в США и заключением контрактов, она, тем не менее, не смогла привлечь сколько-нибудь существенного миграционного потока, в том числе из Великобритании.

Основным ареалом ее деятельности на Британских островах были районы хлопчатобумажной, угледобывающей, и металлургической промышленности — Ланкашир, Стаффордшир, Южный Уэльс. Ее служащие стремились к сотрудничеству с английскими тред-юнионами, создававшими свои так называемые «эмиграционные комитеты» в Манчестере, Блекбурне, Престоне и других городах. При этом Компания концентрировала свои усилия в депрессивных районах, где шла напряженная борьба между рабочими и предпринимателями. Ей удавалось добиваться согласия лидеров отраслевых профсоюзов компенсировать затраты на переезд в Америку рядовых членов организаций. Но контакты эти были временными, часто ограничиваясь периодом стачек или локаутов. За время деятельности Компании в Англии (1864—1868) ей удалось направить за океан лишь несколько сот рабочих [5, с. 3]. Неэффективность работы этого федерального агентства объяснялась несовершенством и архаичностью контрактной системы, недостоверностью распространяемых ею сведений об условиях труда и уровне жизни в США. Зна-

чительная часть законтрактованных Эмиграционной Компанией работников покидала пределы США и даже возвращалась обратно.

Английские же власти практически не вмешивались в деятельность Компании. В бизнес-элите Британии отношение к ней было различным. Предприниматели, экономически связанные с США, требовали выделения средств из государственного бюджета на поощрение эмиграции и выступали за активизацию частной вербовочной деятельности. Деловые круги, опасавшиеся американской конкуренции на мировом рынке, напротив, пытались противодействовать оттоку квалифицированной рабочей силы в Североамериканскую республику. Они внимательно следили за динамикой трудовой эмиграции в США, вели агитацию против американских вербовочных агентств, ратовали за переселение выходцев с Британских островов в английские колонии и доминионы. В 1867 году печатный орган английского бизнес-сообщества — еженедельник «Экономист» — поместил серию статей, призванных ответить на вопрос: как остановить эмиграцию в США? Ответ был дан вполне определенный: «...единственное средство — повышение заработной платы до уровня, существующего за океаном» [3, 1867. т. 25. № 1224, с. 145; № 1229, с. 296].

Действительно, в эпоху Реконструкции продолжали действовать факторы долговременного характера, обеспечивавшие массовый приток эмигрантов в США: исключительно емкий рынок рабочей силы; более высокая заработная плата (за более интенсивный труд); возможность стать собственником земельного участка, стоившего меньше ежегодной ренты, уплачиваемой английским арендатором лендлорду; реально действующие «социальные лифты». Они были дополнены такими важными событиями, как ликвидация рабства (1862), победа Севера в Гражданской войне (1865) и развитие парового флота. Последнее резко сократило время преодоления расстояния между Европой и Северной Америкой, способствуя расширению миграционных процессов.

В результате эмиграция в США превысила выезд из Великобритании во все остальные страны, доминионы и колонии, вместе взятые, составив в 1865—1877 годах 1 млн. 618 тыс. человек из общего числа эмигрантов в 2 млн. 274 тыс. человек. Ее динамика согласовывалась с циклами развития американского и мирового хозяйства: она проявляла устойчивую тенденцию к росту в 1868—1873 годах, что совпадало с мировым подъемом, модифицированным в США конверсией производства, и снизилась в период кризиса и депрессии 1873—1879 годов [4, с. 204]. Спад был настолько глубоким, что «Экономист» в 1874 году не без удовлетворения писал, что слава о США как об обетованной земле для рабочих начинает меркнуть, и даже предсказывал возможное изменение направления миграционных процессов: из Нового Света — в Старый [3, 1874. т. 32, № 1615, с. 962, 1312].

Вопреки этим ожиданиям в двадцатилетие после Гражданской войны среди британских эмигрантов в США

по-прежнему абсолютно преобладали промышленные рабочие, которые не только редко меняли свою специальность или род занятий, но и достаточно быстро вливались в состав так называемых коренных американцев. Так, в 1870 году уроженцы Великобритании составляли 22,6 процента всех занятых в американской горнодобывающей промышленности, 10,5 процента — в чугуно- и сталелитейном деле, 10,5 процента — в текстильном производстве. Доля же их в числе лиц, занятых наемным сельскохозяйственным трудом, была невелика — 0,2 процента [5, с. 190]. Ряд исследователей называют 1860—1870-е годы «британской эпохой в американской каменноугольной и металлургической промышленности». Эмигранты из Великобритании работали на шахтах Пенсильвании, Мериленда, Огайо, Иллинойса, Айовы и Канзаса. Они были одними из первых, кто трудился на новых, возникших после Гражданской войны, шахтах Оклахомы, Юты, Вайоминга, Калифорнии, Вашингтона, Кентукки и Теннесси [2, с. 58].

Переселенцы с Британских островов не были единственными квалифицированными горняками на американских предприятиях. В 1860-х годах немцы и ирландцы превосходили их по численности, были и другие европейцы. Ирландцы, составившие в середине XIX века массу потомственных пролетариев индустриализирующейся Америки, часто приобретали квалификацию до переезда за океан, на угольных разработках Шотландии и Южного Уэльса. Их же соотечественники, прибывавшие в США позже непосредственно из Ирландии, как пра-

вило, не имели никакой квалификации. Этим определялась важная роль английских иммигрантов как наиболее квалифицированных промышленных рабочих, техников и инженеров. Получение обученной рабочей силы стало важным позитивным компонентом усиления хозяйственного потенциала США в период Реконструкции. Выходцы из Великобритании являлись наименее дискриминируемыми и наиболее легко ассимилирующимися иммигрантами в США, отличавшимися от приехавших из других стран более высоким имущественным и общественным положением.

В то же время иммиграция из Великобритании никогда не состояла из одних профессионалов. После Гражданской войны доля неквалифицированного труда в ней возросла. Это сближало ее по характеру с развернувшейся в тот период иммиграцией из стран Южной и Восточной Европы и положило начало процессу постепенной утраты ею исключительного значения для американского производства. Показательно, что при внедрении на рубеже 1860—1870-х годов бессемеровского процесса в металлургии, США широко использовали не только британскую технологию, но и ввозили, в том числе по контрактам, большое число английских рабочих. Позже, когда технический прогресс американской индустрии перестал зависеть от английской инженерной мысли, а подчас и опережал ее, опыт английских рабочих нередко стал рассматриваться как устаревший и тормозивший эскалацию технологической революции. Но это — тема уже другой статьи.

Литература:

1. Bagwell Ph.S., Mingay G.E. Britain and America 1850—1939. A Study of Economic Change. London, Routledge & Kegan Paul, 1970. — X1У, 312 p.
2. Berthoff R.E. British Immigrants in Industrial America 1750—1950. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1953. — 296 p.
3. The Economist. Weekly Commercial Times, Bankers' Gazette and Railway Monitor: A Political, Literary and General Newspaper. London, 1865—1877.
4. English Historical Documents / General ed. Douglas D.C. Vol.12 (1). London, Eyre & Spottiswoode, 1970. — 1977 p.
5. Erickson Ch. American Industry and the European Immigrant 1860—1885. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1957. — 269 p.
6. Historical Aspects of the Immigration Problem. Select Documents / Ed. by Abbott F. Chicago, the Univ. of Chicago Press, 1926. — 881 p.
7. Stephenson G.A. History of American Immigration. Boston, New York, Ginn & Co., 1926. — 316 p.
8. U.S. Department of State. Bureau of Foreign Commerce. Commercial Relations with Foreign Countries. Washington, G.P. O., 1877—1878.

Россия и Англия на персидских рынках в 1850–1870-х гг.: первый опыт концессионирования

Макутчев Александр Валерьевич, кандидат исторических наук
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

С начала XIX в. Персия (Иран) стала ареной «Большой Сигры» — масштабной экономической и дипломатической борьбы России и Англии за гегемонию в Центральной Азии. Персия в планах двух великих держав занимала особое место: контроль над ней предоставлял как экономические выгоды (Персия являлась обширным рынком сбыта и сырья), так и стратегические преимущества. Англия рассматривала Персию как буферный регион, не позволявший России выйти к границам британской Индии. Россия, в свою очередь, стремилась не пустить британцев в Среднюю Азию и потому не желала перехода Персии под протекторат Англии.

При этом в первой половине XIX в. Персии, несмотря на заключение ряда неравноправных договоров с западными державами, удавалось сохранять самостоятельность. После Туркманчайского мира, завершившего Русско-персидскую войну 1826–1828 гг., отношения между Россией и Персией улучшились, и персы на время получили в лице России гаранта своей независимости. Однако начиная с 50-х гг. XIX в., после ряда внешне- и внутривнутриполитических событий, происходит постепенное превращение Персии в полуколонии западных держав.

Толчком к этому стали Бабидские восстания, охватившие Персию в 1840-е гг. Учение Баби, проповедывавшего отказ от светских законов и всеобщее равенство, было воспринято частью населения, недовольной внутренней политикой шаха Мухаммада. Сменивший Мухаммада шах Насер эд-дин (1848–1896) бросил все силы на борьбу с сектантами, истощая страну новыми налогами в пользу армии.

Кроме того, в 1851 г. умер правитель Герата — фарсоязычного города на границе Персии и Афганистана. В присоединении Герата были заинтересованы как Персия, так и опекаемый Англией Афганистан. Персия пыталась захватить Герат еще в 1838 и 1852 гг., но дважды была вынуждена отступить, столкнувшись с оппозицией Великобритании. В 1853 г. британцы вынудили персов отказаться в одностороннем порядке от вмешательства в дела Герата [2, с. 121–124]. Персы приняли обязательство, однако 25 октября 1856 г. захватили город. Шах Насер эд-Дин, нарушая договоренности с британцами, действовал неосмотрительно, поскольку на защиту со стороны России с началом Крымской войны рассчитывать не мог.

Британия ожидаемо воспротивилась действиям персов, поскольку хотела, чтобы Афганистан оставался буферным государством между Британской Индией и российскими владениями в Средней Азии. Англичане считали, что действия персов в отношении Герата были инициированы Россией. По их данным в персидской армии работали

российские офицеры-инструкторы, и осада Герата была попыткой России подобраться к границам Индии. Генерал-губернатор Индии лорд Каннинг, получив приказ из Лондона, 1 ноября 1856 г. объявил Персии войну. Имея неудачный опыт войны в пустыне с афганцами, на этот раз англичане предпочли направить десант в южную персию, чтобы принудить персов оставить Герат. В декабре 1856 г. британцы заняли Бушир, а в марте 1857 г. — без боя Мохаммарр на границе с Турцией. 4 апреля 1857 г. в Париже был подписан мирный договор. В соответствии с его условиями Персия должна была вернуть Герат Афганистану, принести извинения британскому послу и заключить торговый договор. Британцы в обмен соглашались не предоставлять убежища в британском посольстве оппонентам шаха [8, с. 89–90].

Война за Герат подчеркнула экономическую и военную слабость Персии и стала сигналом для держав, желавших закрепиться в регионе. Россия болезненно переживала поражение в Крымской войне и не могла как прежде сдерживать проникновение в Персию других государств. Именно после этого началась масштабная торговая интервенция западных держав на персидские рынки, в итоге поставившая под сомнение суверенитет Персии. С 1856 по 1873 гг. Тегеран признал капитуляционный режим, подписав неравноправные договоры с Францией (1855), США (1856 г.), Бельгией (1857), Данией (1857), Голландией (1857), Швецией (1857), Австро-Венгрией (1857), Германией (1873).

Иностранный капитал первоначально тяжело укоренился на персидских просторах. Англичане на тот момент были заняты урегулированием своих азиатских проблем: вслед за второй «опиумной» войной в Китае, в отношении рынков которого у британцев тоже были большие планы, последовало Сипайское восстание 1857–1859 гг., на бесславленное подавление которого англичане бросили все экономические, военные и душевные силы.

Для России юг Персии и побережье залива были малодоступны ввиду географической отдаленности, усугубленной отсутствием транспортной инфраструктуры; на севере русский бизнес трудно укоренился, несмотря на благоприятные условия договора, заключенного в Туркманчае. В 1850-х гг. русский купец Кокарев создал торговую компанию, которая скоро закрылась перед лицом европейской конкуренции. Н.Н. Коншин, владелец большого богатства, импортирован в Персию товаров на 660 тыс. рублей между 1884-м и 1889 гг. и потерял на этом 100 тыс. рублей [1, с. 59].

Ф.А. Бакулин, русский чиновник, хорошо знавший персидский рынок, писал, что в 1870–1871 гг. главным

предметом персидского импорта были хлопчатобумажные товары, большинство которых прибывало из Англии. «Россия не была конкурентом, — писал Бакулин, — потому что английские хлопчатобумажные ткани были дешевле и лучше удовлетворяли вкусам потребителей» [6, с. 164–165]. Он жаловался, что Россия не прилагала усилия увеличить продажу своих товаров в Персии, которую эксплуатировали иностранные фирмы. Из пяти русских фирм, работавших в Тебризе, каждая имела дела непосредственно с Англией, Францией, Аварией и Турцией. Бакулин жаловался, что русские товары проделывали свой путь в Персию, будучи импортированы мелкими армянскими торговцами [6, с. 166]. При этом на качество русских товаров жаловаться не приходилось: оно было стабильно высоким, поскольку русские купцы не делали разницы между рынками сбыта и торговали с Тегераном или с Ширазом тем же, чем и Петербургом или Лондоном (чего не скажешь об английских торговцах, делавших ставку на количество товара).

Более тридцати лет спустя руководитель русского Учетно-ссудного банка в Тегеране написал министру торговли и промышленности, что до 1901 г. импорт русских товаров в Персию был небольшим. Торговля была главным образом сконцентрирована в Нижнем Новгороде, где персидские торговцы продавали свое сырье и закупали русские товары, но в небольших количествах. Русские товары продавались большей частью в провинциях, смежных с Россией: в Мазандаране, Гиляне, Азербайджане и Хорасане, но даже там в ограниченных количествах.

Ясно, что в 1870-х и 1880-х гг. русская торговля не представляла опасности для коммерческого положения Британии в Персии. Но когда речь шла о реке Карун, единственной полноводной артерии Персии, которая значительно сокращала путь иностранных товаров из портов Персидского залива в глубинные части страны, важным аргументом считалось выравнивание конкурентных позиций Британии и России. Посланник ее величества в Тегеране Рональд Томсон беспокоился, что приобретение Батуми позволит России заманить на Кавказ европейский торговый транзит. В июле 1879 г. он написал маркизу Солсбери: «Положение русской торговли в Персии очень благоприятно. В последние годы паровая навигация была хорошо развита на Волге и Каспии, и Россия может теперь доставлять свои товары по северному побережью Персии по очень низким ценам в Энзели, что на расстоянии 100 миль от Казвина и 200 миль от Тегерана» [3, с. 233].

Закаспийские железные дороги не повысили конкурентоспособность России в Персии. Напротив, они способствовали вторжению в Северную Персию немецких и австрийских товаров, перевезенных по Черному морю в Батуми и отсюда через Кавказ к Тебризу. Торговый транзит приносил России от 800 тысяч до 900 тысяч рублей ежегодно еще до присоединения Батуми и строительства железной дороги от Тифлиса до Черного моря.

Доход из этого источника быстро возрастал, но русская миссия в Тегеране была недовольна увеличением уровня

европейской торговли в Персии. В 1883 г. И.А. Зиновьев, ставший директором азиатского департамента Министерства иностранных дел, представил своему начальству доклад об этой коммерческой ситуации, убеждая наложить ограничения на европейские транзитные товары, идущие в Персию, чтобы отвоевать север для русской коммерции. Александр III принял предложение Зиновьева, и был установлен обременительный тариф [5, с. 117].

Первые иностранные концессии на персидской земле оказались связаны с таким средством коммуникации, как телеграф. Теоретические основы телеграфной связи были заложены еще в 1832–1844 гг. немцем П. Шиллингом, американцем С. Морзе и русскоподданным Б.С. Якоби. Буквально за одно десятилетие телеграф стал неотъемлемой частью жизни человека второй половины XIX в. как единственное средство связи на дальние расстояния. Телеграфные провода опутали полмира. Вскоре эта атрибут западной цивилизации усилиями европейских коммерсантов достиг и Персии.

Еще в конце 50-х гг. британцы обратились к шаху с предложением проложить несколько телеграфных линий по территории страны, за счет персов, но на благо англичан. Британцы почувствовали необходимость в проводе через Персию в ходе подавления Сипайского восстания в Индии в 1857–1859 гг.: телеграф значительно улучшил бы взаимодействие между частями английской колониальной армии. С сипаями удалось справиться и без телеграфа, однако беспокойная обстановка в Индии и постоянные проблемы с афганцами толкали к необходимости прокладки проводов на будущее. Англичане быстро нашли в правительстве Персии партнера: министр общественных работ Мокхбер од-Доуле за нескромную взятку обещал помочь британцам. В итоге в 1862, 1865 и 1872 гг. по предложению Мокхбера шах Насер эд-Дин предоставил англичанам права на прокладку нескольких телеграфных путепроводов, первый из которых соединил Ханекин на северо-востоке страны, столицу Тегеран и порт Бушир [4, с. 198]. Согласно договоренностям, все работы велись за счет персидской казны, хотя провод эксплуатировался в основном британцами. В 1865 г. телеграфный кабель соединил Джаск на побережье Оманского залива и Гватар на юге Белуджистана (ныне территория Пакистана) и таким образом напрямую связал Персию с британскими колониальными владениями. «Индо-европейская телеграфная компания» построила телеграфную линию, соединяющую Лондон с Калькуттой через Берлин, Варшаву, Одессу, Керчь, Джульфу, Тебриз, Казвин, Тегеран, Исфahan, Карачи. Телеграф полностью находился в ведении «Индо-европейской компании», персидскому правительству же предоставлялась треть доходов от эксплуатации линии, проходящей по иранской территории, и льготный тариф при подаче телеграмм.

С одной стороны, прокладка телеграфных проводов шла на пользу и самой Персии, однако многие персидские чиновники, заключая соглашения с европейцами, заботились не столько о нуждах родины, сколько о наполнении

собственных карманов. В Париже и Лондоне представители Персии сблизились со множеством предпринимателей, рисовали привлекательные картины легкого богатства, стимулировали инвестиции в Персию. Так, в 1868 г. персидский посланник в Лондоне Мошен-хан нашел подход к состоятельному инвестору из Европы, сотрудничество с которым сулило шаху и его приближенным солидные прибыли. Этим инвестором стал Эрнст Вернер Сименс (Siemens), к тому времени известный электротехник, будущий член-корреспондент Петербургской АН, основатель концернов «Сименс и Гальске», «Сименс и Шуккерт» (с 1930 г. — SIEMENS, крупнейший немецкий производитель электронной и электротехнической продукции). Агенты Сименса занялись подготовкой соглашения, согласно которому инвестор получал на правах аренды землю для прокладки кабеля. Однако предприятие неожиданно застопорилось: телеграфный провод соединил только Джульфу и Тегеран, после чего практичный предприниматель Сименс, сравнив расходы и потенциальную прибыль от предприятия. Возможная прибыль оказалась существенно ниже той, что сулил Сименсу Мошен-хан, поскольку в Персии желающих пользоваться телеграфом было немного. Англичане об этом знали, но для них телеграф являлся не средством получения прибыли, а необходимостью: фактически они прокладывали провода не для персов, а для себя, правда, за персидский счет. Вскоре Сименс известил персидское правительство об одностороннем разрыве договора и свернул все работы [7, с. 135].

Россия также не забывала о своих интересах в Персии, однако в прокладывании телеграфных кабелей в Персии усердия не проявляла: телеграф был нужнее в российских губерниях, а колоний у России не было. Поэтому иници-

ативы прокладки кабелей со стороны России были связаны в основном с нуждами русских торговцев и необходимостью связать с Петербургом территории Средней Азии. Так, в 1870-х гг. Россия протянула телеграфный провод через Одессу, Тифлис и Тегеран к Александровску, порту на восточном берегу Каспийского моря [7, с. 138]. В 1879 г. русские предприниматели добились концессии на постройку телеграфной линии на севере Персии между городами Астрабад и Кишляк [7, с. 127]. При этом каких-либо столкновений интересов с англичанами по поводу телеграфных линий не наблюдалось, каждый действовал в своих интересах.

В конце XIX в. британцы увязали в постоянных войнах за пределами метрополии: восстание Махди в Судане, восстание ихэтуаней в Китае, война с бурами. К тому же в Индии тоже было неспокойно, и все это толкало англичан к необходимости связать свои колонии телеграфными проводами. В 1901 г. они договорились с шахом Музаффаром о прокладке телеграфного кабеля, который соединил в итоге Тегеран, Кашан и Керман, а далее через Бам в Белуджистан (пункт Далбандин) [4, с. 244]. Однако к тому времени этот способ связи уже себя изжил: в 1897 г. итальянец Гульельмо Маркони запатентовал беспроводной телеграф.

Но в реалиях второй половины XIX в. телеграфные концессии стали только прологом в истории противостояния России и Англии за утверждение своего влияния в Персии. Та легкость, с которой прежде закрытое персидское правительство пошло на уступки иностранцам в переговорах о телеграфе, показала иностранцам, что стоит бороться и за природные богатства страны, и за установление контроля над самим персидским правительством.

Литература:

1. Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII-XIX вв. — М., 1991.
2. Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг. — М., 1959.
3. Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. — М.: Наука, 1991.
4. Иванов М.С. Очерки истории Ирана. — М., 1952.
5. История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. [Сб. ст., Ред. колл.: акад. Б.Г. Гафуров и др.]. — М., 1971.
6. Казем-заде Ф. Борьба за влияние в Персии: дипломатическое противостояние России и Англии. — М.: Центрполиграф, 2004.
7. Кулагина Л.М. Экспансия иностранного империализма в Иран и превращение его в полуколонию (70-е гг. XIX в. — начало XX в.) // Очерки новой истории Ирана (XIX—XX вв.). М.: «Наука» — 1978 г.
8. Хрестоматия по новой истории Ирана. /Под ред. М.С. Иванова и В.Н. Зайцева. — М., 1988.

Мирное урегулирование арабо-израильского конфликта в политике великих держав

Мирошниченко Илья Витальевич, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

После окончания Шестидневной войны 1967 г. сглаживание арабо-израильских противоречий было еще более затруднено в виду захвата Израилем территорий, принадлежавших ранее Египту, Иордании и Сирии. Дабы смягчить ситуацию в конфликтном регионе в Организации Объединенных Наций началось выдвижение проектов различных стран для решения разногласий враждующих сторон. Главная сложность состояла в том, что при разработке окончательного проекта резолюции столкнулись как локальные интересы ближневосточных стран, так и глобальные интересы сверхдержав. Итогом обсуждений стало принятие резолюции ООН №242 [1]. Произшедшее в результате длительных споров утверждение резолюции не только не ослабило противоборство стран, а лишь усилило конфронтацию. В связи с этим представляется важным рассмотреть процесс разработки документа, а также участие мировых держав в нем.

По окончании войны правительство Советского Союза направило советским послам в странах социалистического лагеря телеграмму, где в подстрекательстве конфликта обвинялись США, Британия и ФРГ. В послании также подчеркивалась общая сплоченность социалистических стран в отношении к действиям Израиля, хотя при этом упоминалось, что Румыния отказалась классифицировать действия Израиля как агрессивные, а также разрывать с ним дипломатические отношения. ЦК КПСС принял решение усилить поставки авиационного и другого вооружения в арабские страны. Также упоминалась ближайшая цель советской дипломатии — «нужно сделать так, чтобы расчет Израиля обеспечить себе выгодные исходные позиции для торга при переговорах по политическому урегулированию путем захвата возможно большей территории арабских государств обратился против него же самого» [2, с. 581–586].

Вскоре свою позицию изложило египетское правительство. М. Фавзи указывал на то, что некоторые страны стремятся затянуть обсуждение проектов резолюций, а также связать вопрос вывода израильских войск из оккупированных территорий с признанием Израилем арабскими государствами, но ОАР (Объединенная Арабская Республика), по словам Фавзи, не пойдет на такой шаг [2, с. 589–591]. Окончательную позицию Египта в вопросе урегулирования конфликта сообщил президент Г. Насер — израильские суда могут свободно проходить через Тиранский пролив, проход должен быть оформлен официальным египетско-израильским договором, но не посредством двусторонних переговоров, Египет был согласен на размещение войск ООН в регионе и

был против свободного прохода израильских судов через Суэц [2, с. 599].

При этом советская и египетская делегации использовали разную тактику. Советское правительство пыталось подтолкнуть Египет к новому блокированию Тиран, чтобы поставить вопрос свободного судоходства в зависимости от вывода израильских войск, но египтяне отказались в силу того что это означало новую войну, а египетские войска еще не восстановили боеспособность. В итоге между сторонами была согласована следующая формулировка для выступления в ООН: «делегация СССР очень надеется, что ей удастся убедить ОАР после завершения вывода войск не использовать силу для препятствования свободному судоходству в Тиранском проливе» [2, с. 593–594].

Что касается политики США, то определяющим фактором в ней стал отказ президента Л. Джонсона от прямого давления на Израиль с целью произвести вывод его войск с захваченных территорий. Тогдашний президент не пошел по стопам своего предшественника, вместо этого решил использовать дипломатию в ООН для умиротворения конфликта.

Позиция США по ближневосточному вопросу начала вырисовываться 15 июня, когда госсекретарем Д. Раском были названы основные положения по урегулированию: признание права государства Израиль на существование, отказ от состояния войны, урегулирование на водных путях, продвижение в вопросе беженцев, достижение ограничения гонки вооружений [3]. Соответственно в вопросе первоначального вывода войск и последующего обсуждения условий мира (как того требовал СССР) США заняли уклончивую позицию: «вывод войск приведет к состоянию мира или к состоянию войны? [4]» — спрашивал Раск у А.М. Громыко на советско-американской встрече в Гласборо 23–25 июня 1967 г.

19 июня в США были утверждены «5 принципов Л. Джонсона» в качестве основных компонентов формулы всеобщего мира на Ближнем Востоке. Принципы провозглашали: право каждого государства в регионе на существование, справедливость по отношению к беженцам, свободное судоходство по проливам, ограничение разрушительной гонки вооружений, политическую и территориальную целостность всех государств в регионе [5, р. 324]. Что касается проблемы Иерусалима то США делили ее на религиозное и политическое содержание. Президент отмечал, что древний город является священным для верующих разных конфессий. В заявлении американского госдепартамента от 28 июня, последовавшего в ответ на попытки Израиля провести аннексию города законода-

тельным путем, говорилось, что еврейские законы «не могут рассматриваться как фактор, определяющий будущее Святых мест и статус Иерусалима по отношению к ним» [6, с. 209].

Непосредственный участник рассматриваемых событий, бывший дипломат США С. Фингер указывает, что американской делегации на данном этапе стремилась не допустить принятия советской резолюции определявшей Израиль как агрессора, а также какой-либо односторонней трактовки произошедших событий. Поэтому, чтобы отнять часть голосов у советского и югославского проектов США продвигали латиноамериканский текст [7, р. 115].

Также 19 июня произошло тайное собрание кабинета министров Израиля, на котором рассматривались вопросы возвращения Синая (кроме Сектора Газа) и Голанских высот в обмен на мирный договор с Сирией и Египтом. Как пишет М. Орен, за эту идею выступали А. Эбан, З. Аран, Х. Шапира, У. Наркис, И. Таль, но при этом ее противниками были Д. Элазар, Э. Вейсман — они опасались, что возврат захваченных территорий не станет гарантией израильской безопасности. Двойную позицию занял М. Даян, который согласился бы на возврат территорий, только если арабы начали бы прямые переговоры с Израилем, но, как он сам утверждал, они никогда не пошли бы на такое. Л. Эшкол при активном посредничестве американцев пытался договориться с иорданским королем Хусейном о создании независимой палестинской автономии на западном берегу р. Иордан, но в силу давления со стороны Насера, а также опасений за собственный режим Хусейн отказался от данного предложения [5, р. 313–316].

Завершающим событием данного этапа переговоров стало голосование в Генеральной Ассамблее ООН 4 июля 1967 г. Основная борьба развернулась вокруг двух проектов: арабы, СССР и Франция делали ставку на югославо-индийский проект, который призывал Израиль вернуться к границам перемирия 1948 г. и подписать с арабскими странами декларацию о прекращении состояния войны. За этот проект в ходе голосования было подано 53 голоса из 120. США предпочли латиноамериканский проект, который увязывал вывод израильских войск с заключением соглашения взаимных гарантий между странами Ближнего Востока. Хотя за него проголосовало 57 членов ООН, но ни одна из резолюций не набрала необходимых 2/3 голосов и соответственно не была принята [8, с. 300–301]. Мировым державам стало понятно, что решение споров может быть найдено лишь в компромиссном варианте резолюции.

В глазах советского дипломатического аппарата главные противоречия в тот период состояли в том, что арабские страны отказывались признавать любую резолюцию, призывавшую к прекращению состояния войны между Израилем и арабами, а также в том, что США отказывались принимать решения об отводе израильских войск без одновременного заключения мира в ближневосточном регионе [2, с. 605–606].

Указанные противоречия призван был решить полученный 13 июля советской делегацией от американской новый латиноамериканский проект. Советское правительство в целом оценивало его положительно, указывая, что «вопрос о прекращении состояния войны поставлен в сравнительно гибкой форме», а также «в проекте не ставится вопроса о подписании арабскими странами каких-то специальных документов, кладущих конец состоянию войны». Это, по мнению правительства СССР, можно будет использовать для того чтобы сначала заставить Израиль вывести свои войска и только после начать переговоры об урегулировании ближневосточного конфликта. В проекте также ничего не говорилось о юридическом признании Израиля арабскими странами. В связи с этим арабским странам через представителей Советского Союза рекомендовалось согласиться с данным проектом и голосовать за него совместно с СССР [2, с. 612–614].

Однако все случилось иначе. В середине июля состоялась встреча руководителей ОАР, Сирии, Алжира, Ирака и Иордании в Каире. На ней выявились разногласия среди стран арабского мира, в частности крайне категоричную позицию заняли главы Сирии и Алжира. Из-за преобладания радикальных настроений со второго тура переговоров совещания уехал его единственный умеренный участник — иорданский король Хусейн. В ходе обсуждений латиноамериканский проект был единогласно отклонен. Также итогом встречи стало решение о неучастии в каких-либо переговорах с Израилем [8, с. 292–293].

Через некоторое время США и СССР начали разработку нового компромиссного проекта резолюции. В ходе переговоров делегаций двух стран был согласован так называемый проект Голдберга-Добрынина или проект США-СССР. 19 июля представитель США в ООН А. Голдберг передал А.Ф. Добрынину 2 новых варианта формулировок к пунктам латиноамериканского проекта. В первом варианте отсутствовали призывы к заключению мира между конфликтующими сторонами, а также содержался призыв к сторонам, участвовавшим в конфликте, безотлагательно «вывести свои войска с оккупированных ими после 4 июня 1967 года территорий». Второй вариант по существу отличается лишь тем, что «ожидался» вывод войск конфликтующих сторон с захваченных территорий. При этом Голдберг каких-либо дополнительных условий для достижения договоренности не выдвигал, в частности, также он не затрагивал вопрос о свободе прохода через Суэцкий пролив, вдобавок к этому в документе упоминалось, что американцы не будут настаивать на установлении дипломатических отношений между враждующими сторонами. Советское правительство считало данные проекты еще более выгодными, чем предыдущие в виду этого советским послам давались указания приложить максимум усилий, дабы арабы согласились с данной резолюцией [2, с. 616–618]. Однако совсем другая картина дается в опубликованной американской документации. Так, 20 июля Голдберг отправил телеграмму в госдепартамент США,

где приводил 2 варианта формулировок совместного проекта, однако приводившийся в документе 1-й вариант заметно отличался от того, что был предоставлен СССР — во втором пункте отсутствовала дата 4 июня 1967 г., а сам пункт несколько отличался от этого же пункта в следующем варианте проекта [9].

Тем временем 1 сентября в Хартуме состоялась Все-арабская конференция на высшем уровне, на которой арабские страны решили возобновить добычу нефти, которая помогла бы обеспечить восстановление экономики стран-участниц конфликта, а также могла быть использована для ликвидации последствий израильской агрессии. Соответственно снималось эмбарго с поставки нефти ряду западных стран. Главы арабских государств согласились объединить свои усилия в политических действиях на основе соответствия следующим принципам: «не будет мира с Израилем, не будет признания Израилем, не будет переговоров с Израилем» [10, с. 86–87]. В доступных исследователю документах не упоминаются какие-либо сведения о влиянии СССР на принятие указанных решений.

13 октября произошел резкий поворот в позиции США — У. Ростоу писал президенту, что Д. Раск и А. Голдберг согласились с тем, что Соединенные Штаты должны изменить свою нынешнюю позицию на новый проект резолюции. Причиной смены курса в первую очередь называлось то, что СССР пытается добиться интерпретации проекта резолюции США-СССР в более выгодном свете для арабов, чем для израильтян. Новая резолюция должна была выдвигаться в ООН не от США, а от какой-либо другой страны, например Британии. Также указывалось, что резолюция, не призывающая к первоначальному выводу израильских войск, может пройти, поскольку представитель египетской стороны М. Риад одобрил «5 принципов» Джонсона. Голдбергу давалось указание начать переговоры с Великобританией с целью согласования текста новой резолюции [11].

Еще до этого 10 октября 1967 г. А. Голдберг сказал, что он и его правительство, от которого он получил инструкцию, понимает дело так, что «прекращение состояния войны означает, в частности, и признание права свободного прохода всех судов, включая израильские, через Суэцкий канал» [2, с. 625]. Такая позиция в целом вызвала недоумение у представителей СССР, поскольку, по мнению советского руководства, США фактически отказались от предложений, которые они выдвигали в конце чрезвычайной сессии ГА ООН, т.е. от предложений 19 июля. В позиции США наметилось ужесточение в отношении степени уступок со стороны ОАР.

Противоречивость позиции США заставила советское правительство обратиться к госсекретарю США Д. Раску. А.Ф. Добрынин показал ему сохранившийся листок с компромиссной формулировкой написанной рукой самого Голдберга, госсекретарь узнал его почерк, но Голдберг продолжал отрицать данные предложения [12, с. 153–154]. В конечном итоге обсуждение данного вопроса дошло до уровня президента США, который пообещал

внимательно изучить сложившуюся ситуацию [2, с. 632–635, 640]. Сверив советские и американские варианты формулировок проекта Добрынин написал в МИД СССР: «их «первый вариант» отличается от нашего «первого варианта» как раз отсутствием какой-либо даты, хотя в остальном тексты совпадают» [2, с. 645]. Также имеются любопытные сведения от М. Риادا сообщившего 3 ноября советскому представителю В. Кузнецову, что в беседе с министром иностранных дел Марокко Д. Раск сказал, что никакого советско-американского проекта не было [13, р. 145].

Современники указанных событий называют разные причины провала резолюции США-СССР. С. Фингер, работавший под руководством Голдберга, указывает, что проект был невыгоден для Израиля, но США были готовы уступить, однако давление Алжира и Ирана вынудило Египет отказаться от такового [7, р. 114]. Советский дипломат А.Ф. Добрынин пишет, что после согласования с арабами СССР заявил о готовности принять данный компромисс, однако американцы начали отказываться от своих же формулировок [12, с. 153]. По нашему мнению наиболее обоснованной является версия Добрынина, т.к. в октябре 1967 г., египетское правительство подтвердило свою готовность принять проект Голдберга-Добрынина, приблизительно такую же позицию занимали Иордания, Ирак и Алжир, хотя при этом по-прежнему крайне бескомпромиссную позицию среди арабских стран занимала Сирия [2, с. 630, 636].

Действия США интерпретировались советской стороной как желание Соединенных Штатов затянуть решение вопроса — во-первых, из-за того, что таким способом можно было добиться больших уступок со стороны Насера, а также лишить его президентского поста, а во-вторых, из-за сопротивления Израилем, который выступал против каких-либо акций со стороны ООН и настаивал на двусторонних переговорах с арабами [2, с. 636]. Сам Насер в беседе с советскими представителями указывал, что ему давно известно, что «руководители ЦРУ спят и видят, как бы его убрать с поста президента ОАР». Президент Египта рассказывал о раскрытии двух групп офицеров-заговорщиков в Александрии, одна была из офицеров полиции, другая из ВМС. Последнюю группу возглавлял один из сторонников Амера, «который установил связи с американцами и пытался получить от них оружие и помощь, чтобы совершить переворот» [2, с. 643]. Фельдмаршал Амер был арестован еще в конце августа после войны с обвинением в попытке государственного переворота.

Дальнейшие советско-американские переговоры о совместных действиях в ООН наталкивались на различные противоречия. Голдберг при встрече с Риадом пояснял, что СССР не согласен с тем, что прекращение состояния воинственности означает открытие Суэцкого канала для израильских судов, но в то же время сам не соглашался ставить проблему открытия канала в зависимость от решения проблемы палестинских беженцев, на

чем настаивали египтяне [14]. Далее, избегая проект Голдберга-Добрынина, американские представители предлагали СССР совместно с США голосовать за датский текст, а советские дипломаты в свою очередь настаивали на совместном голосовании за индийский проект [15]. В итоге американское правительство предложило советскому соединить датский и индийский проекты, но заместитель министра иностранных дел СССР В. Кузнецов отказался в виду того, что датский текст не упоминал даты, к которой должно было вернуться расположение израильских войск — 4 июня 1967 г., т.е. до начала войны [16].

Соединенные Штаты пытались также реализовать вариант мирного урегулирования при помощи посредника между враждующими сторонами. Роль посредника отводилась специальному президентскому посланнику Р. Андерсону. Первым на эту инициативу отреагировал Израиль — А. Эбан сообщил американскому представителю, что «израильтяне ни на первой, ни на второй встрече не собирались просить Андерсона быть посредником» [17]. Израильтяне хотели прямых переговоров, поскольку видели в них символ признания арабами законности существования Израиля. Египтяне отреагировали таким же образом — по сообщению Хейкала, в конце октября в Каир прибыл представитель интересов США Р. Андерсон, который пытался склонить египетскую сторону к прямым переговорам с Израилем, в которых он выступал бы посредником, но правительство Египта отказалось от данных услуг [2, с. 648–650]. Во время личной встречи с Андерсоном Насер пояснил ему, что прямые переговоры с Израилем даже при участии посредника самоубийственны для главы арабского государства с преобладающим мусульманским населением [18].

Неуступчивость евреев в территориальном вопросе привела американские правящие круги к мысли о необходимости более жесткой линии по отношению к Израилю. У. Ростоу в меморандуме к президенту писал, что США ценят желание израильтян использовать время как средство повышения реалистичности политики арабских лидеров, но в то же время он был недоволен тем, что Израиль под разными предлогами отказывается от любых возможностей урегулирования [19]. Однако жесткая политика была обречена на провал, как верно заметил в одном из меморандумов эксперт по ближневосточной политике США Г. Сондерс: «Профессиональные уровни нашего правительства откровенно сомневаются, что президент сможет в год выборов оказать какое-либо давление на Израиль, которое было бы необходимо для восстановления линий перемирия, даже как постоянных границ» [20]. В итоге американцы ограничились тем, что в беседе с представителями Израиля, заявили, что поддержка США безопасных и признанных границ, не означает поддержку территориальных изменений на Ближнем Востоке [21].

Параллельно с иными мероприятиями США совместно с Британией участвовали в согласовании британского варианта резолюции. За основу были взяты тексты латиноамериканской резолюции и резолюции США. Сущест-

вуют разные оценки будущей резолюции 242, некоторые из исследователей полагают, что сама резолюция лишь запутала решение арабо-израильского конфликта [22, с. 502–503], другие указывают на то, что резолюция изначально создавалась лишь как основа для будущих переговоров, а не как документ, в котором содержались условия окончательного урегулирования [23].

Итогом британо-американских переговоров стало выставление на голосование 16 ноября британского проекта резолюции. В основу британского текста была положена доктрина А. Голдберга — «земля в обмен на мир», создатели резолюции попытались учесть интересы всех сторон, в результате чего текст резолюции получился весьма двусмысленным. Например, ряд стран предложили включить в формулировку фразу о выводе израильских войск «со всех» захваченных территорий, один из разработчиков резолюции — лорд Карадон первоначально согласился поставить определенный артикль «the», но затем отказался в виду противодействия со стороны США и Израиля. Карадон в устной форме заверил заинтересованные страны, что интерпретация текста будет означать вывод войск со всех территорий [13, р. 153]. Для того чтобы заручиться одобрением арабов Голдберг и Карадон согласились на использование артикля в арабском и французском текстах (*Retrait des forces armées israéliennes des territoires occupés lors du récent conflit*) новой резолюции, но в англоязычной версии резолюции артикль отсутствовал (*Withdrawal of Israel armed forces from territories occupied in the recent conflict*) [24] — это можно было понимать как вывод войск из определенных территорий, что одобрялось израильтянами [5, р. 326]. В результате возникли споры о приоритетности языка (французского, либо английского) в тексте резолюции.

Вскоре началось голосование по выдвинутым резолюциям. А.А. Громыко давал указания советской делегации — голосовать против латиноамериканского проекта, т.к. Насер считал его неприемлемым, относительно проекта Англии — голосовать в зависимости от позиции делегаций арабских стран, а также предварительно заручившись гарантиями Англии и США, что интерпретация проекта будет осуществлена в соответствии с последними договоренностями, т.е. вывод израильских войск будет осуществлен «со всех» территорий [2, с. 664–665]. Однако у американской делегации была своя интерпретация текста резолюции. А. Голдберг указывал, что в резолюции специально не указывалось никаких точных данных касательно вывода израильских войск, поскольку для мирного урегулирования конфликта вывод израильских войск мог потребоваться с меньшей территории, чем захватил Израиль в 1967 г., иными словами Голдберг поддержал территориальные претензии израильтян [25, р. 4].

Непосредственно перед голосованием состоялось неформальное обсуждение интерпретации положений резолюции, на котором лорд Карадон заявил, что каждая делегация имеет право на свою собственную интерпретацию текста [13, р. 154]. Голосование проходило в Совете Без-

опасности ООН и советская делегация могла применить право вето — тогда резолюция не была бы принята, однако данное действие не было произведено.

22 ноября 1967 г. единогласно была принята резолюция ООН №242 составленная на основе английского проекта. Варианты резолюций СССР, Индии, Мали, Нигерии и США на голосование не выставлялись. Резолюция предусматривала: «вывод израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта», «достижение справедливого урегулирования проблемы беженцев», прекращение всех претензий или враждебных заявлений, признание суверенитета, территориальной целостности и независимости каждого государства в регионе и их права жить в «безопасных и признанных» границах, и соблюдение свободы судоходства по водным путям [1].

Отношение к резолюции было неоднозначным. Египет и Иордания согласились с ней, Сирия ее отвергла. Организация Объединенной Палестины была недовольна тем,

что резолюция сводила решение палестинского вопроса всего лишь в решение вопроса беженцев. Израиль занял уклончивую позицию, выдвинув ряд условий, связанных с гарантией его безопасности, в частности ссылаясь на решение Хартумского совещания касательно «трех нет». Скорее всего, такая позиция была вызвана нежеланием еврейского государства возвращать завоеванные земли.

Таким образом, подводя итоги можно отметить, что столкновение разноуровневых и многосторонних интересов, а также провалы компромиссных решений затянули процесс создания резолюции более чем на 5 месяцев. Споры по вопросу интерпретации резолюции ООН №242 привели к провозглашению права делегации каждой страны на свободное толкование ее положений. В свою очередь отсутствие однозначной трактовки повлекло за собой неисполнение решений принятого документа и способствовало возникновению основы для будущих конфликтов.

Литература:

1. Резолюция ООН №242 на русском языке 22 ноября 1967 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/241/18/IMG/NR024118.pdf?OpenElement>.
2. Ближневосточный конфликт: Из документов Архива внешней политики РФ. 1947—1967: В 2 т. Том 2: 1957—1967. Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: МФД, 2003 г. — 704 с.
3. Меморандум беседы от 15 июня 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d291>.
4. Меморандум беседы от 23 июня 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d321>.
5. Michael B. Oren. Six days of war. June 1967 and the making of the modern Middle East. Oxford, 2002—446 p.
6. Е.Д. Пырлин. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. М.: РОССПЭН, 2001 г. — 480 с.
7. S. Finger. Inside the world of diplomacy: The U.S. foreign policy in a changing world. Westport: Praeger, 2002—166 pp.
8. Р. и У. Черчилль. Шестидневная война. М., Иерусалим: Мосты Культуры, Гешарим. 2003 г. — 320 с.
9. Телеграмма от делегации США в ООН в Госдепартамент от 21 июля 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d380>.
10. Колобов О.А. Документальная история арабо-израильского конфликта. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1991 г. — 178 с.
11. Меморандум от президентского специального помощника У. Ростоу президенту Джонсону от 13 октября 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d471>.
12. А.Ф. Добрынин. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.) М.: Автор, 1996 г. — 688 с.
13. S. Bailey. The making of resolution 242. Dordrecht: Nijhoff, 1985—225 pp.
14. Телеграмма от делегации США в ООН в Госдепартамент от 17 октября 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d474>.
15. Телеграмма от делегации США в ООН в Госдепартамент от 26 октября 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d490>.
16. Меморандум беседы от 3 ноября 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d499>.
17. Меморандум от президентского специального советника Г. Макферсона президентскому специальному помощнику У. Ростоу от 10 октября 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d464>.
18. Телеграмма (текст не рассекречен) в Белый дом от 3 ноября 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d500>.
19. Меморандум от президентского специального помощника У. Ростоу президенту Джонсону от 17 октября 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d475>.

20. Меморандум сотрудника Совета Национальной Безопасности Г. Сондерса президентскому специальному помощнику У. Ростоу от 17 октября 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d476>.
21. Меморандум от президентского специального помощника У. Ростоу президенту Джонсону от 24 октября 1967 г. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d487>.
22. Э. Ди Нольфо. История международных отношений (1918–1999 гг.): В 2 т. М.: Логос, 2003 г. Том II. – 744 с.
23. D. Sassoon. The Unmaking of U.N. Resolution 242: The Story of how Resolution 242 was Undone Before it was Even Finished. New Society. September 7, 2007 URL: <http://newsociety07.wordpress.com/2007/09/07/the-unmaking-of-un-resolution-242-the-story-of-how-resolution-242-was-undone-before-it-was-even-finished/>.
24. Резолюции ООН №242 на английском и французском языках 22 ноября 1967 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/240/94/IMG/NR024094.pdf?OpenElement>.
25. E. Hertz. UN Security Council Resolution 242 P. 4 URL: <http://www.mythsandfacts.org/conflict/10/resolution-242.pdf>.

Трудности в организации помощи иностранных благотворительных организаций в период голода 1921–1923 гг. (на примере Саратовского Поволжья)

Помогалова Оксана Игоревна, аспирант

Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Тотальный голод, обрушившийся на Поволжье в 1921–1923 гг. унёс жизни 5,2 млн. человек [1]. И если бы не помощь иностранных благотворительных организаций, потери могли быть значительно больше.

Известно, что голод в Саратовском Поволжье был ожидаем. К нему вела вся продовольственная политика Советской республики в Поволжье в 1919–1920 гг. Непрерывное изъятие продовольствия у крестьян по продразверстке привело к тому, что уже осенью 1920 г. оно было исчерпано, причём во многих районах из-за отсутствия зерна даже не производились посевы озимых [2].

Готовиться к борьбе с голодом на местах, начало в первую очередь население уездов, местные органы власти, а не советское правительство, остававшееся глухим к воплям с мест и продолжавшее упорно выискивать остатки продовольствия в селах. Поэтому заготавливать впрок на местах можно было только суррогаты (дубовые листья, кору, желуди, мякину) и т.п., что и делалось. Из-за масштабов разразившегося голода и низкой питательности суррогатов – эти мероприятия оказались малоэффективны. Уже к декабрю 1921 г. только в одном Камышинском уезде Саратовской губернии голодало до 35% населения. Зимой 1921–1922 г. в Саратовской губернии и области немцев Поволжья голодало до 90% населения [3].

Еще летом 1921 г. советское правительство, теряя контроль за ситуацией, вынуждено было открыто сказать о гуманитарной катастрофе в стране и обратиться за помощью к международной общественности [4]. На помощь пришли иностранные благотворительные организации. В августе 1921 г. Советское правительство подписало с ними соответствующие соглашения [5,6,7].

Подавляющая часть гуманитарной поддержки голодающего населения пришлась на Американскую админи-

страцию помощи (АРА) [8]. Кроме того, в Саратовское Поволжье пришли Миссия Нансена [9], подчинявшийся Ф. Нансену, английский Международный союз помощи детям (МСПД), возглавлявшийся доктором Вебстером, Германский, Австрийский, Американский Красный Крест. Все эти организации были объединены одним стремлением – помочь страдающему от голода и сопутствующих ему эпидемий народу, и сократить до минимума человеческие потери. В период голода они организовывали питание от 15% до 90% населения, в зависимости от нужд конкретной губернии, уезда, волости, селения [3], при этом основное внимание уделялось детям.

У каждой организации существовали свои инструкции и наработанный опыт, благодаря которым, помощь в голодающих областях могла быть развернута довольно быстро. Однако иностранные благотворительные организации столкнулись с рядом осложнений, которые очень затруднили оказание помощи населению Поволжья. Трудности носили как объективный, так и субъективный характер. Первые вызывались царившей в стране разрухой, неразвитостью инфраструктуры, отсутствием транспортных средств и т.п. Вторые были связаны с бюрократизмом советских органов, настороженным отношением власти к иностранцам, опасениями распространения «буржуазного влияния» на местное население, стремлением подчинить эти организации своей «классовой» схеме распределения продовольственной помощи и др.

Очень сложной проблемой стал железнодорожный транспорт. Нехватка подвижного состава (паровозов, вагонов), а также отсутствие топлива, мешали доставлять продукты, медикаменты, одежду в голодающие районы вовремя. Так, продукты, доставленные в Советскую Россию еще в ноябре 1921 г. дошли до голодающих Саратовского

Поволжья лишь в декабре 1921 — феврале 1922 г. [3]. Эта ситуация нашла свое отражение в творчестве писателей того времени. С. Полтавская в своем рассказе «Три голода» пишет о радости, которую испытали люди, получившие «ноябрьский паек неожиданно в феврале», и цитирует одного Саратовского писателя, который сказал: «Сейчас у меня ещё 3,5 кг муки. Это отпугивает жизнерадостный голод» [12].

Перебои с питанием, ставили под угрозу человеческие жизни, так как голод, начавшийся с лета 1921 г., постоянно разрастался. Ежемесячно количество голодающего населения в уездах Саратовской губернии и соседней с ней области немцев Поволжья увеличивалось на 16%—23% [3].

Серьезной была и проблема гужевого транспорта. Такой транспорт был необходим из-за удаленности многих населенных пунктов от железной дороги и отсутствия к ним подчас даже полевых дорог [11]. Во всем Саратовском Поволжье, за время гражданской войны количество лошадей существенно уменьшилось, голод еще больше усугубил этот процесс. Нередко в селах с несколькими сотнями лошадей, их количество сокращалось до десятков. При этом лошади либо сами погибали, от отсутствия фуража, либо их вырезали вместо коров, которые могли ещё давать молоко, позволяющее продержаться до следующей весны [12].

В Саратовском уезде, например, к концу января 1922 г., количество лошадей в среднем уменьшилось на 40%. Однако, и количество рогатого скота также ежегодно сокращалось. По всей Саратовской губернии с весны 1921 г. по весну 1922 г. его количество уменьшилось на 26%, а к весне 1923 г. по сравнению с весной 1922 г. на 50%. В Дергачевском уезде Саратовской губернии, где голод был особенно сильным, убыль скота составила за один год 75% [12].

Люди, у которых ещё оставался скот, столкнулись с проблемами его эксплуатации. Например, чтобы доехать за продуктами за 40 верст, нужно было купить корма для лошади на 500 тыс. — 1 млн. рублей (исходя из того, что овес стоил 300 тыс. рублей, а сено — 500 тыс. рублей за пуд). В некоторых селениях Саратовского уезда, в качестве выхода, сельские и волостные руководители питания практиковали незаконный сбор в 10—20 тыс. рублей за продовольственные карточки, и на эти средства доставляли продукты. Во многих селах людям было легче вообще отказаться от продовольственного пайка, чем тратить деньги на его доставку, так как на лошадь приходилось грузить не более 150—160 кг, а прогоны были большие, иногда доходившие до 100 с лишним км [12, 13].

Для обеспечения голодающих уездов продовольствием, на помощь пришел МСПД, который организовал распределение фуража (овса), присланного Ф. Нансеном для гужевого транспорта, что помогло немного облегчить проблему. На каждую лошадь распределялись пайки объемом 3,6 кг овса. Распределение овса осуществлялось в 9 уездных центрах. Всего на прокорм было поставлено 830 лошадей [12].

Государство также пыталось облегчить доставку иностранного продовольствия. Вводилась система распределительных баз, с расстоянием между ними, которое могла бы преодолеть голодная лошадь. Функционировали они следующим образом: все продукты группировали на определенной базе, если база была при станции, то они доставлялись туда по железной дороге, если же нет, то продукты перевозились со станции на базу постоянным гужевым транспортом, находившемся в ведении уездных комитетов помощи голодающим (Укомпомголов). Затем с базы продукты доставлялись на кухни в то или иное селение на общественных лошадях по соглашению с владельцем лошади. Вознаграждением служила карточка для ребенка на питание из кукурузы или фураж для лошади из фонда Укомпомгола [12].

Помимо проблем с доставкой, остро стоял вопрос сохранности грузов. Для этого использовались местные воинские подразделения или милиции. Выставлялись ежедневные караулы, охранялись мельницы, склады иностранных организаций, сопровождалась охранниками до места назначения вагоны и гужевые транспорты с продовольствием. На каждый вагон с продовольственным грузом, назначали, как правило, по одному вооруженному провожатому [14]. Однако окончательно изжить спекуляции и воровство не удавалось.

Так, представитель АРА в Балашовском уезде Хендом неоднократно фиксировал многочисленные факты хищения и недодачи американской муки голодающему населению. Им же были выявлены и обнародованы факты взимания денежных средств за выдаваемые голодающим детям пайки [15]. Такие проступки совершал персонал гуманитарных кухонь, нанятый из местного населения. Поезда с гуманитарной помощью, разворовывались порой на 50% [17]. Воров наказывали в судебном порядке, однако в условиях разрухи и голода, эти меры были малоэффективны [2].

Трудности организации к тому же усугублялись и проблемами со связью. Частая порча телеграфной сети не давала возможность развернуть помощь в полной мере [3].

Другим, не менее важным препятствием служила путаница, царившая в ряде ведомств, которая приводила к нерациональному распределению продуктов питания. С ноября 1921 г., МСПД открывает свои столовые, для выдачи горячего питания голодающим детям. Однако столовые разворачивались наспех. Местные советские руководители, призванные советским правительством всячески помогать организации помощи, на первое место ставили открытие помещений с оборудованием, а учет и отчетная работа были для них второстепенны [13]. Из-за этого происходили накладки. В Вольском уезде Саратовской губернии, например, питание раздавали не на то количество детей, на которое была рассчитана кухня, а всем детям с прибавкой местных продуктов, нередко разбавляя суп или кашу водой, из-за чего питание теряло своё значение как калорийное и физиологическое [13].

К декабрю 1921 г. постепенно учет и отчетность питательных пунктов были налажены. Из всех наемных работников, занимавшихся различной работой по кухне, лишь 21 % были грамотными [17]. Это были люди, имеющие среднее образование, закончившие училище или гимназию (учителя, счетоводы, канцелярские работники). Основная же масса сотрудников была либо малограмотной, либо совсем неграмотной. Это также отражалось на ведении учета в столовых, приводило к путанице и ошибкам. Из всего персонала, на иностранных языках (немецком или французском) едва могли изъясняться только 2 % наемных рабочих. При этом 75 % нанимаемых на работы, были мужчины, большинство из которых хотели быть заведующими столовой [18,19]. Привлекательность данной профессии, вероятно, можно объяснить желанием прокормить себя и семью, что, как им представлялось, гораздо легче можно было сделать на службе у гуманитарных миссий.

Ещё одной трудностью, с которой пришлось столкнуться гуманитарным миссиям, стал бюрократизм. Все вопросы заграничного снабжения должны были решаться исключительно через правительство РСФСР. А это в свою очередь очень негативно отражалось на оперативности процесса оказания помощи голодающим [20]. Так, руководитель МСПД Вебстер отправил в область немцев Поволжья продукты для 37 бесплатных детских столовых. От председателя облисполкома А. Моора им было получено сообщение, что столовые начнут работу с 7 ноября 1921 г. На этом Вебстер посчитал вопрос решенным. Однако, спустя несколько недель, при обследовании населенных пунктов немецкой области ответственный за контроль работы гуманитарных миссий обнаружил, что столовые там до сих пор не были открыты. Оказывается А. Моор ждал разрешения на начало организации питания от центральной власти [21]. В другом случае, из-за бумажных проволочек в мае 1922 г. не удалось отправить продукты питания в нуждающиеся сёла, так как об этой нужде узнали слишком поздно, когда эти продукты были уже переданы уездным отделам здравоохранения на нужды больниц [20].

Органы власти пытались постоянно вмешиваться в деятельность благотворительных организаций. Их обвиняли в нерациональности распределения питания (по мнению властей не соблюдался классовый подход) [20]. Имевшиеся многочисленные случаи злоупотребления со стороны нанятого персонала, такие как хищения, расплата продуктами за перевозки, произвольное закрытие кухонь и др. — происходили в течение всего периода работы в Поволжье благотворительных миссий [22]. Есте-

ственно это вызывало недовольство заграничных организаций и находило свое отражение в западной прессе. Такое недовольство советские органы называли «провокационной шумихой», призванной дискредитировать советскую власть. В советской прессе конфликт преподносился так, как будто заграничные организации делали это специально, поскольку, якобы, стоимость расхищенного должна была быть возмещена гуманитарным миссиям по заграничной цене и в золотом исчислении [22].

Опасаясь «вредного» влияния на местное население специальные органы вели постоянную слежку за членами заграничных благотворительных организаций. В основном это было связано с тем, что некоторые члены заграничных организаций были критически настроены по отношению к советской власти [23,24]. Однако в Архивах Саратовской Области каких либо данных, подтверждающих конкретные антисоветские действия организаций, обнаружено не было.

Контроль за иностранцами существенно усилился в период завершения их работы и свертывания организованной ими структуры питания населения. Ни в коем случае организации не должны были скупать и вывозить золото, драгоценности. Нужно было всячески следить за тем, чтобы иностранные миссии не собирали информацию о положении в уездах. Одновременно, советское руководство пыталось запретить местному населению покупку иностранных машин и запчастей к ним. Местным ячейкам советской власти предписывалось следить особенно за инспекторами АРА, которые хорошо знали местных жителей и условия работы. Главное, было ни в коем случае не допустить, чтобы документы, которые могут скомпрометировать советскую власть, попали в руки иностранных представителей. Одним из особых распоряжений советской власти было указание обнаружить документацию, из которой можно было изъять компромат на иностранные миссии, и любыми способами её захватить [20].

Таким образом, иностранным гуманитарным миссиям в период оказания помощи голодающим Саратовского Поволжья пришлось столкнуться с большими трудностями. Транспортные проблемы, хищения продовольственной помощи, бюрократизм, предвзятое к заграничным организациям отношение и др.. Однако, несмотря на все препятствия, благодаря таким организациям как АРА, миссия Ф. Нансена, МСПД, Красный Крест только на территории Саратовского Поволжья были спасены сотни тысяч жизней россиян. Нужно признать, что без их помощи, советское руководство не смогло бы справиться с голодом.

Литература:

1. Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987. С. 90–91.
2. См., например: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007. С. 108–109,139.
3. Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 790.Оп. 1.Д. 16.Л. 1,2,11.
4. См.: Правда. 1921. 21 июля.

5. Иваницкий-Василенко Е.С. О Голоде. Сборник статей по вопросам голодаемости населения и борьбы с голодом в Петровском уезде Саратовской губернии. Петровск, 1923. с. 123.
6. Герман А.А., Осташева Н.В. Американская администрация помощи // Немцы России: Энциклопедия. В 3-х тт. Т. 1. С. 52–53.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 3341. Оп.4. Д.72. Л.7.
8. Американская администрация помощи (АРА, от American Relief Administration) – неправительственная организация в США, созданная для оказания продовольственной и другой помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне. Существовала в 1919–1923 гг., возглавлялась Г. Гувером.
9. Миссия Нансена – объединение 67 благотворительных общественных организаций из многих стран мира. Была создана и возглавлялась выдающимся полярным исследователем Ф. Нансеном.
10. Елина Е. Г, Герасимова Л.Е. Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х г. Саратов. 2003. с. 89.
11. ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 13.Л. 79.
12. ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 6.Л. 25–38.
13. ГАСО.Ф. 790.Оп. 1. 14.Л. 1–4.
14. ГАСО.Ф. 790.Оп. 1. Д. 48.Л. 4.,6.,12.,19.,23.
15. ГАСО.Ф. 292.Оп. 1.Д. 1.Л. 121.
16. Попова Е. Голод в нашей губернии// Вестник Саратовского Губкома РКП (б), 1922. № 19., с. 68–79.
17. ГАСО.Ф. 790.Оп. 1. Д. 172.Л. 1–128.
18. ГАСО. Ф. 790.Оп. 1.Д. 170.Л. 1–3.
19. Ф. 790.Оп. 1.Д. 171.Л. 1–3.
20. ГАСО. Ф. 790.Оп. 1.Д. 61.Л. 1,8–9,14.
21. ГАРФ. Ф. 5207. Д. 24. Л. 17, 54.
22. ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 79.Л. 8,14.
23. Макаров В.Т., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. №5.
24. Матвеев О. Гуманитарная миссия или подрывная операция // Независимое военное обозрение. 2000. 27 июля и др.

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Закономерности, итоги и уроки процесса правового регулирования деятельности отечественной военной школы

Гребенкин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент

Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главной закономерностью является усиление роли правового регулирования деятельности военно-учебных заведений России на всем протяжении их истории. Если на начальных этапах развития отечественной военной школы появившиеся в последней трети XVIII в. уставы и наставления занимали весьма незначительное место в регламентации учебно-воспитательной работы в Сухопутном шляхетном и Артиллерийском и Инженерном шляхетном кадетских корпусах, то на вторую четверть XIX в. приходится настоящий административный бум. Вслед за основными руководящими документами — Уставом [3] и Положением [1] — были разработаны положения для каждого отдельного военно-учебного заведения. Был определен правовой статус служивших по военно-учебному ведомству офицеров и гражданских педагогов, разработаны детальные правила приема воспитанников в кадетские корпуса и специальные военные училища и выпуска из них, большое внимание в духе эпохи уделялось форме и знакам различия офицеров и воспитанников. В 1838 г. появляется Свод военных постановлений [8], в котором содержалась правовая основа функционирования сложившейся к тому времени системы военно-учебных заведений. Появилось большое число актов, развивавших основные положения перечисленных выше ключевых документов. Содержание высочайше утвержденных уставов, положений и мнений Военного совета свидетельствует не только о стремлении регламентировать все сферы деятельности военно-учебного ведомства, но и о привилегированном положении военной школы, большом внимании к ней со стороны правительства и лично монарха. Эта тенденция ярко прослеживается в развитии нормативно-правовой базы деятельности военно-учебного ведомства Российской империи на протяжении второй половины XIX — начала XX в.

В Советской России и СССР деятельность командных курсов и возникших на их основе военных школ с самого начала стала предметом правового регулирования. Постановления РКП (б), приказы Революционного Военного Совета Республики, наркома военных и морских дел, директивы Генерального штаба, циркулярные распоряжения ГУВУЗ охватывали все стороны деятельности курсов и школ — учебную, партийную, хозяйственную и т.д.

В современной России работа военно-учебных заведений регулируется как нормативно-правовыми актами, относящимися к системе образования в целом, так и ведомственными актами — приказами министра обороны, приказами непосредственных руководителей военно-учебных заведений. При этом роль первых постоянно возрастает благодаря тесному взаимодействию между военной и гражданской школой, которое особенно заметно в последние годы.

В этой связи необходимо отметить вторую закономерность развития нормативно-правовой базы деятельности военно-учебных заведений — ее диалектически сложное, постоянно изменяющееся переплетение с правовой основой работы гражданских учебных заведений. Когда военные аспекты внутригосударственной политики преобладают, военная школа (и, соответственно, связанные с ней нормативно-правовые акты) либо развивается независимо от гражданской, либо пытается ее себе подчинить. Когда на первый план выходит гражданское образование, военная школа попадает в ее правовое поле. Так, в первой половине XIX в., когда гражданская школа переживала далеко не лучшие времена, отдельные учебные заведения сугубо мирного профиля (например, Царскосельский лицей) были включены в систему военно-учебных заведений и на них было распространено действие общих для этих заведений устава и положения. Высокий статус офицера в Советской России и СССР, престижность военного образования обуславливали относительную обособленность военной школы от гражданской; они существовали как бы параллельно. В постсоветской России, когда снизился престиж офицерской службы и военного образования, военная школа, утратив былую самостоятельность, стала как бы придатком гражданской (в том числе и в правовом отношении). Данный факт закреплен в действующем Законе РФ «Об образовании», а также в принятом в декабре 2012 г. и вступающем в силу с 1 сентября 2013 г. Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [6].

Интересно отметить, что кадетские корпуса, некогда бывшие основой системы военного образования, в настоящее время как бы «выпали» из нее и фактически существуют в условиях правового вакуума. Так, Ю.В. Полянский,

главный специалист отдела общего образования Управления Алтайского края по образованию и делам молодежи, на круглом столе, посвященном проблемам содержания кадетского образования в Алтайском крае и проходившем в Барнауле в январе 2008 г., отмечал недостаточность законодательной базы, регулирующей кадетское образование, порождающей отсутствие единых программ и проблему лицензирования кадетских школ, и предлагал внести поправки в закон «Об образовании» [5]. В проекте нового закона «Об образовании», опубликованном 1 декабря 2010 г. в «Российской газете», содержалась статья 98, посвященная особенностям реализации основных общеобразовательных программ общего образования, интегрированных с дополнительными предпрофессиональными программами [7]. В ней перечислялись образовательные учреждения, реализующие данные программы: президентское кадетское училище, суворовское военное училище, нахимовское военно-морское училище, кадетский корпус. Однако намерение включить статьи, посвященные кадетским корпусам, в текст нового закона «Об образовании в Российской Федерации», не было реализовано.

В качестве третьей закономерности можно отметить быстрый количественный рост ведомственных документов, дополняющих и развивающих отдельные положения общих уставов. Так, если Устав для военно-учебных заведений второго класса 1830 г. содержал в себе все основные требования для организации воспитательной работы в кадетских корпусах, то реализация воспитательных идей, заложенных в Положении о кадетских корпусах 1886 г. [2], потребовала принятия особой Инструкции по воспитательной части [4].

Наконец, четвертую закономерность составляет преемственность в развитии нормативно-правовой базы деятельности российских военно-учебных заведений, прослеживающаяся на всех этапах их истории. Так, в основу работы суворовских училищ в СССР был положен опыт функционирования кадетских корпусов в Российской империи, и отдельные положения Устава кадетских корпусов и Инструкции по учебно-воспитательной части были почти дословно перенесены в руководящие документы суворовских училищ.

Российская военная школа за 300 лет своего функционирования накопила значительный опыт организационно-правового развития. Можно выделить ряд итогов этого развития.

1. Главным итогом является создание системы нормативно-правовых актов, обеспечивающих комплексное, всеохватывающее регулирование всех сторон деятельности военной школы.

2. Важно отметить, что правовая база деятельности военно-учебных заведений в настоящее время преодолела свой главный недостаток — автономное развитие по отношению к правовой базе функционирования системы образования в целом — и ныне является ее структурной частью, хотя и относительно обособленной, но все же тесно взаимодействующей с другими.

3. Что касается организационного аспекта развития системы военного образования, то многолетний опыт функционирования различных типов военно-учебных заведений содержит разные варианты сочетания основных звеньев военного образования. В целом выделяются следующие звенья:

1) начальное — в рамках кадетских корпусов для малолетних и военных прогимназий в Российской империи выполняло чисто благотворительную роль, в советский период сместилось в область подготовки солдат и сержантов, а также первичного обучения допризывников.

2) среднее общее с элементами профессиональной подготовки (общие классы кадетских корпусов (до 1863 г.), военные гимназии и кадетские корпуса во 2-й половине XIX — начале XX вв. в Российской империи, спецшколы и суворовские военные училища в СССР, кадетские корпуса и суворовские военные училища в РФ);

3) среднее военно-специальное (специальные классы кадетских корпусов (до 1863 г.), военные и юнкерские училища (после 1863 г.) в Российской империи, средние военные училища в СССР) — в настоящее время, в связи с ростом требований к подготовке офицерского состава, существует применительно к подготовке сержантского состава;

4) высшее военно-специальное (отраслевые военные академии в Российской империи, высшие военные училища в СССР, военные институты и академии в РФ);

5) высшее военное (Академия Генерального штаба).

Кроме того, существовали разнообразные курсы повышения квалификации и переподготовки, срок обучения на которых составлял от нескольких недель до двух лет.

Исторически сложилось так, что каждому звену соответствовал определенный тип военно-учебных заведений. К сожалению, приходится констатировать, что недавняя военно-учебная реформа, преследующая в том числе цель укрупнения военно-учебных заведений, нарушила этот порядок. Итогом стало разрушение устоявшихся образовательных традиций отдельных заведений, отрицательно влияющее на качество подготовки офицерских кадров.

4. Логически вытекающим из предыдущего пункта является постепенное смещение «центра тяжести» в подготовке офицеров из средних военно-учебных заведений в высшие. Это отразилось и на составе правовой базы военного образования: если в дореволюционной России подавляющее большинство нормативно-правовых актов было посвящено деятельности кадетских корпусов и военных училищ, то в Советской России и СССР количество актов, регулирующих деятельность военно-учебных заведений высшего звена, неуклонно возрастало, а в современной России внимание законодателя приковано почти исключительно к высшим военно-учебным заведениям.

5. Наконец, еще одним итогом является преемственное развитие правовой базы функционирования военной школы Российской империи, Советской России, СССР и Российской Федерации, позволяющее исполь-

зовать в современном образовательном пространстве испытанные временем подходы к правовому регулированию отдельных вопросов деятельности военно-учебных заведений (прежде всего учебно-воспитательных) при условии их творческой адаптации. К таковым относятся, например, правовые основы деятельности кадетских образовательных учреждений.

Рассмотрев историю правового регулирования деятельности военно-учебных заведений России, можно сформулировать следующие уроки, которые необходимо учитывать при дальнейшем совершенствовании правовой базы современного военного образования.

В качестве первого урока можно отметить то, что не следует создавать замкнутую в себе систему военного образования, совершенно обособленную от гражданской школы. Несмотря на определенную специфику подготовки офицерского состава, в основе правового регулирования системы военного образования должны лежать нормативно-правовые акты, в целом регламентирующие процесс образования в стране. Изоляция ведет к тому, что военно-учебное ведомство теряет связь с гражданскими учебными заведениями, утрачивает возможность обмениваться с ними опытом. Кроме того, затруднен переход из одной системы образования в другую, что существенно сужает возможность привлечения талантливой молодежи из гражданских вузов.

Вторым уроком является насущная необходимость кодификации образовательного законодательства. Чем больше издается ведомственных актов, детально регламентирующих вопросы подготовки будущих офицеров, тем запутаннее становится правовая база деятельности военно-учебных заведений, тем глубже разverzается пропасть между военными и гражданскими учебными заведениями. Принятие Кодекса РФ об образовании, в котором военному образованию был бы посвящен особый раздел, сняло бы данную проблему.

Наконец, третий урок заключается в том, что, несмотря на отмеченную нами выше необходимость конвергенции гражданской и военной школ, не следует вымывать из системы подготовки офицеров ее военно-воспитательный элемент, тем самым разрушая эту систему. К сожалению, в последнее время сделаны большие шаги на пути к ликвидации системы военного образования под предлогом укрупнения военных вузов. На наш взгляд, традиционную схему подготовки кадрового офицера, сложившуюся еще до революции, необходимо сохранить во что бы то ни стало. Это относится в первую очередь к командирам, которых нельзя подготовить в гражданском вузе. Они являются носителями и хранителями славных боевых традиций нашей армии, становым хребтом офицерского корпуса, поэтому их нужно готовить в течение многих лет

в закрытых учебных заведениях (кадетский корпус (суворовское училище) — военный институт). Кроме того, далеко не всех специалистов можно подготовить в учебных заведениях гражданского ведомства (в процессе их обучения используются сведения, составляющие государственную тайну, либо дорогостоящая специальная техника).

В этой связи можно выделить четвертый урок: как бы ни был велик соблазн сэкономить на подготовке офицеров, нельзя это делать за счет сокращения звеньев военного образования. Исторический анализ организационно-правовых форм функционирования отечественной военной школы показывает, что одинаково важны и средние военно-учебные заведения (типа кадетских корпусов), и военные училища и институты, дающие среднее или высшее военно-специальное образование, и курсы усовершенствования, обеспечивающие необходимую дополнительную подготовку, и военные академии, в которых получают высшее военное образование наиболее способные офицеры. Укрупнение военных вузов не должно разрушить исторически сложившихся традиций подготовки командных кадров; оправдавшую себя многоуровневость военного образования необходимо сохранить.

Пятый урок заключается в том, что преподаватели будущих офицеров должны обладать особым, привилегированным правовым статусом. К подготовке командных кадров необходимо привлекать наиболее образованных и талантливых офицеров; военно-учебная служба, на которой трудно достичь высших чинов, следует сделать более привлекательной за счет ускоренного производства и ряда льгот материального характера. Вместе с тем нужно приглашать для чтения отдельных курсов заслуженных университетских профессоров.

В заключение попытаемся обосновать шестой урок. И в дореволюционной России, и в СССР в течение ряда лет существовали национальные военные школы, для которых был установлен особый порядок приема, особые учебные программы. Сибирский и Донской кадетские корпуса, казачья сотня Николаевского кавалерийского училища в Российской империи, мусульманские военные школы в СССР оправдывали свое назначение, готовя национальные командные кадры и одновременно повышая образовательный уровень казаков и окраинных народов. Разумеется, создание национальных военных училищ сегодня представляется нецелесообразным, однако на уровне начальной военной подготовки в рамках кадетских корпусов воспитание на национальных традициях вполне допустимо. В современной России проблема сохранения культурной самобытности отдельных народов стоит на повестке дня. Почему бы не использовать для этой цели казачьи либо национальные кадетские корпуса?

Литература:

1. Высочайше утвержденное общее положение для военно-учебных заведений второго класса // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т.V. Отд. 1-е. 3615.

2. Высочайше утвержденное Положение о кадетских корпусах // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. VI. 3517.
3. Высочайше утвержденный Устав для военно-учебных заведений второго класса // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. V. Отд. 1-е. 3598.
4. Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. — СПб., 1886. — 133 с.
5. Круглый стол, посвященный проблемам содержания кадетского образования в Алтайском крае. URL: <http://www.guscadet.ru/education/conceptions/doc/ko-altay.htm> (дата обращения: 22.03.2013)
6. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС Консультант-Плюс
7. Проект Федерального закона «Об образовании» // Российская газета. 2010. 1 декабря. URL: <http://www.rg.ru/2010/12/01/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 22.03.2013)
8. Свод военных постановлений 1838 года. Ч. 1. Кн. 3. Образование военно-учебных заведений с их управлениями. — СПб., 1838.

Особенности становления профессионального музыкального образования в Республике Татарстан в начале XX века

Степанова Анастасия Николаевна, аспирант

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов (Республика Татарстан)

Переломным моментом в развитии музыкального профессионального образования является конец XIX начала XX вв. Начавшаяся в 1905 году революция подтолкнула татарскую культуру в своем демократическом развитии. Происходит своего рода прорыв просветительства в области искусства, которое по своим масштабам перешагнуло от домашнего музицирования к попыткам массового исполнения и стремлению просвещаться, изучать и узнавать историю своего народа, историю русской и зарубежной культур. Передовыми просветителями этого времени и учеными можно выделить К.Ф. Фукс, С.М. Шпилевского, Г. Исхаки, К. Насыри, И.Ф. Эрмана, Н.П. Загоскина и многих других, которые явились основоположниками перехода от традиций и религиозных устоев к освоению новых западных и европейских отраслей искусства. Благодаря развитию революционно настроенных просветителей конца XIX века, позднее умело подхватили их настрой не менее талантливая молодежь XX века. Впоследствии они стали очень известными деятелями искусств: поэтами и писателями Г. Тукай, М. Гафури, Г. Камал, Ф. Амирхан, Ш. Камал, Г. Кулахметов, Г. Ибрагимов, С. Рамиев, театральными деятелями Г. Кареев, С. Гизатуллина-Волжская, И. Кудашев-Ашказарский, революционными деятелями М. Вахитова, Х. Ямашева, Ш. Бабича, музыкальными деятелями В. Апанаяев, Г. Зайпин, Ф. Агеев, Б. Урманче, И.А. Козлов, певцами К. Мотыгый, Ф. Латыпов, М. Рахманкулова, пианист-самоучка З. Яруллин, композитор С. Габяши и многие другие.

Но, несмотря на все желание просветителей, каким-либо образом заострить внимание на проблеме приобщения и развития татарского народа к искусству в целом, со стороны мусульманского духовенства это стремление вызывало большое негодование и протест по религи-

озным соображениям. Долгое время препятствуя внедрению музыки в жизнь молодежи и развитию музыки как профессионального образования в республике.

Благодаря прямому воздействию революции 1905 года в 1906—1908 г.г. появляются первые проблески театра и музыки. Все насыщеннее становится музыкальная жизнь в Казани, все чаще устраиваются музыкальные вечера, которые немало внесли развития в музыкальную жизнь татарского народа. На таких вечерах выступали, как правило, исполнители народных песен, самодеятельные ансамбли народных инструментов разного состава. О таких музыкальных вечерах знали не многие, и посещать такие вечера могло ограниченное количество человек. Все это способствовало в 1907 году 1 декабря открытию Восточного клуба в Казани.

Восточный клуб (Шэрэк клубы) являлся своего рода одним из культурно-просветительских учреждений, где одной из главных возможностей клуба была организация музыкально — литературных вечеров. Помимо музыкально-литературных вечеров организуются разного рода музыкально — инструментальные ансамбли, а также спектакли, различные концерты, спектакли, детские новогодние утренники и балы, лекции, вечера танцев. Все творческие выступления не происходили без участия музыкальных ансамблей, которые служили музыкальным дополнением к различным литературным чтениям и спектаклям.

Помимо исполнения солистами и ансамблем национальной, зарубежной, русской музыки, также происходило исполнение в составе хоров симфонической музыки, отрывков из оперных арий русских и зарубежных композиторов. Восточный клуб нередко посещали известные деятели искусств С. Рамиев, Г. Тукай, Ф. Амирхан и другие. В Восточном клубе существовал свой струнный оркестр.

В 1906 году организовывается драматическая труппа «Саяр», что в переводе обозначает «Странствующие». В театре существовал музыкальный ансамбль. Состав музыкальных инструментов был разнообразен: гармоника, флейта, скрипка, мандолина, фортепиано. Репертуар ансамбля был в основном национального содержания: от простых одноголосных народных песен до произведений с сопровождением нескольких инструментов. Также следует отметить, что в составе данного ансамбля начинали свою музыкальную деятельность С. Сайдашев, М. Музафаров и другие. Следует сказать, что вся просветительская деятельность, направленная в сфере искусств совершалась для музыкального развития и образования молодого поколения республики.

В начале XX века благодаря богатой исполнительской деятельности общественность знакомится с талантливыми исполнителями вокальной музыки К. Тухватулиным, Ф. Латыповым, инструменталистами: скрипачом Г. Зайпиным, пианистом — самоучкой З. Яруллиным при непосредственном участии скрипача, пианиста и композитора И.А. Козлова. С конца 1900-х до начала 30-х годов XX века огромный вклад в пропаганду татарской музыки внес Г. Сайдуллин. Для сохранения традиций и приобщения как можно большего количества народных масс к искусству народное и исполнительство народных песен переносилось грампластинки. В записи на пластинках звучали и татарские, русские, башкирские, украинские, польские народные песни, произведения мировой классики, фрагменты из опер.

В целом дореволюционный период является подготовительным в области татарского музыкального профессионализма благодаря ряду неопределимых трудов как собирания по крупицам истоки непосредственно истинной татарской музыки, так и пропаганде татарской музыки путем исполнительства великих татарских музыкантов. Все это и послужило сильным толчком в становлении татарского музыкального образования, впоследствии которое формируется в первое десятилетие после октября.

Значительным событием в Музыкальной жизни республики явилось образование в 1904 году музыкального училища, на базе музыкальной школы Р.А. Гуммерта. Специализированными предметами являлись фортепиано, струнные инструменты, духовые инструменты, сольное пение, теория композиции. Позднее, с 1906 года появляется класс оперного и драматического искусства. Кроме специализированных предметов были еще теория, сольфеджио, анализ музыкальных форм, гармония, хоровое пение, оркестровая игра. Окончившие училище получали право работать учителем музыки, управляющим хором пения приходских и начальных училищ [4, с. 102].

В 20-е годы происходит много публикаций обработок татарской народной музыки, как вокальной, так и инструментальной, сделанной музыкантами — профессионалами. Это отражалось в записи татарской профессиональной музыки от простых форм к более сложным формам. Все насыщеннее становилась музыкальная жизнь в респу-

блике благодаря регулярным концертам. В 20-е годы XX века появляются работы А.Эйхенвальда, который тесно сотрудничал с народными певцами. В это же время работал В.И. Виноградов.

Становится известным творчество Салиха Сайдашева, чье новаторство заключается в том, что он сумел объединить в татарской профессиональной музыке татарскую пентатоническую песню с русской советской музыкой. Салих Сайдашев употреблял народное творчество в большом количестве в музыке к драматическим спектаклям Татарского государственного академического театра.

Также над изучением народной музыки много работал С. Габаши. В 1910—1912 г.г. Илларион Александрович Козлов теоретически обобщает татарские народные песни как один из первых русских профессиональных музыкантов в большой печатной статье «Пятизвучные бесполутоновые гаммы в татарских и башкирских народных песнях и их музыкально-теоретический анализ».

Огромный вклад в становлении татарской профессиональной музыки послужила организованная подготовка национальных композиторов в Москве. Многие композиторы начинали свою профессиональную музыкальную деятельность с народных мелодий для голоса с фортепиано. Поначалу не всем композиторам удавалось успешно и правильно обработать татарские народные мелодии. Из-за нехватки профессионального образования в написании обработок получались простые, лишённые всех богатых возможностей инструментальной гармонизации и средств выразительности музыкального инструмента. Но были и успехи в написании обработок у А. Гречанинова, А. Эйхенвальда и др.

В 40-е годы появляются новые имена таких композиторов М. Музафаров, А. Ключарев, З. Хабибуллин, Дж. Файзи и Н. Жиганов. Творчество каждого из них отличается свой индивидуальный стиль написания обработок народных песен. В 40—50-е годы обработки народных песен стали использовать Р. Яхин, А. Валиуллин.

Наиболее яркими примерами можно выделить такие обработки у М. Музафарова «Фазыл чишмэсе», «Аниса», «Зэнгер шэл», «Зилэйлук», «Галиябану» и др. Обработки М. Музафарова отличало использование гармонического и фактурного варьирования. В творчестве А. Ключарева обработки татарских и башкирских песен для голоса и фортепиано занимали большое место, а также одногласной с простыми подголосками до сложных разнообразных обработок а сарелла (исполнение вокального произведения без сопровождения инструмента). Среди них такие песни как «Эллуки», «Ямле», «Ак идел буйлары», «Кара урман», «Гармонь». Обработки для голоса и фортепиано Н. Жиганова выделяются простотой средств выразительности и в то же время отточенностью деталей в таких обработках как «Сабан кое», «Илге бага» и др.

В 1934 году Г. Лобачев публикует сборник «Татарские и башкирские песни для голоса с фортепиано», мелодии которых записал от татарской певицы С. Садыковы. В эти годы над обработками народных песен также рабо-

тали С.А. Кац, Ф.З. Яруллин, З.В. Хабибуллин; немало обработок народных песен сделал М.Г. Латыпов, а также большое внимание народной песне уделил Ю.В. Виноградов, написал вариации на тему «Апипа» для симфонического оркестра. В области обработок немало работал Дж. Файзи. Его знаменитая музыкальная комедия «Башмачки», где он использует обработки для хора и большое количество обработок народных песен для голоса и фортепиано. Дж. Файзи обращается только к современной татарской песне 30-х гг., где большое воздействие оказывает профессиональное творчество, советская массовая песня и музыка братских народов «Райхан», «Сария», «Алма бакчасы» и др.

Огромный вклад в пропаганду народного фольклора внес Р. Яхин. Начиная с «Вариаций для фортепиано» на татарскую народную тему «Яз да була», работа продол-

жилась в фортепианном концерте (финал), где использует такие народные песни как «Тан», «Галиябану», и др.

Главное достоинство обработок Р. Яхина было в стремлении сделать фортепиано не столько в помощь голосу, сколько действующим лицом, развивая выразительными средствами песенный образ.

Подытоживая картину становления профессионального образования в Татарстане в начале XX века можно сказать, что музыкальное образование начало развиваться благодаря первым профессиональным учебным заведениям, которые внесли огромный вклад в становление и развитие профессионального музыкального образования в республике. Также благодаря сохранению своих национальных традиций и передачу народного наследия через влияние западного и европейского искусства произошло становление профессионального музыкального образования.

Литература:

1. Нигмедзянов М.Н. Татарская народная песня в обработке композиторов. Татарское книжное издательство, Казань, 1964. — 140 с.
2. Садриджиганов Д.Г. В мире музыки (Воспоминания). Татарское книжное издательство, Казань, 1990. — 120 с.
3. Сайдашева З.Н. В мире татарской музыки: Сборник статей / Казанская консерватория. — Казань, 1995. — 220 с.
4. Валиахметова А.Н. Музыкальная культура в Татарстане (середина XIX века — первая четверть XX века): учеб. пособие. — Изд. 2-е, доп. — Казань: Изд-во ТГГПУ, 2009. — 147 с.

Зарубежный мир как образ врага в системе советской внешней политики в начале 1930-х годов

Чогандарян Марина Георгиевна

Статья посвящена рассмотрению проблемы формирования в сознании советских граждан образа советского внешнего врага в лице зарубежного мира. Актуальность исследования обусловлена сильнейшим влиянием образа внешнего врага на массовое сознание современных людей.

Ключевые слова и фразы: внешний враг, военная интервенция, военная угроза, пропаганда.

The article deals with the problem of forming in the minds of Soviet citizens Soviet image of an external enemy in the person of the foreign world. Relevance of research due to the strong influence of the image of an external enemy in the mass consciousness of modern people.

Key words: foreign enemy, military intervention, military threats, propaganda.

Советское руководство в начале 1930-х гг. конструировало в общественном сознании граждан так называемую «правильную картину» всего мира, ядром которой была идея враждебного капиталистического окружения. Сама идея враждебного окружения Советского государства способствовала построению эффективной идеологической системы.

Характерной особенностью общественного сознания советских граждан исследуемого периода, являлась стереотипное мышление, особенно в восприятии зарубежного мира. В связи с этим, зарубежный мир гражданами

Советского государства воспринимался как, миронарушитель, враждебная сила, которая при первом удобном случае нападет на Советский Союз.

В 1929 г. в странах с рыночной экономической системой, разразился всеобъемлющий кризис. Характеризуя экономический кризис, на XVI съезде ВКП (б) в 1930 г. Сталин отметил, что «что этот кризис перепроизводства — неизбежный результат капитализма».

По мнению советского лидера, важнейшим результатом мирового экономического кризиса, явились противоречия между капиталистическими странами и Со-

ветским государством. Поэтому, каждый раз — отмечал Сталин, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: с целью разрешить противоречия капитализма за счет СССР, этой Страны Советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимым капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом. Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом — резюмирует лидер Советского государства. Сталин в своем докладе приводит конкретные факты, способствующие обострению взаимоотношений СССР и капиталистических стран — разрыв дипломатических отношений английского консервативного кабинета с СССР, захват КВЖД маньчжурскими властями, финансовая блокада СССР, «крестовый поход» католической церкви во главе с папой Римским против СССР, покушения на представителей СССР (Польша), придирки к нашему экспорту (САСШ, Польша) [9, с. 255].

В 1931 году состоялся XI пленум Исполкома Коминтерна. На Конгрессе рассматривался вопрос об угрозе военной интервенции против СССР [3, с. 966]. Выступающие на Пленуме отмечали, что мировой экономический кризис, вследствие борьбы империалистских держав за рынки сбыта, усугубляет все империалистские противоречия, придавая им особую остроту. В связи с этим участниками Пленума была отмечена повышенная опасность военных конфликтов между империалистскими державами, а также угроза интервенционной войны против Советского государства.

Советское руководство исследуемого периода наиболее опасным внешним врагом считало Францию, которую Сталин характеризовал как «самую агрессивную и милитаристскую страну из всех агрессивных и милитаристских стран мира» [8, с. 255—257].

По этому поводу Молотов в своем докладе на VI съезде Советов указывал, что основную роль в создании антисоветского фронта играет так называемый «европейский комитет», возникший по инициативе французского министра иностранных дел Бриана для создания блока европейских государств против Советского Союза. [10, с. 93].

Также В.М. Молотов в своем докладе характеризует в целом внешнеполитические отношения Советского союза с зарубежными странами. По его словам, нормальные отношения сохранялись, в частности, с Италией, Турцией, Афганистаном, Скандинавскими странами. По мнению Молотова тревогу вызывали отношения с такими странами как: Франция, Польша, Финляндия, Эстония и Латвия.

Наибольшую угрозу для Советского государства, среди стран зарубежного мира, представляла Япония. Япония после захвата ею Маньчжурии в 1931 г. прово-

дила мощную антисоветскую пропаганду под лозунгом защиты Маньчжурии «от большевистской угрозы».

Советская пропаганда информировала своих граждан о враждебных планах Японии против СССР и советского народа. «Теперь, когда японский империализм пытается расправиться с китайским народом, — писала «Правда», — рабочие всего мира поднимаются на защиту китайской революции. Трудящиеся СССР следят за борьбой в Китае с величайшим вниманием, их сочувствие на стороне китайского народа» [6]. Резкую критику у советского руководства вызывала позиция одобрения США антисоветской политики на Дальнем Востоке, проводимой Японией. В потворстве японской агрессии со стороны третьих стран советское руководство усматривало, прежде всего, реализацию США своих интересов: «США пытались и пытаются вовлечь СССР в дальневосточную войну, ...организовать наиболее реакционные группы международной буржуазии для активного выступления против социалистического строительства в СССР. Магнаты долларов пытаются выбраться из кризиса спекуляцией на войне». Резко негативно оценивался и отказ США от посредничества в предполагаемых японо-китайских переговорах. Советское руководство сочло это замаскированной поддержкой японской агрессии: «Когда американские империалисты говорят о «неделимости» Китая, они имеют в виду безраздельное господство американского капитала. В этом основной смысл позиции США в маньчжурском вопросе». [5]

От имени советского правительства нарком обороны К.Е. Ворошилов 7 ноября 1931 г. сделал следующее заявление: «Мы за мирный труд. Пусть нас не провоцируют ни на Востоке, ни на Западе. На войну мы не пойдем. Но если кому-нибудь угодно будет попытаться померяться с нами силами, — пусть не взыщут» [4].

Учитывая сложность международной обстановки на Дальнем Востоке побуждает советское руководство предложить Японии подписать пакт о ненападении. Однако официальные круги Токио не выразили заинтересованности в подписании пакта и ответили отказом.

1933 г. был ознаменован ростом числа японо-маньчжурских нарушений советской границы. В связи с этим, советское руководство доводит до своих граждан информацию об угрозе японского нападения на Советский Союз. В частности, 25 декабря 1933 г., корреспондентом «Нью-Йорк Таймс» интервьюировал Сталина по вопросам внешней политики. Лидер советского государства выразил обеспокоенность повышенной милитаризации Японского государства. «В этом действительная опасность, и мы вынуждены готовиться к ней» — резюмировал И. Сталин [2, с. 767].

Отмечая опасную напряженность советско-японских отношений, возникшую по вине японской военной и политической элиты, нарком иностранных дел М.М. Литвинов, в своем докладе на сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г., подчеркнул, что эти отношения вызывают обеспокоенность не только руководство Советского Союза, «но

и всего мира, ибо политика Японии является сейчас самой темной грозовой тучей на международном политическом горизонте» [2, с. 793].

В связи с этим основной задачей советского руководства на Дальнем Востоке в этот период становится наращивание вооруженных сил, и создание стратегических запасов на случай конфликта с Японией. Советская политика в Китае преследовала цель создание здесь единого антияпонского фронта.

В 1933 году к власти в Германии приходит лидер НСДРП Гитлер, приверженец явно выраженной антисоветской политики. Советская общественность весьма настороженно восприняло победу национал-социалистов на выборах в рейхстаг. В частности, М. Горький по поводу прихода Гитлера к власти писал: «Если нация, которая дала миру Ганса Сакса, Гёте, Бетховена, семью Бахов, Гегеля, Гумбольдта, Гельмгольца и многих десятков крупнейших «мастеров культуры», — если эта нация избирает вождем своим Гитлера, это, конечно, факт, свидетельствующий об истощении творческой энергии ее командующего класса.»... [1, с. 206.]

Завоевание новых земель на востоке — такова была приоритетная цель внешней политики Гитлера. Гитлер

в своей книге «Майн Кампф» писал: «Все, что я делаю, направлено против России. Если Запад настолько глуп и слеп, чтобы понять это, я буду вынужден первоначально принять меры, чтобы разбить Запад, а потом, после его разгрома, повернуть всеми своими объединенными силами против Советского Союза. Мне необходима Украина, чтобы мы не голодали снова, как в последней войне». [Цит по 7, с. 27].

Советская политическая элита довольно жестко реагировала на антисоветские выступления Гитлера. Однако имелись предположения, что львиная доля высказываний Гитлера всего лишь набор ораторских приемов. Советское руководство надеялось, что со временем станет возможным реанимация прежних гармоничных отношений с Германией. Именно поэтому, вплоть до 1936 года, Германии в списке внешних врагов отводилась второстепенная роль. По-прежнему наибольшую обеспокоенность у советского руководства вызывала Великобритания и Япония, а также Скандинавские и Прибалтийские страны.

Таким образом, советская пропаганда в первой половине 1930-х гг., сообразно внешнеполитической ситуации в мире, формировало в общественном сознании образ врага в лице зарубежного мира.

Литература:

1. Горький М. Собрание сочинений. Т. 27. М. 1953.
2. Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. 16.
3. Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932. М. 1933 г.
4. Правда. 1931. 18 сентября.
5. Правда. 1931. 18 октября
6. Правда. 1931, 25 октября.
7. Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войны. М. 1972.
8. Сталин И.В. Сочинения. Т.12.М.,1949. Т. 12. М. 1949.
9. XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. Ч. 1—2, М., 1931.
10. VI съезд Советов Союза ССР. Стенографический отчет. М., 1931.

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Трансформация представлений российских политиков об идеальном человеке в 1917–1938 гг.

Бабич Елена Сергеевна, студент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

На протяжении различных эпох у различных народов существовал замысел построения идеального общества, своего рода идеального социального порядка, а проект идеального человека всегда являлся главной составной частью таких социальных утопий. В конце XIX начале XX в. идеи о создании идеального общества и идеального человека были особенно популярны благодаря публикации трудов Чарльза Дарвина о естественном отборе, развитию медицины, успехам в генетике, популярности материализма и атеизма. В России это привело к тому, что генетика вторгалась в пределы религиозно-философских построений и идеологической доктрины, в виде евгенистических теорий. Некоторые из этих идей вновь обсуждаются в русле концепций особого пути и специфики России. Поэтому изучение и интерпретация идеологии и практики «формирования нового человека» будет полезна для расширения представления о них и для осмысления современных культурных практик адептов «революционного человека».

Идея стремления к социальному и экономическому равенству людей была особенно популярной для России первой трети XX века, в этот период разрабатывались проекты по созданию новых людей и нового антикапиталистического мира. Основными инициаторами и разработчиками концепции «нового человека» в послереволюционной России были Николай Бухарин, Лев Троцкий, Анатолий Луначарский и др. В своих разработках они конструировали модели человека в зависимости от собственных представлений о трудах К. Маркса, об атеизме и сверхчеловеке, о роли и месте человека в обществе, ближайших целях РКП (б).

Историография заявленной проблемы еще только складывается. Прежде всего, отметим работы О.А. Устинова [11], С.Г. Новикова и О.С. Забелинской [8]. Авторы рассмотрели основные характеристики идеального человека, условия его создания, причины подобных воззрений Н.И. Бухарина и А.В. Луначарского. Из философских работ выделим труды Г. Юдина [12] и А. Малахова [7]. Они делали акцент на философско-этическую составляющую проблемы, рассматривая сотворение «нового человека»

в СССР в общемировом контексте. Интерес представляет и работа М. Геллера [3], особое место, в которой уделено именно воздействию роли государства на выработку у советского человека определенных качеств. Большое внимание автор уделяет анализу целей и способов идеологического влияния на граждан СССР. Вместе с тем приходится констатировать отсутствие исторических работ, освещающих весь комплекс проблем «формирования нового человека» в Советской России 1917–1938 гг.

В статье рассматривается трансформация идей о «новом человеке» в трудах политических деятелей России в 1917–1938 годов. При этом особое внимание уделяется трактовке физических и психических качеств человека, представлениям об идеале, норме и патологии людей.

Представления о модели «нового человека» в России после Октябрьского переворота 1917 были неоднородны, и менялись со временем. В 1920-е годы в ходу была модель «революционера-разрушителя старого мира». Лев Давидович Троцкий широко пропагандировал этот идеал в своих речах. В середине 1920-х г., в связи с провозглашением «строительства социализма», на смену модели революционера пришла модель «созидателя нового мира». Постулируется необходимость в «индустриальном человеке», «научно-организованном человеке» (НОЧ), «усовершенствованном коммунистическом человеке» (УСКОМЧЕЛ). Тогда от человека требовалась идейность, энергия и инициатива. Эти модели разрабатывались Николаем Ивановичем Бухариным и Анатолием Васильевичем Луначарским. Лев Давидович Троцкий также уделял внимание пропаганде идеального «коммунистического человека» будущего. Однако в дальнейшем Иосиф Сталин внес такие коррективы в эти идеи, что они изменили свою сущность.

Как уже отмечалось, первой моделью нового человека в России после Октябрьского переворота был идеал революционера. Её автором был Лев Давидович Троцкий (1879-1940). Он указывал, что задачей 1920-х еще не являлось воспитание или создание лабораторным путём человека будущего, гражданина коммуны. И в связи с этим он предлагал сформировать «конкретного че-

ловека нашей эпохи, который должен еще только бороться за создание условий, из которых вырастет гармонический гражданин коммуны» [9]. На данном этапе Троцкий предлагает создавать борцов, революционеров, которые были бы конкретно историческим, следовательно, временным типом [9]. Среди качеств, которые следовало формировать революционеру Л.Д. Троцкий выделял одновременное развитие телесных и духовных способностей, начитанность, ведение революционной деятельности, а также необходимость наличия друзей-революционеров за рубежом [9]. По его мнению революционер, был связан только с рабочим классом, имел свои особые психологические черты, качества ума и воли. Революционер, во-первых, не должен бояться применять беспощадное насилие; во-вторых, быть свободным от внутренних предрассудков религиозного, национального характера, то есть быть атеистом и интернационалистом; в-третьих, обладать мужеством в физическом смысле (не имел права быть трусом) и мужеством в идейном смысле (дерзание в действии, решимость на дела, опыт которых еще не проверен); в-четвёртых, он должен быть готовым ко всему. Внешний физический облик модели революционера Л.Д. Троцкий представлял как немного улыбающегося, худощавого, небольшого и подвижного, одновременно нервного и в то же время твёрдо уверенного и спокойного человека [9]. Безусловно, такая модель была создана Троцким для достижения определенной цели. Однако он и утверждал, что эта модель «революционера» была лишь временным идеалом. Действительным идеальным человеком будущего он считал более высокий общественно-биологический тип. Он писал, что это должен был быть гармонично развитый человек в физическом, психологическом и моральном аспектах. Среди таких качеств он выделял красоту, силу, ум, гармонично сложенное тело, ритмичные движения, музыкальный голос, равномерность развития, талантливость и одарённость. Обязательным было умение овладевать собственными чувствами и инстинктами, под этим Троцкий подразумевал подчинение разуму и воли процессов дыхания, кровообращения, пищеварения и оплодотворения в собственном организме человека. Так же идеал Л.Д. Троцкого должен был быть обязательно здоров и не религиозен [10, с. 177–197].

В 1930-е годы в СССР среди партийных деятелей и марксистов различных направлений была популярной модель «созидателя нового мира». Среди наиболее известных разработчиков этой модели были Николай Иванович Бухарин (1888–1938) и Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933).

Под идеальным человеком, в гуманистическом и антропологическом смысле Н.И. Бухарин понимал развитие полноценного, всесторонне развитого, «самого трудящегося коллективизированного человека» [1, с. 77, 226]. Именно гармонично развитая личность в физическом, моральном и умственно-психологическом плане воспринимается Бухариным как целостный человек. Он выделял

такие качества как интеллект, воля, доброта, добродетельность, способность человека приносить пользу обществу, быть производителем, держать баланс между гедонизмом и аскетизмом, быть высокоморальным [2, с. 390, 479]. По мнению Н.И. Бухарина личность обязательно должна обладать красотой. С эстетической точки зрения смысл ее заключался в повышении эмоционального жизненного тонуса. Идеалом мужской и женской красоты он считал наиболее яркое выражение внешних черт чувственного образа, воплощающих идеальные характеры и качества. Это, прежде всего ум, мужество, благородство, нежность, сексуальные положительные черты [2, с. 479]. Он писал, что человек должен быть трудящимся, образованным и работоспособным, универсальным в своём развитии физических и умственных качеств [1, с. 71, 86]. Также быть свободным во всех аспектах развития, в независимости от половой и национальной принадлежности [1, с. 203]. Личность по Бухарину является противоположностью «серому человеку», проектируемая им личность обладает культурностью, общественной активностью, целостностью, объединяющей интеллект и характер. Такая личность обладает и страстностью, героизмом, готовностью идти на риск, отвагой, инициативностью, упорством, смелостью, мужественным хладнокровием или страстью в достижении поставленной цели [1, с. 158, 162]. У Бухарина не идёт речь об образовании стандартизированных, так сказать, «средних», «гармоничных личностей», у которых есть всего понемножку (немного эстетической красоты, немного добра, немного здоровья) [1, с. 103–104]. Основными критериями отличия личности от стандартного идеального человека по Н.И. Бухарину является вдохновение, фантазия и особенно талант. Именно таланту он уделял особое внимание, так как по его словам герои СССР это люди – таланты в своей области [1, с. 70].

Среди разработчиков моделей «строителей нового мира» выделялся глава Наркомата просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Он пропагандировал воспитательный проект формирования «нового человека», призванного реализовать план индустриальной модернизации страны [8, с. 10–13]. А.В. Луначарский, как и Н.И. Бухарин ориентировался на антропологический идеал человека, и на личность. Однако для Луначарского были характерны особое внимание к вопросам морали, этики, культуры [6, с. 290]. Именно поэтому его идеалу «нового человека» подобен богочеловек Ницше, то есть обожествление всего самого лучшего в человеке, всех наивысших достижений человечества. Среди важных качеств он отмечал любовь к идеям, внимательность, человеколюбие, дух солидарности, индивидуализм как разнообразие, уникальность способностей, ставил задачу быть мастером своего дела, подчеркивал преданность идее, общим задачам и своему делу. Он так же указывал на необходимость отзывчивости, внимательность к другим людям, призывал вести здоровый, активный, трудолюбивый образ жизни, предлагал развивать универсальность интересов, возможностей и познаний, заинтересованность [5, с. 292]. Осо-

бенно важным было и то, что он выдвигал требования быть честным, трудолюбивым, миролюбивым, обязательно толерантным человеком с сильной волей [5, с. 291–292].

Все эти качества и характеристики проектировались Луначарским в период форсированной модернизации, требовавшей подчинить интересы индивида потребностям социума, ради победы в гонке с индустриальным Западом. Таким образом, идеал «нового человека», проектировавшийся Н.И. Бухариным и А.В. Луначарским, сочетал в себе антропоцентризм, дополненный социоцентризмом, с ориентиром на личность и подкреплённый утилитарными соображениями.

С установлением в партии единоличной власти Сталина модель формируемого человека меняется. И.В. Сталин исповедовал совершенно другие представления о людских ресурсах и нуждах партии. Его идеал «советского человека», заключался в деятельности на благо государства, этот человек должен был быть частью рабочей массы, он должен чувствовать себя «винтиком» гигантской машины государства [3, с. 9–11]. В противоположность антропологической ориентации на развитие личности был принят новый идеал — человека-исполнителя. Идеалом стал человек подчинённый дисциплине, которую государство поддерживает наказаниями [1, с. 118]. Формировался человек, чувствующий себя лишь незаметной деталью чего-то большего и более важного [3, с. 34–36]. Важнейшими качествами «советского человека» пропагандировались коммунистическая идейность, партийность, преданность идеалам партии, труд как цель и смысл жизни, коллективизм, беспредельная преданность социалистической многонациональной Родине. В пропаганде на первый план выдвигается необходимость формирования ответствен-

ности за страну, грамотность и начитанность, неприхотливость, готовность к трудностям и жертвам [3, с. 28–32]. В литературе уже указывалось, что такой человек обладает идеологизированным сознанием, испытывал страх от бесчисленных запретов и дефицита [3, с. 29–31].

Таким образом, все рассматриваемые идеи объединяло единство содержания, потому как целью было и оставалось создание инструмента для строительства нового мира, или новой власти. Каждая из таких моделей «Советского человека», включая временные, и непризнанные правящей партией, содержат как основную черту — чувство принадлежности к государству, ощущение себя частью государственной машины, членом коллектива. Модель «социалистического человека» была неоднородной и содержала внутреннюю дифференциацию, которая зависела в первую очередь от проводимого политического курса партии, который менялся со временем, а так же от различий в трактовках понятий «социализма» и «коммунизма» у различных политических деятелей. Именно поэтому провозглашались различные типы «социалистического человека».

В первой трети XX века во многих странах для характеристики идеального человека использовались идеи о комфортной, счастливой и долгой жизни [12, с. 521]. Такие ценности вступали в противоречие с реальным «советским человеком», им стал безликий исполнитель, часть общей массы, подчинённый одной дисциплине, конформист. Однако для абсолютного большинства была также характерна вера в коммунистическое будущее, романтизм и представление о приоритете общественных интересов над личными. Такая раздвоенность сознания будет важной чертой «советского человека».

Литература:

1. Бухарин Н.И. Социализм и его культура [Текст]: произведение / Н.И. Бухарин // Тюремные рукописи Н.И. Бухарина: в 2-х книгах. — М.: АЙРО-XX, 1996. — Кн. 1. — С. 50–216.
2. Бухарин Н.И. Философские арабески [Текст]: произведение / Н.И. Бухарин // Тюремные рукописи Н.И. Бухарина: в 2-х книгах. — М.: АЙРО-XX, 1996. — Кн. 2. С. 220–528.
3. Геллер М. Машина и винтики: История формирования советского человека [Текст]: монография / М. Геллер. — М.: МИК, 1994. — 336 с.
4. Луначарский А.В. Мораль и свобода [Текст]: статья / А.В. Луначарский // Красная новь. — М.: Красная новь, 1923. — № 7. — С. 130–136.
5. Луначарский А.В. О воспитании и образовании [Текст]: сборник / сост., Г.Д. Днепров, К.С. Ершова, Ф.С. Озерская; ред. Н.В. Кондашова / А. В. Луначарский. — М.: Педагогика, 1976. — 631 с.
6. Луначарский А.В. Этюды критические и полемические [Текст]: произведение / А.В. Луначарский. — М.: Изд. журн. «Правда», 1905. — 410 с.
7. Малахов А. Брак рода человеческого [Текст]: статья / А. Малахов // Вопросы культурологии. — М.: Панорама, 2006. — Т. 12. — С. 41–44.
8. Новиков С.Г., Забелинская О.С. Разработка А.В. Луначарским идеала «Нового человека»: ретроспективный взгляд [Текст]: статья / С.Г. Новиков, О.С. Забелинская // Учебный эксперимент в образовании. — Саранск, Изд-во МГПИ, 2011. — № 4 — С. 10–14.
9. Троцкий Л.Д. Задачи коммунистического воспитания [Эл. ресурс]: [речь от 18 июня 1923 г.] // www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl965.htm [дата обращения: 1.03.2013].
10. Троцкий Л.Д. Искусство революции и социалистическое искусство [Текст]: произведение / вступ. ст. Ю. Борев // Литература и революция — М.: Политиздат, 1991. — 400 с.

11. Устинов О.А. Реконструкция Антропологического идеала К. Маркса в поздних работах Н. Бухарина [Текст]: статья / А.О. Устинов // Вестник Университета Российской академии образования. — М.: ПОЛИМАГ, 2006. — №4. — С. 116–119.
12. Юдин Б.Г. Сотворение трансчеловека [Текст]: статья / Б.Г. Юдин // Вестник РАН. — М.: Наука, 2007. — Т. 77. — №6. — С. 520–527.

Русский стиль храмов конца XIX – начала XX вв. города Краснодара: историко-архитектурный аспект изучения

Береговина Надежда Борисовна, аспирант

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Современный Краснодар (до 1920 г. город Екатеринодар), был основан как военный лагерь черноморских казаков в 1793 г., ставшим позже крепостью, чье возникновение свидетельствовало о становлении города, являя структуру незавершенной градообразующей схемы, но путем создания центра обороны. Статус города Екатеринодар, названный в честь факта дарения кубанской земли черноморским казакам императрицей Екатериной II, получил в 1867 г. Типичная, в градостроительном ракурсе, организация среды, полученная исторической подоплекой возникновения населенного пункта и рекой, как жизненно важного природного ресурса, естественного оборонительного рубежа, средства сообщения, предопределили развитие инфраструктуры города. Исследователь А.Л. Филиппова, ссылаясь на историка В.В. Бондаря, отмечает: «Для Екатеринодара был выбран самый простой тип планировки, применявшийся для большинства поселений военного характера: ортогональная разновидность прямоугольного плана. Местность была расчерчена таким образом, чтобы улицы пересекались под прямым углом, а кварталы имели форму квадрата и были равны по размерам. Такая планировка исключала существование единого центра, но подразумевала главную осевую улицу. С юга город граничил со строящейся крепостью, с запада и востока его рост был ограничен водными преградами (реками Кубань и Карасун). Вследствие этого преобладающим направлением развития города становится северное; первоначально северная граница пролегла по нынешней ул. Горького (позже она передвинется на ул. Длинную, а затем и на Северную)». [1, с. 6]

Важным этапом в формировании архитектурно-пространственной композиции городской застройки было строительство каменного здания храма, нередко сопровождавшегося подъемом общественной, экономической и культурной жизни населения. В период конца XIX – начала XX вв., в Екатеринодаре было построено три каменных церкви, отражающих стилистику русского направления в архитектуре.

Художественные поиски стиля во многом определялись идеями народнического движения, повышенным интересом к крестьянскому зодчеству. Исторический стиль в русской архитектуре конца XIX – начала XX вв.; стремился освоить и приблизить к современности наследие русского зодчества XI–XVII вв.; в противовес стилизации европейских архитектурных стилей, превалирующих в царской России. [2, с. 240]

В 1888 году, вскоре после посещения города Екатеринодара, 17 октября у станции Борки, Августейшая семья, чудом уцелела при крушении царского поезда.

Заседание местных обществ, приуроченное к годовщине данного события и проведенное в помещении Городской Управы города Екатеринодара, постановило возвести каменный храм во 2-й части города¹, в ознаменование спасения царской семьи. После серии состоявшихся совещаний, 2 января 1897 г. решено командировать городского архитектора И.К. Мальгерба для ознакомления с архитектурой, технической, финансовой стороной дела существующих храмов в Харькове, Петербурге и других городах.

Исследователь, работавший в начале XX в.С. Казарова, в очерке, посвященном истории храма во имя Святой Троицы, упоминает: «Образцом для храма во 2-й части г. Мальгербу послужила церковь при Киево-Печерском подворье в Петербурге».

Торжественная закладка храма во имя Святой Троицы была произведена 3 октября 1899 г., новое здание церкви освятили 7 июня 1910 г.

Этот Божий храм стал истинным украшением второй, более бедной части Екатеринодара. [3, с. 123]

Поставленный на подклет храм во имя Святой Троицы расположен на углу городского квартала близ реки Кубань. Основным строительным материалом при возведении храмового здания стал кирпич с использованием незначительного количества белокаменных деталей. Своеобразие объемно-пространственной композиции храма во имя Святой Троицы обусловлено монументальным четвериком, увен-

¹ Екатеринодар, был разделен на четыре административных части, каждая имела свою церковь.

чанным ступенчатыми стенками с кокошниками и пятиглавием с луковичными куполами. Церковь окружена галерей с запада, севера и юга, при этом храмовая часть соединена западным двухэтажным переходом, имеющим скатную крышу под карниз четверика, с трехъярусной колокольной, возвышающейся над основным объемом здания.

С. Казарова пишет: «Наряду с этим г. Мальгерб повысил главный купол церкви и особенно колокольни, сделав ее двухъярусной¹, выше главного купола, что даже требуется русским стилем (московским), в котором должна быть построена церковь, и в то же время придает внешнему виду храма более величия и благолепия».

С востока к четверику примыкает, равновысокий западному переходу, объем помещения главного алтаря с полуциркулярной апсидой. Эти объемы объединены одноэтажной галереей с апсидами на востоке. Угловые помещения галереи крепованы и несколько повышены относительно средней части галереи, они завершаются двумя ярусами кокошников, несущими шатер с декоративной шейей, увенчанной малой главкой луковичной формы. Полуцилиндры разновысоких апсид на востоке создают ярусную объемную композицию, подчеркивая монументальность основного объема храма во имя Святой Троицы.

Вертикали четверика вторит изящная трехъярусная колокольня. На параллелепипед первого яруса (западный притвор) поставлен кубик «звона», прорезанный арками с подвесными гирьками. Первый ярус разделен перекрытием на два этажа. С южной стороны (от центрального прохода в притворе церкви) находится лестничная клетка с маршевой лестницей, ведущей на второй этаж. С северной стороны примыкает помещение хозяйственного назначения. Через второй этаж перехода, поднявшись в помещение колокольни, можно было попасть на хоры четверика. Третий ярус колокольни — «восьмерик», также предназначенный для развески колоколов, увенчан высоким шатром с одним уровнем слухов ориентированных по сторонам света. Завершен шатер «винтящей» главой на круглой (в поперечном сечении) шее и металлическим ажурным крестом с четырьмя растяжками. В основании шеи размещена коронка из восьми кокошников.

В юго-западном углу галереи находится южный вход в церковь, снабженный одномаршевой наружной лестницей, аналогично устроен северный портал. Западный портал традиционно расположен в первом ярусе колокольни. К нему ведет широкая на три схода лестница с рундуком на квадратных кубовых столбах.

Сложная многоплановая объемно-пространственная структура храма во имя Святой Троицы подкрепляется системой декоративного убранства церковного здания. Фасады насыщены сочными краснокирпичными деталями, заимствованными из древнерусского зодчества. Оконные проемы обрамлены колонками с профилированными тя-

гами, имеющими коруны, завершающие наличник в его надоконном и подоконном пространстве. В первом свете (в галерее) двойные окна, помещены в ниши, выполненные в виде имитации аркады. Столбы стилизованной аркады декорируют ширинки, в импостах использован поребрик и набор из полков и вала. Декор, примененный для храма во имя Святой Троицы, напоминает узорочье ярославских храмов XVII в.

Храм во имя Святой Троицы, в основе которого лежит традиционный для русских храмов четверик, по характеру организации внутреннего пространства подобен трехнефным культовым постройкам. Пространство помещения, предназначенное для православных верующих, является единым для всех трех приделов. По высоте боковые нефы выполнены значительно ниже своего центрального, в котором устроены окна второго света. Основной объем храма имеет сомкнутый свод, опирающийся на четыре вертикальных опоры и завершенный куполом на световом барабане.

Восстановлением живописных панно (ранее выполненных бригадой художника Н.М. Сафонова (ученика В.М. Васнецова)) в храме во имя Святой Троицы, здание которого долгое время использовалось под сельскохозяйственный склад, занимался художник-реставратор В.С. Сухоруков. В куполе светового барабана изображен лик Вседержителя. В живописи сохраняется традиция второй половины XIX в. Четырехъярусный иконостас выполнен подобно конструкции пристенного.

С весны 1979 г. здание храма во имя Святой Троицы является памятником архитектуры.

Храм в честь Святого Георгия Победоносца был заложен 18 июня 1895 г. на подворье Балаклавского Свято-Георгиевского мужского монастыря. Строительство церкви было закончено в 1900 г. Зодчий, освященного в ноябре 1903 г.² нового храмового здания, остался неизвестен. Возводилась церковь под наблюдением архитектора И.К. Мальгерба.

Храм в честь Святого Георгия Победоносца, в окружении старой застройки, расположен на пересечении краснодарских улиц им. М.П. Седина и Северной. В период строительства он закреплял северную границу города.

Кирпичное здание церкви в честь Святого Георгия Победоносца представлено трехъярусным четвериком, поставленным на высокий подклет и завершенным пятью главками луковичной формы, установленными на глухие барабаны. К традиционному для русской архитектуры четверику с разных сторон примыкают другие элементы здания. С востока к основному объему здания пристроен полуцилиндр апсиды. Прилегающий к четверику второй ярус, равновысокий с объемом апсиды, декорирован по углам гранеными шатрами с шейями, увенчанными по-

¹ Видимо, С. Казаровой притвор храма не учитывается как первый ярус колокольни.

² В литературных источниках имеется расхождение о времени завершения строительства храма, в одних 1900 г., в других 1903 г.

Рис. 1. Храм во имя Святой Троицы г. Краснодара (фото конца 1970-х гг.)

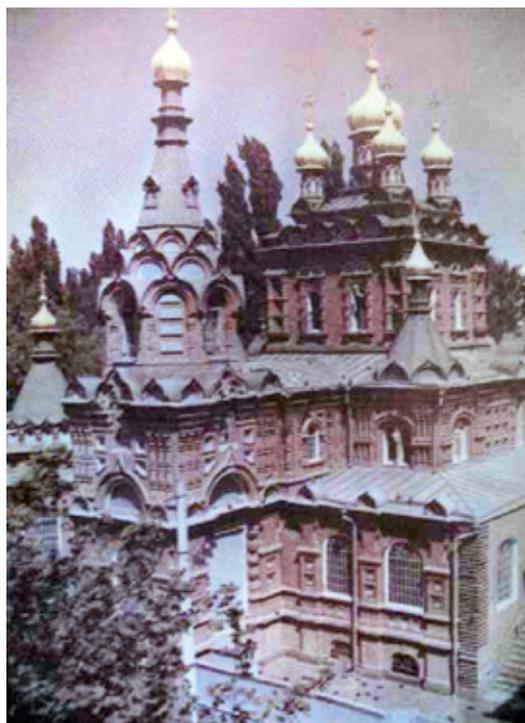

Рис. 2. Храм в честь Святого Георгия Победоносца г. Краснодара (фото конца 1970-х гг.)

золочеными главками луковичной формы, он создает в объеме здания интересный ступенчатый силуэт, за счет перехода между первым ярусом галереи и главным кубическим объемом церкви. Общая длина храма (включая алтарную часть) составляет 25,95 м. при ширине 19,55 м. Четверик церкви с запада, севера и востока окружен одноэтажной галереей, перекрытой системой крестовых сводов, на нее ведут лестницы с рундуками и крыльцами, имеющими шатровое завершение. С западной стороны в здание храма ведет скругленная в плане лестница с забежными ступеньками. Главный вход в церковь устроен в первом ярусе пристроенной колокольни. Трехъярусная колокольня по типу восьмерика на четверике перекрыта шатровым сводом, в основании которого устроена коронка из кокошников килевидных очертаний. Капитальные стены храма опираются на ленточный фундамент, выполненный из кирпича.

Все фасады храма в честь Святого Георгия Победоносца решены идентичными архитектурно-художественными приемами. Используются разнообразные по рисунку наличники окон, пучки колонн, муфтованные тумбы, ярусы кокошников и другие детали декоративного убранства, выполненные в приемах русского стиля.

Стены храма в честь Святого Георгия Победоносца раскрепованы пилястрами с ширинками на первом ярусе и трехчетвертными пучками колонн на втором и третьем ярусе. Плоскости стен декорированы поребриком, ширинками и аркатурными поясами. Фасады завершаются ярусом кокошников, опоясывающих четверик. Кокошники, встроены рядами, согласно архитектурно-художественной последовательности, задуманной для каждого яруса отдельно, очень оживляют объемную композицию здания.

Оконные проемы имеют трехцентровые перемишки на галерее, двойные полуциркульные на втором ярусе и прямоугольные с контрналичниками и сандриками в виде кокошников — на третьем.

Интересно цветовое решение из лицевого кирпича, оштукатуренных деталей декора и изразцов в ширинках, примененных только в этом городском храме.

В организации интерьера храма использованы четыре мощных вертикальных опоры, поддерживающие сомкнутый свод. Пространство боковых нефов (в экстерьере — второй ярус) перекрыто крестовыми сводами.

Храм в честь Святого Георгия Победоносца остается важным градообразующим звеном, замыкающим своим объемом застройку улицы им. И.П. Седина, и доминируя своей массой, над окружающими его сохранившимися зданиями, построенными в прежние годы.

Братская церковь Святого пророка Илии построена в русском стиле по проекту городского архитектора Н.Г. Петина, составленного им безвозмездно в 1903 г. Здание церкви возводили в память умерших во время эпидемии холеры, свирепствовавшей в Екатеринодаре летом 1892 г. Окончание строительства и освещение храма в честь Святого пророка Илии состоялось в 1907 г. Колокольня была пристроена Н.Г. Петиним через пять лет после окончания строительства церкви.

Братская церковь Святого пророка Илии, поставленная на углу, при пересечении краснодарских улиц Ок-

Рис. 3. Братская церковь Святого Пророка Илии г. Краснодара

тябрьской и Пашковской, рассчитана всего на 500 человек, что обуславливает ее компактный объем. Длина здания храма приблизительно составляет 13,4 м., при ширине 12,3 м. Высота храма в честь Святого пророка Илии достигает (включая высоту креста центральной главы) порядка 22 м. Объемно-пространственная композиция храма основана на традиционном четверике, с прикнувшей к нему с восточной стороны граненой апсидой и расположенной на западе двухъярусной колокольней, которая запроектирована по типу восьмерик на четверике. Главный вход для прихожан устроен через притвор (первый ярус колокольни).

«Западный фасад, оказавшийся в глубине квартала, существенной роли не играет. Архитектор акцентировал южный и северный фасады приставленными к центральному четверику боковыми объемами с рядами окон, обрамленных крупными, отчетливо прорисованными наличниками, с треугольными фронтонами с высоким поребриком. В отличие от других церквей города, построенных в русском стиле (Троицкой и Георгиевской), кирпичный декор храма прост и графичен. В основе его — отчетливо читаемая плоскость стены; немногочисленные декоративные элементы сосредоточены вокруг оконных проемов и вдоль линии карниза, что обусловлено небольшими размерами храма [1].

Литература:

1. Филиппова А.Л. Архитектура Екатеринодара конца XVIII — начала XX века. Краснодар, 2008.
2. Герман Ю.В. Архитектура. Иллюстрированный толковый словарь: более 3000 терминов: около 500 иллюстраций. Москва, 2010.
3. Бардадым В.П. Архитектура Екатеринодара. Краснодар, 2002.
4. Маклакова Т.Г. История архитектуры и строительной техники. Часть 2. Зодчество индустриальной эпохи (Учебник для вузов). Москва, 2003.

По организации внутреннего пространства Братская церковь Святого пророка Илии относится к четырехстолпному типу храма. Крестчатые в плане столпы являются опорными точками для сомкнутого свода, поддерживающего световой барабан небольшого диаметра, завершенный главой луковичной формы.

Церковь имеет хоры. Поперечные рукава креста имеют двускатное перекрытие, соответствующее внешним формам кровли и треугольного щипца. Центральный неф в западной части перекрыт стрельчатым сводом с «небольшой стрелой подъема» [1].

Два иконостаса для церкви в честь Святого пророка Илии в августе 1995 г. выполнил мастер по мрамору В.П. Нехорошев.

Архитектурно-художественная среда центров большинства городов сложилась под влиянием историзма, объединяющего несколько направлений — «стилизации», эклектики, соответствующих ветвей модерна и др. — различающихся глубиной и последовательностью в привлечении художественного наследия прежних веков [4, с. 118]

Исторический центр города первичное ядро, на основе которого организуются доминанты приоритетной архитектурно-функциональной значимости, впоследствии связывающие окружающее их пространство в единую градостроительную систему.

Социальные преобразования Петра I

Волков Андрей Александрович, старший государственный таможенный инспектор
Елабужский таможенный пост Татарстанской таможни

Миннибаев Булат Илдарович, старший преподаватель
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

Во все времена, правители предпринимали попытки изменения социальных устоев жизни страны. Примерами модернизации социально-экономических условий быта России, послужили европейские страны.

Ключевые слова: царь, модернизация, европеизация, преобразования, летоисчисление, календарь, парик, одежда, камзол, ассамблеи, быт, «бородовый знак», учреждение, реформа.

Как бы оправдывая силовые методы внедрения новшеств, царь говорил: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми методами, а с русскими не так: если б не употреблял строгости, то уже давно не владел бы русским государством и не сделал бы его таким, какое оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей».

Во время визита «велико посольства» в европейские страны (Голландия, Германия, Англия), с участием царя, представители российской делегации, были не много шокированы условиями жизни, быта и социальным положением населения данных стран.

Важным компонентом жизни людей являлся быт, который подвергся серьезным изменениям в петровское время. Главной целью Петра, было желание сформировать новых людей по образу и подобию европейских граждан.

Царь активно начал внедрять европейские обычаи на Родине.

Одним из первых новшеств, после возвращения царя на родину, начались не всегда мирными методами преобразования, которые в первую очередь коснулись населения страны.

Уже на другой день после прибытия в Россию Петр принял указ о принудительном бритье бород и собственноручно стал обрезать бороды своим приближенным. Кто не желал лишаться бороды, был вынужден платить так называемый «бородовый знак», знак, подтверждавший факт оплаты. Борода, испокон веков являлась признаком русской традиционной значимости.

Следующим из ярких проявлений отношений дворянского сословия, являлись ассамблеи. Важной особенностью в деятельности ассамблеи, было обязательное присутствие женщин, что отражало изменение их положения

Рис. 1. Петр Великий в Голландии. Амстердам, верфи Ост-Индской Компании

Рис. 2. Бородовые знаки времен Петра I

в обществе. Учреждение ассамблей положило в дворянской среде «правил хорошего тона» и «благородного поведения в обществе», употреблению иностранного языка.

Также изменения произошли в области письменной и устной речи, что повлекло за собой изменения в периодической печати, начали издаваться наставления хорошего тона, рекомендации по этикету, поведения в различных общественных местах.

В эпоху Петра, русский язык обогатился различными новыми словами иностранного происхождения.

Кроме этого, трансформации подвергся порядок летоисчисления. Летоисчисление стали вести от Рождества Христова и в связи с этим, год начинался с 1 января, а не как раньше с 1 сентября. В дальнейшем предписывалось населению, праздновать начало Нового года, украшая дома

ветками, устраивая пушечную пальбу и фейерверками.

В 1700 году был провозглашен указ царя об упразднении старомодной русской одежды. Старая привычная долгополая одежда с длинными рукавами была запрещена и заменена новой. Камзолы, галстуки и жабо, широкополые шляпы, чулки, башмаки, быстро вытесняли в городах старую русскую одежду. Впредь, запрещалось пошив, ремонт и ношение старой одежды, в замен было велено одевать только немецкое и венгерское платье, которое, к сожалению, не совсем отвечало условиям российской жизни. К дополнению данной одежды был включен аксессуар — парик. Который с одной стороны был не совсем удобным для ношения, с другой стороны в определенной мере, в кругах общества, предавал владельцу парика представительный вид.

Рис. 3. Ассамблея при Петре I

Рис. 4. Петровская реформа. По указу Петра I в 1700 г. дворянам и горожанам было запрещено

Петровские реформы, коснулись все сферы российской общественной жизни. Необходимо отметить, что ре-

формы Петра носили глобальный, разносторонний, но и одновременно стихийный характер. В отличие от других предшествовавших и последующих реформаторов, преобразования Петра затронули все слои населения страны.

Что касается роли Петра в истории России, то можно процитировать мнение некоторых историков.

«Петр, — констатирует Ключевский, — был не охотник до досужих соображений, во всяком деле ему легче давались подробности работы, чем ее общий план, он лучше соображал средства и цели, чем следствия».

«Петр Великий и его реформы — наше привычное стереотипное выражение. Он просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями, и все, что он делал, он считал своим текущим, очередным делом, а не реформой».

Несомненно, Петр I считается одним из видных исторических деятелей мирового масштаба. Было проведено множество исторических исследований посвященных его преобразованиям. Историки по-разному оценивали личность Петра I и значение его реформ. Современники Петра разделились на два лагеря: сторонников и противников его преобразований. Спор продолжается и по сей день.

Литература:

1. Башилов Б. Робеспьер на Троне. Петр Первый и результаты свершенной им революции. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusMassonstvo/33.htm> (Дата обращения 27.03.2013).
2. Куликов А.И. Правители России. — Чебоксары: «Чувашия», 1994 г. — 332 с.: ил.
3. Культура и быт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.librero.ru/sociology/22_kultura_i_byt (Дата обращения 27.03.2013).
4. Ломка старых традиций, зарождение новой культуры при Петре I. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istorya.ru/referat/6194/1.php> (Дата обращения 27.03.2013).
5. Петр I. [Электронный ресурс]. URL: http://top50.nameofrussia.ru/person.html?id=97&id_type=1 (Дата обращения 27.03.2013).
6. Ассамблея при Петре I. 1858 — Хлебовский Станислав. [Электронный ресурс]. URL: <http://artcyclopedia.ru/assamb...> (Дата обращения 27.03.2013).
7. Петр Великий в Голландии. Амстердам, верфи Ост-Индской Компании. [Электронный ресурс]. URL: <http://pro100-mica.dreamwidth....> (Дата обращения 27.03.2013).
8. Бородовые знаки времен Петра I. [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.silvercoins.ru/bor...> (Дата обращения 27.03.2013).
9. Петровская реформа. По указу Петра I в 1700 г. дворянам и горожанам было запрещено. [Электронный ресурс]. URL: <http://amnesia.pavelbers.com/p...> (Дата обращения 27.03.2013).

Методология истории Густава Эверса

Горькова Любовь Владимировна, аспирант

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Методология истории в качестве специальной исторической дисциплины и области научного знания, как собственно и историческая наука вообще, оформилась в XIX в. Основной спецификой данного научного направления является определение предмета, объекта и цели

научного исторического познания, изучающего общий и частный статусы исторической науки, её дисциплинарное строение, функциональные особенности и специфику основных теоретико-методологических направлений. В то же время методология истории разрабатывает теорию

исторического познания, так называемую историческую эпистемологию, основанную на общефилософских и гносеологических принципах, уровнях, видах, этапах, методах исторического познания и методах изложения его результатов, а также указывает различные формы исторического знания и уровни познания прошлого.

Собственно это и позволяет определить «историческую науку как смешанное обществоведчески-гуманитарное, т.е. комплексное знание, обладающее специфическими чертами, своей логикой и особенностями познавательных процедур» [10, с. 3].

Еще в 1909 г. А.С. Лаппо-Данилевский, отмечая тесную связь между теорией познания и методологией науки, четко обозначил значение теории познания как фундаментального ядра всей методологии истории. Именно теория познания «устанавливает то значение, какое наше сознание должно придавать нашему знанию, его априорным и эмпирическим элементам; те конечные основания, в силу которых мы признаем его достоверным и общезначимым, а не ложным и случайным; то объединяющее значение, какое оно имеет для наших разрозненных представлений; то научное значение, какое мы приписываем нашему знанию об общем и об индивидуальном и т. п.» [8, с. 9].

Необходимо отметить, что процесс становления и развития основ методологии истории на протяжении всего XIX в. проходил параллельно в России и Западной Европе. Практически одновременно шло дисциплинарное оформление дисциплины. Научным фундаментом и методологическим основанием ее с полным основанием можно назвать принцип историзма. *Главным критерием его является* изучение процессов и явлений прошлого с учетом конкретно-исторической обстановки соответствующей эпохи, во взаимосвязи и взаимообусловленности событий, с точки зрения того, как, в силу каких причин, где и когда возникло то или иное явление, какой путь оно прошло, какие оценки давались ему на том или ином этапе развития исторической науки.

Становление принципа историзма в его современном научном понимании имеет долгую предысторию. Историки, обращавшиеся к этому вопросу, называют эпоху Просвещения исходным пунктом и временем зарождения историзма как методологической основы последующей историографии. При этом первостепенное значение имеет сам процесс развития методологии истории. Определенные коррективы в содержание данного направления внесли представители немецкой классической философии, но наиболее полно принцип историзма реализовался в трудах представителей немецкой исторической школы права и исторической школы Леопольда фон Ранке.

В отечественной исторической науке одним из первых последователей и активных разработчиков российской истории посредством принципа историзма стал Густав Эверс. Он отказался от морализующего тона и нравоучительного изложения материала, какими до него излага-

лись практически все исторические сочинения по истории России. В качестве примера можно привести труды М.М. Щербатова и И.Н. Болтина. О рационально-прагматической функции истории, написанной в назидание потомкам, писали В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин [9, с. 6–10; 5, с. 378].

По мнению дерптского профессора, явления истории происходили в определенной обстановке и поэтому не должны служить назиданием настоящему, т.к. исторические явления и процессы «живут» только в контексте своего времени и своей эпохи [3, с. 227, 230].

Тщательный анализ памятников древнерусской истории, предпринятый Эверсом, нередко сравнивают с методами научной исторической критики его учителя А.Л. Шлецера [11, с. 126]. Его историко-статистический метод, по мнению В.О. Ключевского, состоял в разборе фактов, в которых ученого «интересуют размеры, цифры и количества» [6, с. 448]. Разработанная Шлецером методология, точнее метод критического подхода к историческим источникам, был реализован им самим только наполовину: в критическом издании «Нестора» представлена лишь его малая (или низшая) критика — критика текста. Ключевский вообще отказывался причислять Шлецера к историкам — он критик. «Он (А.Л. Шлецер. — Г.Л.) не двинулся не на шаг вперед по сравнению с самим Нестором в понимании фактов» [6, с. 451].

Другой подход к анализу исторического источника демонстрируют сочинения Эверса. Как историк-юрист дерптский профессор, впервые в отечественной историографии в процессе работы над историческим материалом реализует приемы критического анализа исторического источника, разработанные его учителем Шлецером, при этом и малую (низшую), и большую (высшую) критику. Он не останавливается на анализе и интерпретации текста, а изучает обстановку появления исторического источника, его временные и территориальные рамки. Яркими примерами этому служат изучение Эверсом мирных договоров Руси с Византией [13, с. 133–150] и «Русской правды» [13, с. 300–357].

Историк тщательно проанализировал памятники русской истории и дал научную трактовку фактов, ими сообщаемых. Эверс широко использовал иностранные источники, особенно византийские, впервые заинтересовался арабскими. Он «подолгу задерживался на законах и договорах» [2, с. 154], понимая их общее значение как срез общественно-политической и социально-экономической конъюнктуры периода их появления. Письменные законы — продукт государственной деятельности, поэтому анализ их содержания он предваряет историко-критическим изучением сопутствующей эпохи [13, с. 286–357].

С методологической точки зрения дерптский исследователь был ближе к исторической критике, разработанной представителями немецкой исторической школы права, в частности геттингенским профессором истории и философии А.Г. Л. Геереном, а также современниками Эверса Ф.К. Савиньи, К.Ф. Эйхгорном.

Основанием для этого вывода можно считать первое историческое исследование Густава Эверса «О происхождении Русского государства. Опыт изучения его истории по источникам» (на немецком языке было опубликовано в 1808 г.). Данное сочинение стало началом исследовательской работы дерптского историка в рамках изучения и интерпретации русских и иностранных источников по русской истории. Здесь он впервые изложил основы своих взглядов на происхождение русской государственности и представил свое понимание варяго-русского вопроса.

Важным этапом в формировании методологии истории Густава Эверса является труд «Предварительные критические исследования для Российской истории» (издан на немецком языке в 1814 г.; русский перевод М.П. Погодина 1825–1826 гг.).

Основу двухтомного труда составили ранее опубликованные им работы по древнерусской истории, главным образом «О происхождении русского государства» с соответствующими дополнениями, привлечением новых исторических источников по исследуемым проблемам.

Монография Густава Эверса 1814 г. стала важным этапом в становлении его концепции происхождения государственности на Руси. В центре внимания ученого — процесс формирования Древнерусского государства, который он считал результатом внутренней жизни восточных славян. Этот труд — итог многолетней работы по изучению источников и историографии проблемы образования государства у восточных славян и этнической принадлежности варягов-русов. Именно в «Критических исследованиях» Эверс конкретизировал отдельные аспекты критики известных норманистов, в первую очередь, Шлецера и ввел в научный оборот многочисленные известия восточных писателей, не учитывавшиеся ранее историками при изучении данных вопросов.

Следует отметить, что это исследование, наряду с изысканиями по русской истории М.В. Ломоносова заложило прочный фундамент научного антинорманизма в России.

В этой связи необходимо обратиться к периодизации отечественной истории, представленной Густавом Эверсом. Подобно своему учителю А.Л. Шлецеру исследователь выделил пять периодов русской истории. 552 г. — начало первого периода. Эту дату исследователь связывал с первым упоминанием о славянах в письменных источниках). Первый этап русской истории, по мнению Эверса, продолжался до 1015 г., точнее до раздела Владимиром Святославичем своего княжества между сыновьями. Второй период заканчивался 1224 г., т.е. началом монгольского ига, точкой отсчета которого он считал битву на р. Калке. Временем княжения Ивана IV Васильевича (Грозного) завершался третий период русской истории, в установлении хронологических рамок которого сказалось понимание Эверсом процесса централизации государства: историк связывал его с царствованием Василия III (1533 г.). Начало правления Петра I — рубеж четвертого и пятого периодов.

В характеристике каждого этапа (исторический материал сгруппирован историком по княжениям) исследователь ограничился кратким описанием политической истории (жизни и деятельности князей, больше внимания уделял правовым основам государства и описанию истории народа). Отдельные главы его работы посвящены рассмотрению государственного устройства и управления, становлению и развитию правовых норм, торговых отношений, ремесел, культуры, науки и образования.

Изложение событий отечественной истории, в том числе и выше приведенная периодизация, представлены Густавом Эверсом в работе «История русов» (на немецком языке работа увидела свет в 1816 г.). Общее повествование доведено до 1689 г.

Разработка данной проблемы, с широким привлечением нормативно-правового материала, представлена Эверсом в сочинении «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (издание на немецком языке 1826 г., русский перевод 1935 г.). Необходимо отметить, что историк сделал акцент на изучении становления государственности и развитии правовых институтов древней Руси. Дерптский профессор, в частности, выделил три этапа в развитии текста Русской правды [7, с. 160] — основного юридического источника для изучения вопросов, связанных с теорией и практикой правоотношений и судопроизводства в Древнерусском государстве.

Не лишним будет заметить, что в «Древнейшем русском праве», впервые в отечественном правоведении была представлена стройная система развития правовых институтов Древней Руси в контексте родовой теории.

Именно поэтому Эверса не без оснований называют первым историком русского права. Особая заслуга дерптского профессора состоит в том, что он «впервые решился приложить к русской истории естественные законы развития человеческого общества» [12, с. 207]. В этом контексте следует упомянуть об адаптированной им для русской истории концепции родового быта, ранее фигурирующей лишь в сочинениях представителей немецкой исторической школы права.

В законченном виде родовая теория происхождения государства нашла отражение в монографическом исследовании Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии». Первым общественным образованием он называет патриархальную семью с сильной властью отца. Естественная нужда в защите от внешних врагов привела к необходимости объединения семей и образования родов, из которых позднее образовывались племена — переходное звено к государственному образованию. Семья, род, племя — три ступени, составляющие патриархальное общество. Государственный период, по мнению Эверса, — второй этап в развитии собственно общества. То есть, развитие государственности на Руси соответствовало общему направлению развития мировой истории. В этом прослеживается влияние теории исторического прогресса И.Г. Гердера [4, с. 196] и отчасти философского учения Г.В. Ф. Гегеля, представленного в его

лекционных курсах о личности, обществе, государстве и праве, в законченном виде — на страницах «Философии права» [1].

Обобщая вышеизложенный материал, отметим, что в трудах Эверса принцип историзма отразился не только в подходе к анализу исторических явлений, но и в общей канве изложения и преподнесения материала. Четко структурированные главы и разделы его книг являются не просто проявлением немецкой педантичности, а обусловлены логикой изложения материала, представлением связей и закономерностей исторического процесса, выявленными в ходе многолетней работы с историческими источниками. Изучение истории русского государства и права он производит с учетом конкретно-историче-

ской обстановки соответствующей эпохи, во взаимосвязи и взаимообусловленности внутренних событий и внешних обстоятельств. Большое внимание уделяет историк анализу причин и факторов, послужившими основой тех или иных явлений, он прослеживает путь их развития, который предстает перед нами как процесс естественного состояния.

Наряду с представителями немецкой исторической школы права Эверс эволюционным путем развития общества объяснял результаты его внутренней жизни, в частности происхождение русского государства и права. Его исторический подход к этим проблемным вопросам нашей истории, представлял собой новую ступень в развитии источниковедения и историографии.

Литература:

1. Гегель И.В. Ф. Философия права / Пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. Ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М., 1990.
2. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. М., 1971.
3. Историография России до 1917 г. В 2т. Т.1. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003.
4. История философии / Под ред. А.С. Колесникова. СПб., 2010. С. 196.
5. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / О древней и новой России. Сост., вступ. ст. и коммент. В.Б. Муравьева. М., 2002.
6. Ключевский В.О. Лекции по русской историографии / Сочинения. Т.8. Исследования, рецензии, речи (1890—1905). М., 1959.
7. Костяхин С.С. Г.Ф. Эверс и его вклад в изучение древнерусского права // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX—XXI вв. Материалы III Международной научной конференции 1 марта 2012 г. Липецк, 2012.
8. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М, 2006.
9. Татищев В.Н. От скифов до славян. История Российская во всей ее полноте. М., 2011.
10. Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М., 1995.
11. Шикло А.Е. Он заставил думать над русской историей: Иоганн Филипп Густав Эверс // Историки России XVIII — нач. XX вв. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М.: Скрипторий, 1996.
12. Шпилевский С.М. Статьи, написанные для произнесения в торжественном собрании Казанского университета в 100-летний юбилей Карамзина // Издание редакции «Известий и ученых записок» Казанского университета. Казань, 1866.
13. Эверс И.Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Перевод с нем. И. Платонова. М., 1835.

Берлинский кризис 1948–1949 гг.

Разработка плана урегулирования конфликта командующими в Берлине

Загуменнов Дмитрий Александрович, учитель истории
МОУ лицей №2 (г. Волгоград)

После окончания Второй Мировой войны между бывшими союзниками (СССР, США, Великобритания, Франция) возникли, а вернее, вернулись к жизни сложнейшие проблемы идеологического и геополитического характера. Дипломатическая война развернулась после известной речи У. Черчилля, обвинившего СССР

в стремлении распространить господство социализма на мировое пространство, назвав, таким образом, Советский Союз главным злом европейской цивилизации. Вопросом, столкнувшим великие державы, стал берлинский вопрос — вопрос взаимодействия в разделенном на четыре зоны влияния Берлине и Германии в целом.

Летом 1948 года начался берлинский кризис, связанный с проведением Москвой денежной реформой в Берлине и ограничением транспортного сообщения Западного Берлина с Западной Германией. Причиной таких ограничений стало, исходя из позиции СССР, стремление ограничить экономику Восточного сектора Берлина от «подрыва» со стороны западных «союзников». Западные страны предпринимали действия, способные преодолеть эти советские ограничения. Забегая вперед, скажем, что итогом Берлинского кризиса 1948–1949 гг. стала блокада западных секторов Берлина советскими войсками и введением в действие западными странами «Берлинского воздушного моста», максимальное обострение международной обстановки в Центральной Европе. Берлинский кризис 1948–1949 гг. стал первым реальным шагом к возведению Берлинской стены, а также первым конфликтом разворачивавшейся «холодной войны».

Дипломатические переговоры по поводу урегулированию берлинского вопроса проходили в Лондоне и Москве.

31 августа 1948 года четыре военных командующих и их помощники встретились в первый раз для разработки программы реализации установок согласованной в Москве Директивы, перенесения переговоров по Берлину в саму бывшую столицу Германии, где должны быть сняты вопросы транспортных ограничений.

Д.С. Ахалкаци считает, что «директива была изначально обречена», так как не было достигнуто согласия по поводу реализации лондонских решений [создание отдельного Западногерманского государства], а во-вторых, исследователь говорит о нерешенности проблемы в Москве и о простой переадресации ее в Берлин [1, с. 45], где достичь согласия было еще сложнее.

Авторы отчета Президенту «The Berlin Crisis...», направленного руководству Соединенных Штатов, утверждают, что советское руководство в Германии в лице маршала Соколовского не было готово принять разработанные в Москве условия. Указывалось, что в течение встреч он пытался усилить, а не уменьшить ограничения транспорта, а также старался устранить какие-либо меры четырехстороннего контроля над Немецким эмиссионным банком, пытался представить советское руководство единственной юрисдикцией, ведающей торговлей между Берлином и западными зонами Германии и с третьими странами.

Также сообщалось, что в отношении транспортных ограничений Соколовский готов снять только те, которые были введены после проведения западной денежной реформы, а точнее после 18 июня 1948 года. С другой стороны маршал хотел поставить под контроль советской администрации не только наземный транспорт, но и воздушные перевозки, так как воздушный транспорт осуществлял свою деятельность без каких-либо ограничений, что было одним из основных источников недовольства советской стороны [2, р. 42].

Действительно, ликвидация единственно доступного способа связи с западными секторами Берлина на тот мо-

мент времени, серьезно бы подорвал, если не свел на нет, позиции западных союзников в городе. Им бы пришлось согласиться на снабжение подотчетных им секторов Берлина советскими силами; мы уже указывали, чем бы это могло для них обернуться.

Василий Данилович мотивировал свою позицию следующим образом: возможно снять только те транспортные ограничения, которые были введены в силу с 18 июня, так как они связаны с западной сепаратной финансовой реформой; «усиление контроля» на транспорте, осуществляемое с 1 апреля 1948 г., связано с решениями лондонского совещания США, Великобритании и Франции, а так как в Директиве нет пунктов, касающихся реализации этих решений, то и ограничения, осуществляемые с 1 апреля, отмене не подлежат. Относительно валютного вопроса Соколовский заявил, что Финансовая комиссия не должна иметь никакого контроля над операциями Немецкого эмиссионного банка, а без такого контроля комиссия просто не в состоянии будет выполнять свои функции по контролю над практической деятельностью банка.

Американская сторона заявила, что позиция советского главноначальствующего только по одному валютному вопросу достаточна для срыва любых переговоров. При этом западные аналитики указывали, что Соколовский занял позицию противоположную заявлениям Сталина в Москве в отношении транспортных ограничений, валюты и торговли. Более того, он проявил «чрезвычайное безразличие» по поводу возможного срыва переговоров [2, р. 43].

В американских источниках советский главнокомандующий в Германии представлялся фигурой настолько самостоятельной, что мог игнорировать инструкции и позиции В.М. Молотова и даже И.В. Сталина. Если бы В.Д. Соколовский действовал самовольно, то проведение такой линии переговоров можно рассматривать как достаточно странное. Все хорошо понимают, что пойти против воли и решения Сталина себе не мог позволить никто из советской администрации, а тем более в таком важном и животрепещущем вопросе. Видимо, маршал был проинструктирован, хотя на этот счет мы не располагаем документами, позиционировать себя именно таким образом. Если это так, то чего стремилось добиться советское руководство? Половинчатые решения по вопросу транспортных ограничений могли заставить пойти западные силы на некоторые уступки и включить в Коммюнике параграфы, касающиеся реализации решений Лондонской конференции (без участия СССР). Этому же могло способствовать намерение поставить под советский контроль западные воздушные коммуникации. В сферу валютного регулирования, по нашему мнению, Советский Союз вообще не хотел допускать западные силы. Участие последних в регулировании выпуска и циркуляции ставило под вопрос финансовую независимость советской стороны в Берлине и Восточной Германии (так как компетенция Немецкого эмиссионного банка распространялась на всю восточную зону). Советская сто-

рона могла пойти, вероятно, на предоставление Финансовой комиссии лишь функции наблюдателей без права голоса. Таким образом, позиция Соколовского, очевидно, была направлена на получения как можно большего количества преимуществ на переговорах в Берлине и на достижение своих непосредственных интересов. Кроме того, советская администрация, видимо, была уверена в продолжении переговоров и настроена на участие в них, на что указывает отношение маршала к их возможному срыву.

Разногласия на конференции в Берлине продолжалась всю неделю и к 7 сентября, указанной в Директиве дате, представители сторон так и не смогли прийти к единой позиции по берлинской проблеме, а тем более разработать мероприятия ее урегулирования.

Вместе с тем Соколовский в интервью немецким изданиям сообщает, что советская делегация предлагала ряд достаточно конструктивных и приемлемых решений проблемы. Так, относительно транспортного вопроса советская сторона предлагала отменить все ограничения, наложенные после 30 марта 1948 г. Для межзональной торговли предлагалось использовать все железнодорожные и водные пути как с запада на восток, так и с востока на запад. При этом перевозки пассажиров и грузов должно было осуществляться только по одной железнодорожной ветке (Гельмштедт — Берлин) и по одной автострате (Гельмштедт — Берлин). На этой линии предполагалось установить «суточный лимит в 16 пар поездов, из них 3 воинских». Все пассажиры поездов и автомобилей должны были проходить контроль на границе советской зоны, контроль этот производился внутри транспортных средств (поездах или автобусах). Обычные грузы, перевозимые в и из Берлина, подлежали сертификации советской стороной, а на право перевозку военных грузов давала «накладная, предъявляемая на контрольно-пропускном пункте начальником соответствующего поезда» [3, с. 62—63].

Таким образом, говоря о снятии ограничений, наложенных после 30 марта 1948 г., Соколовский, видимо имел в виду непосредственные ограничения на транспорте, западные же стороны и настаивали на мерах, сопутствующих этим транспортным ограничениям. Западных держав не могло удовлетворить выделение такого малого количества транспортных веток в Берлин, да при том с лимитированным количеством проходящих поездов. США, Великобритания и Франция были намерены требовать и добиваться полной отмены всех ограничений, в том числе и отмены проверок документов у пассажиров в поездах, а также получения лицензий и разрешений на перевозку грузов.

Итак, нулевой результат переговоров вынудил западные стороны составить и направить в Москву новую памятную записку. Она была направлена Сталину и Молотову 14 сентября. В записке указывалось на несоответствие линии, проводимой советским военным командующим в Германии, и заверениями Сталина. Западные

дипломатические ведомства протестовали против предлагаемых половинчатых мер относительно транспортной проблемы, а также против попытки ввести ограничения на воздушном транспорте. Указывалось также о несогласии с позицией Советского Союза в валютном вопросе и вопросе торговли. В документе говорилось: «Позиция, занятая советским военным губернатором проявилась в отказе от принятых в Москве положений и наносит удар возможности нахождения решений проблемы...». Западные силы, как отмечалось в послании, готовы к дальнейшим переговорам, но при условии подтверждении гарантий, предоставленных Сталиным, а также при снабжении советского главноначальствующего дополнительными скорректированными инструкциями [2, р. 44].

Кроме того, западным представителям не удалось встретиться с главой Советского Союза, так как Сталин в это время «находился в отпуске» и не мог его прервать [4].

15 сентября Молотов проинформировал послов США, Франции и Великобритании, что считает представленную ими записку «однобокой», а также указал на «некорректное видение» позиции советского военного командующего и «неправильное прочтение» Директивы, предварительно согласованной в Москве. Американский и британский представители в СССР расценили ответ советского министра иностранных дел как попытку выиграть время и затянуть любыми способами переговоры, а также как попытку заставить западные силы прервать переговоры, что привело бы к падению их авторитета [5].

Через три дня Молотов пригласил послов в Кремль и озвучил официальный ответ на западную записку относительно переговоров в Германии. В советской памятной записке вновь говорится об «одностороннем изложении хода переговоров». При этом Молотов считает, что «рассмотрение возникших в ходе берлинских переговоров разногласий в отношении толкования данной главнокомандующим директивы... было бы облегчено и ускорено, если бы четыре главнокомандующих представили своим правительствам совместный доклад с отчетом о ходе состоявшихся переговоров». По мнению советской стороны, «причиной возникших разногласий... является стремление главнокомандующих Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Франции односторонним образом истолковать согласованную в Москве директиву и придать этой директиве такое толкование», с которым «не может согласиться Советское правительство».

Молотов указал, что при упоминании о регулировании воздушных перемещений, имели в виду соблюдение сторонами правил, установленных еще в 1945 г., таким образом, «рассматривать это законное требование советского главнокомандующего, как введение каких-то новых ограничений в области воздушного сообщения, нет никаких оснований...».

В отношении денежного вопроса министр заявил, что в соответствии с указанной директивой «Финансовая ко-

миссия должна иметь контроль не над всеми операциями Эмиссионного банка в отношении Берлина, а только в отношении тех операций Немецкого эмиссионного банка в Берлине, которые точно предусмотрены» в документе.

Вместе с тем, несмотря на «неправильное прочтение» западными партнерами четырехсторонней директивы, советская сторона не отказывалась от дальнейших переговоров и была готова их продолжать при условии предоставления дополнительных инструкций военным командующим в Германии [6, с. 38–43].

Аналитики Государственного департамента США рассматривали заявление В.М. Молотова «ни как безнадежное, ни как удовлетворительное». Посол У.Б. Смит заявил, что «СССР сейчас думает скорее над тактическим поведением, а не над... соглашениями и решает затянуть переговоры, возложив на западные силы, при самых неблагоприятных обстоятельствах, ответственность за срыв переговоров [7].

Реакция западных стран на советскую записку выразилась в ноте 22 сентября 1948 г., представленной тремя послами в СССР. Позиция США, Великобритании и Франции заключалась в том, что они не принимали введения каких-либо ограничений на воздушном транспорте между Берлином и западными зонами Германии. Они настаивали на том, чтобы Финансовая комиссия контролировала деятельность Немецкого банка советской зоны. Главную причину же сложившихся трудностей в переговорном процессе западные представители видели в фундаментальных противоречиях между сторонами по вопросу прав и обязанностей оккупационных сил в Берлине, относительно права свободно пользоваться воздушным пространством, железнодорожным, водным и автомобильным транспортом [2, р. 50–51].

Американской стороной указанная нота рассматривалась если не как окончательная, то как подводящая к логическому оформлению намерение передать берлинскую проблему на рассмотрение в ООН. Дипломаты в США понимали, что эта нота не приведет к улучшению ситуации и не придаст новый импульс переговорам, так как в ней содержались требования выполнения предварительных условий для реализации дальнейших решений (снятие транспортных ограничений) [8]. Исходя из этого, можно говорить, о возврате сторон в переговорах к позициям начала июля 1948 г.

25 сентября советское правительство представило ноту с изложением своего видения проблемы и пути выхода из нее. Во-первых, советское дипломатическое ведомство заявило, что настаивание американского правительства на выполнении предварительных условий для продолжения диалога прямо противоречит соглашениям 30 августа между четырьмя правительствами. В советской ноте также указывалось, что регулирование воздушного сообщения — один из шагов реализации четырехсторонних договоренностей, предусматривающих соответствующий контроль в отношении денежного обращения в Берлине и торговли с западными зонами. А по-

скольку воздушные коммуникации все еще остаются фактически не подконтрольными советским транспортным ведомствам, ситуацию в этой сфере нужно привести в «порядок», установив дополнительный контроль на воздушном транспорте.

Вместе с тем, советское руководство готово было пойти на урегулирование проблемы торговли, согласившись на «установление четырехстороннего контроля... за выдачей лицензий на ввоз и вывоз товаров». Но это должно было произойти только «при условии достижения соглашения по всем другим вопросам» [9, с. 582–584].

На следующий день, 26 сентября, советское правительство посредством ТАСС сделало официальное сообщение по вопросу о положении в Берлине и о переговорах, которые состоялись по этому поводу между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции. Указывалось, что сообщение вызвано заявлениями партнеров по переговорному процессу, которые «не дают правильного представления о положении в Берлине и о... переговорах и нередко вводят в заблуждение общественное мнение».

Советская сторона еще раз огласила свое видение причин настоящего кризиса (нарушение тремя сторонами Потсдамских соглашений: проведения тремя державами сепаратной денежной реформы, введение особых денег для западных секторов Берлина, политика расчленения Германии). Ограничительные меры назвались при этом «защитными».

Еще раз были повторены позиции относительно вопросов замены валюты, транспортных ограничений, Финансовой комиссии и торговли. Настаивалось, между тем, на приемлемости позиции советского правительства.

«При таком положении, — сообщалось в заявлении официальной Москвы, — от правительств США, Великобритании и Франции зависит, будут ли сорваны переговоры по указанному вопросу или будет достигнуто удовлетворительное соглашение между СССР, США, Великобританией и Францией» [10, с. 49–52].

Таким образом, последней фразой советское правительство перекладывало на западные державы всю ответственность за срыв переговоров и априори обвиняло их в нежелании искать пути выхода из сложившейся ситуации. На наш взгляд, подобное поведение МИД СССР вполне логично: видя, что переговоры фактически зашли в тупик, из которого практически невозможно выйти, советское дипломатическое ведомство предприняло шаг, который мог удержать западные страны от прекращения диалога под угрозой потери их международного авторитета.

26 же сентября для обсуждения последней советской ноты во Франции собрались главы внешнеполитических ведомств США, Франции и Великобритании Дж. Маршалл, Шуман и Э. Бевин. Отметив неудовлетворительность советской позиции, они заявили, что вынуждены, «в соответствии с Уставом ООН, передать все материалы [по текущей ситуации в Германии] на рассмотрение Совета безопасности ООН» [2, р. 52–56].

Кроме того, квалифицировав советское сообщение в ТАСС как официальное коммюнике по берлинской проблеме, западные страны решили выпустить свое трехстороннее коммюнике по сложившейся ситуации.

В совместном заявлении трех стран говорилось о мерах соответствующих стран, направленных на разрешение ситуации в Берлине, и которые были «сорваны» советскими усилиями. Указывалось, что западные державы не могут пойти на ликвидацию своих прав находиться в Берлине, но, вместе с тем, они готовы продолжать поиск приемлемого решения проблемы. В ноте указывалось, что «советское правительство не намерено выполнять обязательства, взятые на себя на московских встречах в августе; ...советское правительство фактически использовало принуждение [по отношению к западным странам]. Оно прибегало к силе, а не к процессу мирного урегулирования. Оно ввело и продолжает сохранять незаконные ограничения». Далее говорится: «Советское правительство взяло на себя [по-видимому, своими мерами] единоличную ответственность за создание такой ситуации, при которой дальнейший порядок урегулирования, указанный в Уставе ООН, не возможен, и которая создает угрозу всеобщему миру и безопасности. Для того чтобы в дальнейшем всеобщий мир и безопасность не ставились под угрозу правительства США, Франции и Великобритании, хотя и признают за собой право осуществлять любые действия для сохранения своих позиций в Берлине, считают себя обязанными передать рассмотрение вопроса действий советского правительства Совету безопасности ООН» [2, р. 56–61].

В итоге, западные страны фактически пошли на прекращение переговоров в четырехстороннем формате и предприняли попытку расширить состав участников процесса. Вероятно, они понимали, что найти какой-либо приемлемый путь выхода из сложившейся ситуации в рамках ООН будет найти еще сложнее. Во-первых, Советский Союз имел право вето в Совете безопасности, являясь его постоянным членом, а поэтому мог остановить любое его решение, а во-вторых, при попытке передать вопрос на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН в организации развернулась бы ожесточенная борьба между сторонниками одной и другой стороны, что также не способствовало скорейшему урегулированию проблемы.

Вместе с тем, западные силы в серьез опасались последствий срыва обозначенных переговоров. Они полагали, что советское правительства после безрезультатного окончания диалога попытаются использовать различные пути давления на западные силы: «подрыв» западных позиций в Берлине и, вследствие этого, эвакуация трех держав из города; дальнейшая интеграция Берлина в советскую зону оккупации Германии; учинение затруднений западногерманской стабилизации посредством различных мер [11, р. 1].

Комментируя срыв переговоров, маршал В.Д. Соколовский отмечал, что «западные державы не ищут ре-

шения берлинского вопроса, они продолжают в этом вопросе свою агрессивную политику... Осложняя разрешение берлинского вопроса, западные державы прежде всего пытаются отвлечь внимание общественности от проводимого им раскола Германии и создания Западногерманского государства» [12, с. 51]. По поводу переговоров главнокомандующих в Берлине Соколовский заявлял, что им потребовалось бы еще, по крайней мере, три или четыре дня, чтобы рассмотреть все вопросы, но переговоры были прерваны по инициативе американского военного губернатора Л. Клея. Говорилось: «Американский главнокомандующий настоял на перерыве переговоров, что привело впоследствии к их срыву» [12, с. 62].

Таким образом, в июле – сентябре 1948 г. еще было возможным урегулирование кризиса дипломатическими мерами посредством компромисса между основными участниками конфликта СССР и США. Для такого компромисса и для разрешения ситуации каждая из сторон-участниц прилагали усилия, предлагая свои варианты решения Берлинского кризиса. Советский Союз настаивал на одновременном снятии непосредственных транспортных ограничений и введении советской дойче марки в западных секторах Берлине. При этом советское командование хотело сохранить максимально полный контроль над выпуском и хождением валюты в городе. Западные представители были согласны с одновременным введением восточной марки и снятием блокады, но хотели получить контроль над деятельностью Немецкого эмиссионного банка советской зоны, осуществлявшего контроль над выпуском и циркуляцией денежных средств не только в Берлине, но и во всей советской зоне Германии.

Как уже было сказано, державы пошли на определенные уступки друг другу. Советская сторона отказалась от фиксации настоятельной просьбы отложить реализации решений лондонского совещания западных союзников (как оказалось временно), согласилась на снятие ограничений, наложенных после 30 марта, а не после 18 июня 1948 г. США отказались от каких-либо предварительных условий ведения переговоров. Такие уступки, вероятно, были достаточными, чтобы закончить первый этап урегулирования проблемы – выработки директив военным командующим в Германии, но они были совершенно неприемлемыми для выработки окончательного пути разрешения берлинского кризиса. Вследствие этого Берлин вновь стал центром сражений, но теперь уже дипломатических, между бывшими союзниками.

Нужно отметить, что ноты, представляемые сторонами друг другу, свидетельствуют о том, что полтора месяца переговоров прошли совершенно впустую, их как будто не было. В середине сентября начали с тех же позиций, что наблюдались в середине июля: США вновь требовали выполнения предварительных условий для реализации последующих решений и ведения переговоров, СССР указывал на лондонские решения, стремление США де-

зорганизовать и подчинить всю экономику советской зоны и т.д.

Как бы то ни было, главным результатом дипломатической деятельности июля-сентября стал срыв четырехсторонних переговоров в Берлине.

Сложно говорить о том, кто явился инициатором этого срыва. Возможно, на наш взгляд, говорить о коллективном виновнике: обе стороны не согласились пойти на приемлемые компромиссы, хотя имели такую возможность.

Литература:

1. Ахалкаци Д.С. Берлинский кризис 1948 г. в советско-американских отношениях. // США. Экономика, политика, идеология. — 1991. — №8.
2. The Berlin Crisis: A Report on the Moscow Discussions 1948. (State of Department, Washington, 26 September 1948).
3. Заявление маршала Соколовского. / Внешняя политика Советского Союза. 1948 г. Часть вторая. Документы и материалы. — М., 1951 г.
4. Department of State, Summary of telegrams, September 14, 1948.
5. Department of State, Summary of telegrams, September 15, 1948.
6. Памятная записка советского правительства правительствам США, Великобритании и Франции. / Внешняя политика Советского Союза. 1948 г. Часть вторая. Документы и материалы. — М., 1951 г.
7. Department of State, Summary of telegrams, September 20, 1948.
8. Department of State, Summary of telegrams, September 21, 1948.
9. Нота советского правительства правительству США по вопросу о Западном Берлине. / За антифашистскую демократическую Германию. Сборник документов. — 1945—1949. — М., 1969.
10. Сообщение ТАСС «О положении в Берлине и о переговорах, которые состоялись по этому вопросу между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции в течение августа и сентября. / Внешняя политика Советского Союза. 1948 г. Часть вторая. Документы и материалы. — М., 1951 г.
11. Central Intelligence Agency. Consequences of a breakdown of four-power negotiations on Germany, 28 September, 1948.
12. Заявление маршала Соколовского. / Внешняя политика Советского Союза. 1948 г. Часть вторая. Документы и материалы. — М., 1951 г.

Быт первых советских исследователей Камчатки и переселенцев в 1920–30-х годах (на материалах Быстринского и Алеутского районов)

Кириллова Алина Игоревна, ассистент

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга (г. Петропавловск-Камчатский)

На современном этапе исторических и историко-этнографических исследований значительной популярностью пользуется методология фронта. Согласно определению Ф. Тернера, который ввел в научный оборот данный термин, фронт — это граница между освоенными и неосвоенными землями, это процесс встречи колонизаторов, местного населения и окружающей среды [1]. Камчатка при данном методологическом подходе является типичной зоной фронта и соответствует практически всем критериям, заложенным в данное определение. Полуостров был зоной освоения, как в XVII в., так и в начале XX в., на первом этапе социалистических преобразований. Однако, следует отметить, что как фронт к началу XX в. Камчатка была неоднородна: существовали относительно освоенные территории с более развитой социальной инфраструктурой и высоким административным контролем, а также удаленные от центра и слабо контроли-

руемые территории, где представители власти и церкви бывали несколько раз в год. По этим причинам изучение процесса советизации Камчатки на начальном этапе с позиций методологии фронта является интересным. Для сравнения в данной статье рассматриваются два национальных района: Алеутский и Быстринский.

Первыми переселенцами в национальных районах были представители советской администрации, а также лица, задействованные во вновь организованных предприятиях и отраслях хозяйства. В Быстринский район в 1926 г. был откомандирован секретарь туземного революционного комитета (далее — ТузРИК) [2], в 1920–1930-х гг. также были откомандированы учитель [3], инструктор по труду [4], фельдшер [5], неоднократно ТузРИК просил прислать специалиста в области ветеринарии [6]. В Алеутском районе, с более развитой социальной инфраструктурой, в 1920-х гг. было 47 временно проживающих,

большинство из них были откомандированы из Петропавловска и Владивостока [7]. Некоренное население было занято работой в зверосовхозе, китобойной флотилии, а также в социальной сфере (ветеринарные врачи, врачи, милиционеры, культработники и т.п.) и органах местной власти. Переселенцы стремились сохранить привычные им бытовые условия, они же были первыми, кто занимался в национальных районах огородничеством и скотоводством.

В описываемый на территории Алеутского района еще с досоветских времен существовала Командорская волость. На ее территории с середины XIX в. проживали переселенцы, занимавшиеся вместе с алеутами хозяйственным освоением территории. Были сформированы два оседлых населенных пункта — с. Никольское и Преображенское. В селах Командорской волости к 1920-м гг. были церковно-приходские школы, бани, жилые дома (в том числе частные) [8], через ручьи и реки были переброшены мосты, была образована пожарная команда [9]. В первые годы советской власти на территории волости был создан волостной революционный комитет (Волревком), который выполнял функции управления, а также разбирал судебные тяжбы по гражданским делам. Также к концу 1920-х гг. на Командорских островах были созданы ячейки советских общественных организаций: кресткомы (крестьянские комитеты взаимопомощи, добровольное общество друзей детей (ДОДД), ВЛКСМ, ОСОАВИАХИМ и др. [10]. Однако, большинство общественных организаций существовали лишь на бумаге, организационная работа не проводилась. Бывшие в наличии баня и фельдшерский пункт находились в антисанитарном состоянии, аптека снабжалась неудовлетворительно, жилые дома также не соответствовали санитарным нормам и жить в них зачастую было опасно для здоровья. Таким образом, фактически бытовые условия приезжего населения были тяжелыми.

В описываемый период происходило формирование Быстринского района как отдельной административно-территориальной единицы. До 1926 г. на данной территории проживало кочующее эвенское население, которое в досоветские годы платило налоги губернским властям. Формально население было крещеным, однако, постоянно действующей церкви на землях современного Быстринского района не существовало. Священники посещали эвенские кочевья несколько раз в год, а также сами эвены ездили в Тигильскую церковь (для крещения детей и осуществления записей в метрических книгах). Обучение было налажено в конце XIX-начале XX в. в тигильской школе, но из-за удаленности от кочевий эвенов не все могли закончить курс обучения. По данным К.С. Черканова в 1916 г. у орочей (самоназвание эвенов) был учитель русского языка [11], но официально учебного заведения не существовало. По этой причине в 1918 г. эвены приняли решение: «о необходимости «походной инородческой школы». Для этого «кочующие представляют помещение-юрту». Школа функционировала в явочном по-

рядке, не постоянно. Оседлых населенных пунктов на данной территории в досоветский период и первые годы советской власти не существовало. Таким образом, в начале 1920-х гг. территория Алеутского района была относительно освоенной, с развитой социальной инфраструктурой и бытовыми условиями, сходными с теми, что были в центральных регионах СССР. Территория же Быстринского района значительно от нее отличалась, она в описываемый период подходила под классическое описание земель фронта. Бытовые условия, в которых оказались первые советские исследователи и переселенцы, значительно отличались от тех, к которым они привыкли.

Одним из первых советских исследователей был Гапанович И.И., описывавший экономическую, социальную и культурную жизнь народов Камчатки в 1922—1927 гг. В своих статьях И.И. Гапанович описывает ситуацию в регионе в целом, не выделяя какой-либо этнос отдельно. Исследователь описывает туземцев или инородцев (как он называет представителей коренных и малочисленных народов Камчатки), как людей с низким уровнем психической и экономической жизни. По его сведениям, еще в первой четверти XX века наблюдались кризисные явления в жизни туземцев, вызванные административной опекой, частые самоубийства среди коренного населения. Помимо склонности к суицидам, еще одной чертой жизни камчатского туземного населения он называет «половую невоздержанность», что выражалось в большом количестве людей, болеющих венерическими заболеваниями, быт населения он характеризует как примитивный [12]. В результате И.И. Гапанович приходит к выводам, что носителем культуры в регионе является русское население, так же, как и основой экономики. При этом основное поле его исследований находилось на территориях близких к центру губернии, где существовала относительно развитая социальная инфраструктура.

Первый советский этнографический очерк, посвященный командорским алеутам, был написан Б.А. Редько в 1927 г. Особое внимание он уделяет экономической сфере жизни их общества. Он прожил на Командорских островах в течение 3-х лет, был помощником начальника промыслов. Б.А. Редько жил в тех же бытовых условиях, что и местные жители. Он отмечает, что в начале 1920-х гг. природные ресурсы эксплуатировались максимально, при этом завоз продуктов не был организован в должной мере, поэтому их приходилось выменивать у американских предпринимателей [13]. По данным Б.А. Редько население жило в антисанитарных условиях, были распространены простудные заболевания, болезни зубов и желудка. В целом, он отмечает неудовлетворительные бытовые условия на Командорских островах в начале 1920-х гг., слабую организацию снабжения продовольствием, а также хищническую эксплуатацию природных ресурсов.

В 1926—1927 гг. проводилась Всесоюзная перепись населения. Перепись эвенов, проживавших на территории современного Быстринского района, осуществ-

ляла Е.П. Орлова. Исследователь также пишет, что в то время ламуты жили замкнуто, практически не было межэтнических браков с соседними этносами. Так, по словам старожила И.Тылканова, до 1925 года было всего два таких брака в Быстринском районе с момента прихода эвенков на Камчатку. По данным Елизаветы Порфирьевны близкое родство всей немногочисленной группы ламутов (в 1925 году проживало на территории современного Быстринского района 472 человека) приводило к высокой детской смертности, бесплодию у женщин и вырождению (в 1925 году 4,3% населения нетрудоспособно по медицинским показателям) [14, 15]. Е.П. Орлова при проведении переписи выезжала на эвенские кочевья, жила в юртах местного населения, питалась их традиционной пищей. Она проработала на территории современного Быстринского района значительное время. За этот период Елизавета Порфирьевна освоила многие традиционные занятия (управление оленьей и собачьей упряжкой, азы выделки шкур, приготовление традиционных блюд и др.).

В сентябре 1928 г. на работу в школу Быстринского района приехал М.С. Антропов по командировке ДалькрайОНО. Ученики жили в юрте тузрика, пока не было построено здание интерната. Сам же учитель проживал в квартире при здании школы. В своих воспоминаниях он пишет, что деревянные здания для местного населения были в новинку: «они приходят в школу, как в сказочный дворец, несмотря на более чем скромное здание школы: две небольших комнаты — одна классная, другая — квартира учителя» [16]. Несмотря на старания М.С. Антропова проводить политику партии и властей на местах, не отступая от указаний, реальность вносила свои коррективы. М.С. Антропов пишет, что ведение занятий на русском языке было очень трудным и неудобным, оно снижало эффективность обучения. По этой причине он начал изучать эвенский язык и вести занятия с младшими школьниками на их родном языке по всем предметам, кроме русского языка.

В конце 1920 — начале 1930-х гг. в Быстринском районе проводились первые исторические, этнографические, геологические и вулканологические исследования в советский период. Автор очерка «В кольце вулканов. Страницы очерков о Быстринском районе» [17] А.Смагин описывает свое путешествие по району. Исследователь пишет, что ламуты, избранные на начальствующие должности в сельсоветах на территории усадеб носили европейскую одежду, например, секретарь из туземного исполкома Григорий Тылканов был одет в «красную ситцевую клетчатую тужурку и поверх ее кожаную куртку» [18]. К эвенкам он относился снисходительно как к дикарям, на которых посмотреть вживую куда большее диво, чем читать Лондона и Купера, или смотреть кино. При проведении исследований он также посещал кочевья, жил в юртах и пользовался собачьим и оленьим транспортом. Однако, в основном он проживал в формирующемся рабочем поселке Эссо, выезжая за его пре-

делы для проведения замеров и описания горячих термальных источников.

Таким образом, быт и адаптация исследователей к условиям жизни обществ фронта зависела от степени вовлеченности их в традиционные занятия населения, длительности срока пребывания в данных районах, уровня развития социальной инфраструктуры на местах. Не менее важную роль в адаптационном процессе играла личность исследователя, его готовность к контакту с жителями и зависимость успеха его деятельности от общения с ними. Несмотря на некоторую замкнутость и изолированность ряда этнических групп, они шли на контакт с исследователями, помогали новым людям привыкнуть к сложившимся бытовым условиям и старались обеспечить ученым максимальный комфорт.

Следует отметить, что удаленные районы снабжались продовольствием и товарами первой необходимости недостаточно. Так, в 1926—1927 гг. Камчатский окрревком (окружной революционный комитет) отмечал слабую организацию Дальгосторгом (далее ДГТ) развозторга в регионе. При этом, для предотвращения контрабанды спирта и хищнической эксплуатации населения частный развозторг был запрещен [19]. В ряд районов, хозяйственным освоением которых занималось Акционерное камчатское общество (далее АКО), именно АКО поставляло товары первой необходимости. В 1920—1930-х гг. данные организации часто с возложенными на них обязанностями фактически не справлялись, поэтому и местные жители, и переселенцы, и исследователи жили в стесненных условиях: не хватало муки, чая, пороха, спичек и других товаров. Одной из объективных причин срыва завоза товаров являлась слабо развитая транспортная сеть региона. Так, Алеутский район продовольствие и промышленные товары завозились в период летней навигации непосредственно в населенные пункты, Быстринский район снабжался через фактории ДГТ в Тигиле и Усть-Камчатске, что значительно осложняло данный процесс. Срывы при поставке продуктов питания приводили к тому, что ТузРИКи были вынуждены снижать нормы отпуска продовольствия населению [20]. Доставка корреспонденции и связь с удаленными районами также была эпизодической, часто случались срывы. Камчатский окрревком отмечал, что не только распоряжения Дальневосточного краевого исполнительного комитета (далее ДКИК), но и окружного центра на места иногда приходят спустя полгода [21]. Частные письма и газеты могли идти еще дольше, что приводило к изоляции населения от внешнего мира.

Достаточно низкий уровень развития культурно-массового сектора на местах (так, в Алеутском районе, несмотря на формальное существование клуба, он работал эпизодически [22]) приводил к тому, что население искало развлечений различными способами. К сожалению, одним из популярных способов организации досуга были «спиртовые оргии». Несмотря на активную борьбу с контрабандой спирта в удаленные районы полуострова, с самогонварением (в Алеутском районе существовал термин

«зюйдварение»), результаты были незначительны. Так, в течение одного года в черте действия Таможни (район Петропавловска) было проведено 23 задержания на сумму 1747 руб. 25 коп., а вне зоны действия Таможни — 31 задержание на сумму 3706 руб. 71 коп., главной статьёй контрабандного ввоза был японский спирт и спиртные напитки [23]. Кроме того, приезжие часто использовали спирт для манипуляции местным населением: льготные условия при транспортировке грузов, покупка пушнины по низким ценам и др. Таким образом, при низком уровне организации развозторга и недостатке товаров первой необходимости, спирт и спиртосодержащие вещества даже в удаленных районах Камчатки были доступны и пользовались значительным спросом у коренного и приезжего населения.

Удаленность Камчатки, слабо развитая транспортная сеть, тяжелые бытовые условия даже в районах с относительно развитой социальной инфраструктурой, перебои в снабжении продовольствием и промышленными товарами вынуждали приезжее население обращаться к местным жителям, перенимать их опыт выживания в данных условиях, осваивать традиционные

занятия. Так, практически все переселенцы в Быстринском районе умели управлять собачьими и оленьими упряжками, в Алеутском районе занимались сбором дикоросов и яиц диких птиц. Для налаживания взаимопонимания с местным населением партийная номенклатура и приезжая интеллигенция в 1920—1930-е гг. изучала языки народов Камчатки. Исследователи, приезжавшие на полуостров на небольшой промежуток времени, также в силу сложных бытовых условий были вынуждены приспособляться к жизни коренного населения изучаемых территорий, запоминать некоторые обычаи и осваивать ряд традиционных занятий. Кроме того, зачастую исследовательской работой занимались именно переселенцы, которые проживали в регионе ограниченное время. Таким образом, необходимость выживания приводила к тому, что адаптация переселенцев и исследователей в обществах фронта проходила со значительной скоростью. Бытовой фактор являлся в 1920—1930-е гг. одним из ведущих в данном процессе. Сложные условия жизни приводили к тому, что многие элементы опыта традиционных обществ воспринимались некоренным населением положительно и закреплялись в его быту.

Литература:

1. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Вестник АГУ. — №4. — 2011. с. 189—193.
2. РГИА ДВ ф.Р-2413 оп.4 д.415 л.190.
3. РГИА ДВ ф.Р-2413 оп.4 д.968 л.87 об.
4. РГИА ДВ ф.Р-2413 оп.4 д.1080 л.143
5. РГИА ДВ ф.Р-2413 оп.4 д.1080 л.228
6. РГИА ДВ ф.Р-2413 оп.4 д.1080 лл.156—160, 165—167
7. ГАКК ф.Р-255 оп.1 д.3 лл.64—65
8. ГАКК ф.Р-225 оп.1 д.1 лл.90—91
9. ГАКК ф.Р-225 оп.1 д.1 л.88
10. ГАКК ф.Р-225 оп.1 д.1 лл.84—85
11. Из архивов Черканова К.С. // Материалы этнографической экспедиции в с. Анавай 13—21 марта 2005 г.
12. Гапанович И.И. Местное население Камчатки, Северная Азия // Общественные науки. — 1925. — №5. — с. 40—52
13. Редько Б.А. Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. Вып.5., Хабаровск-Владивосток, 1927. — с. 69—112
14. Орлова Е.П. Ламуты полуострова Камчатки // Советский Север. — 1930. — №5. — с. 39—48.
15. Орлова Е.П. Хозяйственный быт ламутов Камчатки // Советская Азия. — 1928. — №5—6. — с. 84—99
16. Антропов М. Среди ламутов, Москва-Ленинград: Учпедгиз, 1931, 35 с.
17. Смагин А. В кольце вулканов. Страницы очерков о Быстринском районе. М.: Молодая Гвардия, 1931, 71 с.
18. Там же, с. 5
19. РГИА ДВ ф.Р-2413 оп.4 д.850 л.6 об.
20. ГАКК ф.Р-225 оп.1 д.1 лл.47—48
21. РГИА ДВ ф.Р-2413 оп.4 д.850 л.7 об.
22. ГАКК ф.Р-187 оп.1 д.3 л.12
23. РГИА ДВ ф.Р-2422 оп.1 д.570 л.79

Движение «чаепитие»: популизм и вопросы лидерства

Короткова Мария Николаевна, кандидат политических наук, старший преподаватель
Пермская медицинская академия имени академика Е.А. Вагнера

В статье рассматриваются причины возникновения популистского движения «чаепитие», а также отслеживается эволюция взглядов участников движения в отношении вопросов лидерства.

Ключевые слова: популизм, движение «чаепития», политическая оппозиция, либертарианство, консерватизм, республиканцы.

Ф. А. Лукьянов, Председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике России, недавно в своей статье поделился интересным выводом, сделанным американским журналом «Foreign Affairs». Суть его заключается в том, что «тузы» Республиканской партии «... постепенно уходят из политики, уступая место деятелям иного склада» [14]. В первых рядах претендентов на это звание — активисты популистского движения «чаепитие».

Движение «чаепитие» сформировалось в Соединенных Штатах Америки как концентрированная форма протеста среднего класса, больше всего пострадавшего в результате экономических неурядиц последнего десятилетия [15].

Западные государства постепенно уступают пальму первенства странам третьего мира. Со слов известного экономиста и обозревателя ежедневной газеты «Таймс» А. Калецкого: «Китай объективно остается бедной и технологически отсталой страной, а на то, чтобы сравняться с США по своей экономической или военной мощи, у него уйдут десятилетия. Но многие американцы, похоже, уверены, что Китай уже обогнал их. По данным опроса 2010 Pew Global Attitudes, 41 процент американцев считает «ведущей экономической державой мира» Китай и только 38 процентов — свою собственную страну» [11]. Средний класс теряет свои привилегии и социальные гарантии, то есть оказывается перед перспективой «...потери своего особого места в обществе» [15].

Еще одной причиной формирования организации «чайников» стали амбициозные планы политических деятелей. Речь, в первую очередь, идет об экс-губернаторе штата Аляски Саре Пэйлин [5].

Первоначально американские активисты отказывались от идеи лидерства. С точки зрения обозревателей «Der Spiegel» Марка Гуйера и Грегора Петера Шмитца, данная позиция являлась результатом ненависти рядовых избирателей «... ко всем карьерным политикам» и «... утраты доверия к политэлитам» в целом [9]. Последствием сложившейся ситуации стало возникновение нового идеала политика: «В американской политике для кандидатов всегда существовало правило: чем ближе к совершенству, тем лучше. Ничего не оставлялось на волю случая, личную жизнь каждого претендента просвечивали до мельчайших деталей. Одно неверное слово, один глупый жест могли положить конец карьере. Сегодня в жизни партии утвер-

ждается новый стиль, требующий иной манеры поведения, пониженных «стандартов качества»», — утверждают в своей статье «Бунт простаков» Гуйер и Шмитц [9].

Следует отметить, что элита Республиканской партии весьма прохладно встретила появление на американском небосклоне новой политической силы [4]. Консервативный истеблишмент отказал движению в поддержке, мотивируя свое решение «сыростью» организационной структуры, отсутствием четкой идеологии [2] и воинственной радикальностью протестующих [5]. Однако ни ультраконсервативная сущность «чайников» [10], ни отрицательное отношение к ним политического Олимпа не помешали росту популярности американских активистов.

Иная ситуация складывается вокруг самой Республиканской партии: «Победа Барака Обамы на президентских выборах продемонстрировала, что у республиканцев не нашлось убедительной альтернативы первому чернокожему президенту — ни в личностном плане, ни идеологически. Многие указывают на общий кризис Республиканской партии. Она мечется между попытками сохранить традиционную респектабельность и солидность, с одной стороны, и стремлением охватить наиболее консервативную и при этом радикализирующуюся часть общества — с другой», — суммирует свои наблюдения Ф.А. Лукьянов в статье «Поле следующей битвы» [13].

С точки зрения политолога Георгия Бовта официальное признание «чайников» может способствовать преодолению кризиса и возрождению Республиканской партии: «Подобные движения уже не раз случались в американской истории. Они, зарождаясь либо внутри одной из двух главных партий, либо самостоятельно, оказывали на политическую систему двоякое влияние. Либо подобные движения приводили к трансформации всей партийно-политической системы, либо придавали мощный импульс развитию одной из двух главных партий» [7].

Вероятнее всего, одним из последствий данного шага, станет смещение Республиканской партии вправо. Как показывает европейский опыт, протекционизм, противодействие иммиграции, требование защиты национальной экономики, сетования по поводу упадка традиционных культур и прочее, могут принести американской консервативной партии победу на выборах, так же, как и ее европейским соратникам [12].

С другой стороны, подобный шаг может привести и к обратному результату, например, расколу Респу-

бликанской партии. С точки зрения «Независимой газеты», претензии представителей движения «чаепитие» «... подрывают авторитет политиков республиканского истеблишмента и ослабляют проведение ими сбора средств» [8].

Угроза возможного развала партии, а также ее радикализации, вероятно, являются истинными причинами, по которым высшие чины республиканцев весьма осторожно оценивают деятельность «чайного» движения.

В то же время некоторые политики, занимающие не столь высокое положение в иерархии Республиканской партии, рискуют и открыто заявляют о своей поддержке «чайников», тем самым связывая свою будущую карьеру с оппозиционерами.

Следует напомнить, что первоначально участники движения «чаепитие» отказывались от идеи лидерства. Сара Пэйлин, стоящая у истоков формирования общественно-политической организации неоднократно упоминала об этом в своих выступлениях. Смысл ее высказываний заключался в том, что для активистов главными являются «не личности, а идеи», тем самым противопоставляя демократический лагерь во главе с Барак Обамаой стихийным консервативным формам протеста [3].

Ряд событий изменил отношение Сары Пэйлин к данному вопросу. Во-первых, ее провал на праймериз Республиканской партии в 2008 году. Во-вторых, амбициозные планы выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах в 2016 году. Данные обстоятельства подстегнули экс-губернатора Аляски связать свою дальнейшую политическую карьеру с движением «чаепитие» и пересмотреть свои прежние позиции в отношении идеи лидерства [6].

Эволюционировали взгляды и сторонников движения. Так, в результате проведенного в 2010 году американскими журналистами социологического опроса, треть респондентов посчитала «... что без лидера чайная партия обречена на провал» [2].

Однако идти на президентские выборы с созревшей для такого решения «веселушкой» Сарой Пэйлин некоторые политические обозреватели считают уже политическим самоубийством [7].

Судя по информации, расположенной на одном из самых крупных сайтов движения «чаепития» [1] у Сары Пэйлин появился достойный конкурент. Сенатор Рэнд Пол является республиканцем, сыном Рона Пола, участвовавшего в недавней битве за выдвижение его кандидатуры в президенты от Республиканской партии. Рэнд придерживается либертарианских принципов и изоляционистских позиций: «В противоположность неоконсерваторам, которые обильно присутствовали в команде Ромни, отец и сын Пол призывают свернуть международную активность, прекратить вмешиваться в чужие дела и провоцировать ненависть к США бесконечными войнами, резко сократить расходы и заняться внутренним экономическим оздоровлением» — пишет Ф.А. Лукьянов [13].

Таким образом, мы видим, что стихийно возникающие формы протеста, выливающиеся в популистские движения, наподобие «чаепития», рано или поздно, в стремление сохранить свою жизнеспособность, а также в силу политических амбиций некоторых деятелей, приобретают все более организованные формы. Это проявляется в формализации структуры, эволюции идеологических установок, и, конечно, в отношении к вопросам лидерства.

Литература:

1. About us // TeaParty: [сайт]. URL: <http://www.teaparty.org/about-us> (дата обращения: 2.03.2013).
2. Американский пирог: пришло время раздела // Радио «Голос России»: [сайт]. URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/11/01/30895544.html> (дата обращения: 20.02.2013).
3. Америку пригласили на бостонское чаепитие // Коммерсант: [сайт]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1318191?isSearch=True> (дата обращения: 27.01.2013).
4. Белянинов К. Отчаянная церемония // Коммерсант: [сайт]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1319772?isSearch=True> (дата обращения: 27.01.2013).
5. Белянинов К. Уценка ценностей // Коммерсант: [сайт]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1533985?isSearch=True> (дата обращения: 27.01.2013).
6. Блинов А. Сара Пэйлин поднимает революцию в США // Независимая газета: [сайт]. URL: http://www.ng.ru/world/2010-02-10/8_america.html (дата обращения: 20.02.2013).
7. Бовт Г. «Чайники» — залог успеха // Известия: [сайт]. URL: <http://izvestia.ru/news/367529> (дата обращения: 23.02.2013).
8. В США президентская гонка как знаменитые горки // Независимая газета: [сайт]. URL: http://www.ng.ru/editorial/2011-10-05/2_red.html // (дата обращения: 20.02.2013).
9. Гуйер М., Шмитц Г. Бунт простаков // Радио «Голос России»: [сайт]. URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/09/28/22665737.html> (дата обращения: 20.02.2013).
10. Дробницкий Д. Левое помутнение // Известия: [сайт]. URL: <http://izvestia.ru/news/535489> (дата обращения: 23.02.2013).
11. Калецкий А. Миру нужно, чтобы Америка преодолела уныние // Радио «Голос России»: [сайт]. URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/10/06/24330970.html> (дата обращения: 20.02.2013).

12. Лукьянов Ф. Государство должно разрядить ситуацию // Россия в глобальной политике: [сайт]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Gosudarstvo-dolzno-razryadit-situatciyu-15633> (дата обращения: 15.12.2012).
13. Лукьянов Ф. Поле следующей битвы // Россия в глобальной политике: [сайт]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Pole-sleduyuschei-bitvy-15758> (дата обращения: 15.12.2012).
14. Лукьянов Ф. Республиканцы без внешней политики // Россия в глобальной политике: [сайт]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Respublikantcy-bez-vneshnei-politiki-15636> (дата обращения: 15.12.2012).
15. Макарчев В. Исполнилось 375 лет с первого кризиса современного капитализма, история продолжается // ИТАР ТАСС: [сайт]. URL: <http://www.itar-tass.com/c11/335383.html> (дата обращения: 14.10.2012).

Возникновение и развитие службы по надзору за транспортом и его движением в Санкт-Петербурге, Москве и Уфе в XVIII – начале XX века

Матвеева Венера Раилевна, аспирант

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

Повседневная история всегда имеет большой интерес как среди обывателей, так и людей науки. Одной из многих граней повседневной истории России и ее провинций является развитие транспорта в двух российских столицах, а также в Башкортостане, в частности в г. Уфе. Естественным следствием развития транспортной системы, различных видов городского транспорта является возникновение и становление такой службы как полиция, в частности одной из ее частей, занимающейся контролем за общественным порядком, включающим в себя надзор за порядком уличного движения. Так каким же образом возникла такого рода служба?

В конце XVII – начале XVIII веков в России, во многом благодаря активной деятельности Петра I, развитие промышленности и торговли получило значительное ускорение. Строились города (в их числе новая столица – Петербург), сооружались верфи, морские и речные порты, каналы, создавались мануфактуры. К числу внешних проявлений этих преобразований можно было отнести увеличение числа всадников, колясок, карет, телег, саней и т.п. Именно в данный период времени последовали первые царские указы, касающиеся уличного движения.

Тогда еще в России не было регулярной полицейской службы. Ее возникновение может быть отнесено к 1718 г., когда Петром I был объявлен указ от 25 мая 1718 г. об учреждении в Петербурге должности генерал-полицмейстера [1, с. 45]. Назначенному на нее А.Э. Девиеру поручалось царем, в частности, «...следить... за чистотой улиц и незатруднительным проездом по ним...» [1, с. 46]. Спустя четыре года в Москве также образуется полицейское учреждение во главе с М.Т. Грековым, которое подчинялось непосредственно генерал-полицмейстеру.

Основным видом правонарушений на городских улицах считались быстрая езда и битье кнутом прохожих кучерами. В указах императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны в 1730 [1, с. 50], 1732 [1, с. 52], 1737 [4, с. 114] и 1742 гг. [4, с. 121] констатировалось,

что несмотря на предписания ездить «как в санях, так и верхами смирно» [1, с. 50] многие «всяких чинов люди ездят резво и не смирно» [1, с. 51], а «верховые ездят на резвых лошадях и давят и побивают других» [1, с. 52]. На полицию возлагалась обязанность следить за соблюдением правил езды, виновных задерживать, а лошадей «отсылать в конюшню ее Императорского Величества» [1, с. 53]. Тех, «кто будет на лошадях скоро ездить, ловить и отводить в полицию, где лакеев бить нещадно кошками, а самих помещиков штрафовать денежным штрафом» [1, с. 53].

Количество гужевого транспорта в Петербурге и Москве увеличивалось очень быстро. Царским указом от 12 июля 1761 г. [2, с. 36] полиции предписывалось вести учет «извозчиков по частям города» [2, с. 36], выдавать им за плату кожаные ярлыки с номером, полученные денежные средства «употреблять на расходы полицейские» [2, с. 37]. Это было одной из первых мер, направленных на упорядочение извозного промысла. Такой же процесс, естественным образом, в силу общности территории Российской империи проходил и в Оренбургской губернии, а значит – и в Уфе.

8 апреля 1782 г. Екатериной II был подписан «Устав благочиния, или полицейский» [8, с. 321], который впервые четко определил органы полицейского управления, их примерные штаты, порядок учреждения и компетенцию, а также функции и порядок деятельности должностных лиц создаваемых в городах управ благочиния. В его двух последних главах перечислялись деяния, запрещенные законом, и указывались санкции, которые должна принимать полиция по этим правонарушениям. Согласно п. 272 Устава, «буде кто учнет ездить или ходить, страшая людей, того взять под стражу и отослать к суду» [8, с. 325].

В сентябре 1802 г. руководство полицией России приняло на себя министерство внутренних дел, образованное в ходе проведенной императором Александром I реформы органов государственного управления [6, с. 34]. Первым

министром внутренних дел был назначен В.П. Кочубей. МВД, Министерство полиции в 1811–1819 гг., и снова МВД особое внимание уделяло организационно-штатному укреплению городской полиции [1, с. 79,80,88; 9, с. 56]. Функции ее оставались в основном такими же, какими они были определены еще в Уставе благочиния 1782 г. [8, с. 321]. При этом практическая деятельность полиции, в т.ч. в области надзора за уличным движением, регламентировалась путем издания приказов городским полицмейстером.

Во второй четверти XIX века до развития железных дорог в России получил распространение новый вид общественного транспорта — многоместные конные кареты, совершавшие регулярные рейсы в городах и между ними (дилижансы, фаэтоны, омнибусы и линейки). Его появление во многом связано с интенсивным строительством дорог с твердым покрытием щебеночных шоссе. Движение по первому такому шоссе было начато между Санкт-Петербургом и Москвой в 1834 г. [11]. Такие же конные кареты появлялись и в г. Уфе, однако в количественном плане конечно же в Уфе их было гораздо меньше, чем в обеих столицах. Большинство населения Уфы по-прежнему передвигалось пешком. Более обеспеченное население имело личные экипажи, однако их было крайне мало.

До 1862 года в Уфе не существовало полиции. В этом году согласно «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний по общему учреждению управляемых, учрежденных 25 декабря 1862 года» в Уфе было создано городское полицейское управление. Городские полицейские управления являлись местными учреждениями Министерства внутренних дел, на месте подчинялись губернатору и Губернскому правлению, находились под надзором окружного прокурора и его товарищей. Во главе управления стоял полицмейстер, который подчинялся губернатору, он был независим от городских органов самоуправления. Городское полицейское управление выполняло такие функции, как наблюдение за исполнением законов, охранение безопасности и дел общественного благоустройства, исполнение обязанностей по делам казенного управления и общественного хозяйства, исполнение обязанностей по делам судебного ведомства, исполнение обязанностей по делам военного ведомства и др. [7, с. 52].

В 1863 г. в Санкт-Петербурге на Невском проспекте было открыто движение еще одного вида городского транспорта, получившего название конки. Вагон конки, запряженный лошадьми, тихо двигался по рельсам, пассажиры входили и выходили на ходу. В Москве первая линия конно-железнодорожной дороги пролегла в 1872 г. по Тверской улице. К сожалению, в г. Уфе таких конок не было [3, с. 132].

Хотелось бы отметить, что в 1867 г. на основании «Положения о корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г. было образовано Уфимское губернское жандармское управление. Согласно Положению вместо прежних жан-

дармских округов были созданы территориальные подразделения — губернские жандармские управления. Одной из обязанностей губернских жандармских управлений было оказание помощи полиции в поддержании общественного порядка. Однако это продолжалось не долго — уже в 1871 г. главным в деятельности ГЖУ становится дознание и следствие по политическим делам [7, с. 30]. Таким образом, вся тяжесть за охраной общественного порядка снова ложится на уфимскую полицию.

В последние десятилетия XIX века парк гужевого транспорта России по ориентировочным данным насчитывал около 1 млн. единиц. Использование конных экипажей для перевозки пассажиров и грузов являлось предметом регламентации со стороны администрации многих губерний России [11]. Не избежала данного процесса и нынешняя столица Башкортостана — Уфа. В это время жители города Уфы передвигались либо пешком, либо на лошадях. Состоятельные горожане имели личные экипажи; кроме этого, в городе было около 400 извозчиков [2, с. 20].

В 1895 г. по улицам Санкт-Петербурга проследовал первый автомобиль с бензиновым двигателем, приобретенный за границей, а уже 11 сентября 1896 г. министерство путей сообщения России приняло постановление №7453 «О порядке и условиях перевозки тяжестей и пассажиров по шоссе ведомства путей сообщения в самодвижущихся экипажах» [5, с. 19]. От этой даты можно отсчитывать начало действия в России правил движения автомобилей. В Башкортостане, в частности в г. Уфе первые автомобили появились только в самом начале XX века: по полицейским сводкам 1914 г., в личном владении горожан имелись 15 легковых автомобилей и 8 мотоциклов. Грузовых автомобилей в это время еще не было, лошади (их называли просто «ломовые») оставались единственным средством перевозки грузов по городу [10, с. 21].

Хотелось бы рассказать о правилах движения автомобилей. В соответствии с указанным постановлением при каждом самодвижущемся экипаже должно было находиться удостоверение, свидетельствующее о его технически исправном состоянии. Для получения этих удостоверений владельцам предписывалось проводить периодические проверки экипажей «тем же порядком и в те же сроки, которые установлены для паровых котлов на пароходах, плавающих по внутренним водам» [5, с. 19]. Тем самым вводился обязательный технический осмотр.

В 1900 г. был принят новое постановление Государственной Думы «О порядке пассажирского и грузового движения по городу Санкт-Петербургу на автомобилях» [5, с. 20], согласно которому для получения права езды на автомобилях необходимо было обратиться в городскую управу. Образованная ею комиссия, членом которой в некоторых городах мог быть сотрудник полиции, проводила технический осмотр автомобилей, медицинское освидетельствование кандидата в водители и его проверку «на знание своего дела» [5, с. 20]. После всех испытаний выдавались

разрешения на право как использования автомобиля, так и его управления (ныне — свидетельство о регистрации транспортного средства и водительское удостоверение), а также задний номерной знак. Технический осмотр автотранспорта в дальнейшем проводился не реже одного раза в год. Помимо условий допуска автомобилей и водителей к участию в дорожном движении обязательные постановления содержали некоторые положения, касающиеся собственно правил движения по городским улицам.

Ввиду того факта, что Уфа входила в состав Российской империи указанные в постановлении Городской Думы 1900 г. правила применялись и на территории современной республики. Относительно уфимского городского полицейского управления следует сказать, что в это время оно состояло из полицмейстера, его помощника, секретаря, двух столоначальников, регистратора, заведующего адресным столом, заведующего типографией и врача — всего 9 человек. При управлении находились и полицейская команда в составе 140 пеших и 20 конных городовых. И все они обеспечивали порядок на улицах города, включая надзор за соблюдением правил передвижения по ним.

Однако все виды городского транспорта представляли опасность для населения. В начале XX века московская конно-железная дорога насчитывала 444 вагона и 2782

лошади. В период с сентября 1904 г. по сентябрь 1905 г. на ней произошли несчастные случаи, повлекшие гибель и ранение 1190 человек. Вместе с тем соотношение объема перевозок на конном и электрическом трамваях быстро менялось: в 1907 г. в Москве конка перевезла 22,6 млн. пассажиров, а трамвай — 68,3 млн. пассажиров. Последний вагон конки прошел по городу в 1911 году [11].

В дальнейшем, в 1917 г., постановлением Временного правительства от 10 марта 1917 г. были ликвидированы городские полицейские управления. Также постановлением Временного правительства от 17 апреля 1917 г. были ликвидированы уфимское жандармское управление и уездные полицейские управления [7, с. 30, 52]. Такая же участь постигла и полицейские органы Санкт-Петербурга и Москвы.

Подводя итоги, хотелось бы сказать о том, что вместе с ростом, развитием и формированием основной картины транспортной системы Санкт-Петербурга, Москвы и Уфы происходил процесс становления такой службы по надзору за движением на улицах, как полиция. Как мы убедились, данный орган за период своего существования претерпевал много изменений, однако основная суть его оставалась и остается прежней — обеспечение безопасности дорожного движения.

Литература:

1. Альхименко В.В., Курицын В.М. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. Учебное пособие. Москва: Щит-М, 1998 г. — 200 с.
2. Желудкова Т.И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка // Лекция. — М.: Академия МВД СССР, 1977. — 39 с.
3. История Уфы. Краткий очерк. 2-е изд., исправл. и доп. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. — 608 с. ил.
4. Калужный Д., Кеслер Я. Другая история российской Империи. От Петра до Павла. — М.: Вече, 2004. — 202 с.
5. Квитчук А.С. Система обеспечения безопасности дорожного движения в России: Автореф. дис. ... док. юр. наук. — Спб., 2006. — 44 с.
6. Курицын В.М. История полиции дореволюционной России (сборник документов и материалов по истории государства и права). Учебное пособие. Москва: МВШМ МВД СССР, 1981 г. — 94 с.
7. Путеводитель по фондам Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан. Часть 1. Фонды учреждений, организаций и фирм Российской империи. — Уфа: Китап, 2009. — 142 с.
8. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. т.е.И. Индова. — М.: Юрид. лит., 1987. — 528 с.
9. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. т.О. И. Чистяков. — М.: Юрид. лит., 1988. — 431 с.: ил.
10. Синенко С.Г. Уфа. Старая и новая. Популярная иллюстрированная энциклопедия. — Уфа: ГУП «Государственное республиканское издательство «Башкортостан»», 2007. — 272 с.
11. Управление ГИБДД МВД по РБ и г. Уфа, 2009 год URL:<http://02.gibdd.ru/istoriya.htm> (дата обращения: 08.10.2012)

Особенности внедрения прогрессивных форм советской торговли в 50–60-е годы XX века

Мороз Ирина Анатольевна, аспирант
Брянский государственный университет

Для каждого периода советской торговли характерны свои особенности и требуется решение задач, стоящих именно в это время. Так, в первые послевоенные годы перед советской торговлей стояла задача минимально обеспечить людей продуктами питания и предметами первой необходимости. По мере восстановления народного хозяйства, подъёма экономики страны, увеличения количества выпускаемой продукции в партийных директивах по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР предусматривалось широкое применение прогрессивных методов торговли, отвечающих требованиям растущего товарооборота и повышающих культуру торговли, что должно было позволить значительно улучшить обслуживание покупателей, сократить трудовые затраты в торговле и снизить издержки обращения [1, с. 70]. Здесь явно прослеживается противоречие, т.к. достаточного количества товаров и разнообразия его ассортимента ещё не было. Кроме того, торговая сеть была развита слабо, а специализация практически отсутствовала.

В данной работе мы попытались проанализировать процесс внедрения прогрессивных форм торговли, успехи и проблемы, с которыми пришлось столкнуться при их использовании в различных регионах страны.

Директивы ставили задачу увеличить в течение шестой пятилетки розничный товарооборот примерно на 50%. Эта задача могла быть успешно решена не только за счет роста производства товаров народного потребления и денежных доходов населения, но и за счет повышения производительности труда торговых работников. Чтобы восполнить в возможно короткие сроки недостаток торговых предприятий, необходимо было наряду с открытием новых магазинов увеличить пропускную способность действующих магазинов путём внедрения новых, более быстрых приёмов обслуживания. К числу прогрессивных форм, проверенных практикой, относились самообслуживание; магазины фасованных товаров; торговля по образцам с последующим отмером и оплатой в столе выдачи покупок; торговле одеждой по образцам с последующей примеркой и оплатой покупки в столе контроля; торговля различными товарами с открытой их выкладкой. Динамика количества магазинов, переведенных на прогрессивные формы торговли по СССР, представлена в таблице 1 [2, с. 88].

Таким образом, дело внедрения прогрессивных форм торговли в ряде областей РСФСР заметно продвинулось вперёд. Если в среднем по государственной торговле Российской Федерации удельный вес предприятий такого типа в общей сети магазинов увеличился с 9,6% на 1 января 1959 г. до 13,5% на начало 1960 г., то в отдельных

областях рост был много выше как по темпу, так и в количественном выражении.

Например, в Куйбышевской области удельный вес предприятий прогрессивных форм торговли в общей сети магазинов возрос в течение года с 4,9 до 17,7%, в Брянской – с 2,8 до 15,5%, Ленинградской – с 6 до 18,7%, Горьковской – с 12,3 до 21%, Челябинской – с 10,4 до 21,2% [3, с. 4].

Рассматривая преимущества новых форм торговли, необходимо проанализировать три вопроса:

- 1) характеристика новых форм торговли;
- 2) народнохозяйственное значение новых форм торговли;
- 3) основные недостатки в организации новых форм торговли и пути их устранения.

В продовольственной торговле следует различать два основных прогрессивных направления в организации продажи товаров:

- 1) магазины самообслуживания,
- 2) магазины фасованных товаров.

Обе эти формы торговли давали для потребителя значительный выигрыш во времени, затрачиваемом на покупку товаров. Данные хронометража показали, что если время, затрачиваемое потребителем в среднем на одну покупку, в магазине обычного типа принять за 100%, то покупка в магазине фасованных товаров требовала затраты только 70–85%, а в магазине самообслуживания 45–55% этого времени [4, с. 3].

Первый магазин с самообслуживанием покупателей был открыт в Лос-Анжелосе (США) в 1912 году, но заметное распространение такие магазины получили в 30-е годы. После второй мировой войны магазины самообслуживания получили быстрое распространение в Западной Европе. В СССР первый продовольственный магазин самообслуживания был открыт в декабре 1954 года в Ленинграде. Там, где торговля по методу самообслуживания организовывалась правильно, открытие таких магазинов встречалось населением с большим одобрением [5, с. 139].

Помимо ускорения обслуживания покупателей, магазины самообслуживания имели и другие преимущества:

1. Покупатель лучше знакомится с товаром, так как сам может взять каждый предмет. Очень часто при таком методе продажи оказывалось, что товар, считавшийся неходовым, на самом деле пользовался немалым спросом.
2. В магазине самообслуживания требовался меньший штат работников. При правильной организации работы магазина самообслуживания расходы на зарплату значительно сокращались, и высвобождалось немалое количество людей.

Таблица 1

Число магазинов, переведенных на прогрессивные формы торговли по СССР (на конец года)

	Год	Государственная торговля		Всего по СССР	
		Число магазинов	В них рабочих мест	Число магазинов	В них рабочих мест
1. Продовольственные магазины самообслуживания	1955	131	-	-	-
	1958	1798	6720	-	-
	1961	4029	14511	4780	17460
	1964	5067	17661	10637	27670
2. Продовольственные магазины фасованных товаров	1955	126	452	-	-
	1958	600	2482	600	2482
	1961	363	1235	363	1235
	1964	248	743	248	743
3. Магазины-автоматы	1960	233	693	233	693
	1962	355	1002	355	1002
	1964	334	1005	334	1005
4. Непродовольственные магазины самообслуживания	1955	79	-	-	-
	1961	610	2611	6423	11755
	1964	936	4378	13544	22917
5. Непродовольственные магазины торговли по образцам и с открытой выкладкой товаров	1957	973	6045	-	-
	1961	5858	47266	12119	63037
	1964	10879	91174	31297	134234
6. Продовольственные магазины, имеющие отделы самообслуживания	1961	2623	-	-	-
	1962	3516	-	-	-
	1963	3970	-	-	-
	1964	4531	-	-	-
7. Непродовольственные магазины, имеющие отделы, торгующие по прогрессивным формам	1961	4625	-	-	-
	1962	5262	-	-	-
	1963	5799	-	-	-
	1964	6171	-	-	-

3. Поскольку потребитель обслуживал себя сам, быстрая покупка товаров была обеспечена при любом потоке покупателей.

4. На меньшей торговой площади оборот делался больше, чем в обычных магазинах, так как высвобождалось место, которое в обычных магазинах было занято прилавками и проходами для продавцов.

5. Оборудование магазина самообслуживания обходилось дешевле, на его изготовление требовалось меньше материала, так как отпадала надобность в устройстве прилавков.

Наиболее актуальной в середине 50^х годов была задача как можно быстрее развернуть сеть магазинов самообслуживания. Её рост в разрезе союзных республик хорошо виден в таблице 2 [6, с. 90].

При торговле фасованными товарами процесс отпуска ускорялся в значительной степени. В этом случае создавалась также возможность значительного улучшения санитарно-гигиенических условий торговли. Эта сторона дела требовала особого внимания; в ряде случаев нужны были специальные меры для создания лучших санитарно-гигиенических условий при продаже товаров, особенно при продаже штучного хлеба [7, с. 38].

Торговля фасованными товарами позволяла резко снизить естественную убыль продуктов, что создавало экономию продуктов и снижало издержки обращения. Однако не везде новые формы торговли внедрялись быстро и успешно. К концу 1955 года в Министерстве торговли Белорусской ССР и торговых организациях этой республики полгода велись разговоры о магазинах фасованных товаров, но ни одного такого предприятия в республике так и не было открыто. Очень мало было открыто предприятий такого типа на Украине. В Москве Главное управление торговли медленно развивало сеть предприятий нового типа, а организованные хлебулочные магазины без продавцов пришлось даже закрыть из-за плохой постановки дела, в то время как в Ленинграде подобные предприятия работали с успехом.

Главной проблемой в подобных магазинах была организация фасовки товаров. Как правило, более трети всех поступающих товаров фасовалось в подсобных помещениях самого магазина, и содержание штата фасовщиков приводило к его дополнительным расходам. В это время рассматривалась необходимость увеличить фасовку товаров на промышленных предприятиях, на оптовых базах и холодильниках, на распределительных складах. Между

Таблица 2

Число продовольственных магазинов самообслуживания в государственной торговле по союзным республикам

	1955 Чис. маг.	1958 г.		1964 г.		1964 г. в % к		
		Чис. маг.	В них раб. мест	Чис. маг.	В них раб. мест	1958 г.	1960 г.	1963 г.
						по числу магазинов		
СССР	131	1798	6720	5067	17661	281,8	158,9	101,3
РСФСР	-	1107	4455	3519	12905	317,9	169,7	102,3
Украинская ССР	-	418	1407	909	2646	217,5	130,0	101,3
Белорусская ССР	-	56	169	135	477	241,0	201,4	103,0
Узбекская ССР	-	23	64	64	202	278,3	177,8	98,5
Казахская ССР	-	32	74	79	156	246,9	105,3	71,8
Грузинская ССР	-	22	74	54	225	245,5	158,8	81,8
Азербайджанская ССР	-	15	56	16	54	106,7	66,7	106,7
Литовская ССР	-	25	103	80	266	320,0	160,0	106,6
Молдавская ССР	-	12	43	50	162	416,7	312,6	104,2
Латвийская ССР	-	41	126	76	279	185,4	143,4	115,2
Киргизская ССР	-	8	38	6	31	75,0	40,0	66,7
Таджикская ССР	-	2	7	7	23	3,5 р.	3,5 р.	87,5
Армянская ССР	-	11	23	4	8	36,4	40,0	57,1
Туркменская ССР	-	11	39	5	15	45,5	55,5	71,4
Эстонская ССР	-	15	42	43	186	286,7	179,2	100,0

Таблица 3

Число продовольственных магазинов фасованных товаров в государственной торговле

	1955 Чис. маг.	1958 г.		1964 г.		1964 г. в % к		
		Чис. маг.	В них раб. мест	Чис. маг.	В них раб. мест	1958 г.	1960 г.	1963 г.
						по числу магазинов		
СССР	126	600	2482	248	743	41,3	54,6	81,8
РСФСР	-	381	1675	155	487	40,7	44,4	77,1
Украинская ССР	-	121	438	43	137	35,5	62,3	91,5
Белорусская ССР	-	14	46	6	13	42,9	40,0	85,7
Узбекская ССР	-	6	24	9	15	150,0	42,9	60,0
Казахская ССР	-	7	13	6	10	85,7	46,2	300,0
Грузинская ССР	-	7	15	14	20	200,0	50,0	116,7
Азербайджанская ССР	-	-	-	1	2	-	16,7	-
Литовская ССР	-	16	71	2	21	12,5	22,8	16,7
Молдавская ССР	-	15	71	3	18	25,0	60,0	300,0
Латвийская ССР	-	11	53	4	7	36,4	66,7	133,3
Киргизская ССР	-	1	1	-	-	-	-	-
Таджикская ССР	-	6	11	1	3	16,7	-	-
Армянская ССР	-	7	29	1	2	14,3	11,1	-
Туркменская ССР	-	-	-	-	-	-	-	-
Эстонская ССР	-	11	35	2	5	18,2	40,0	-

тем Министерство заготовок СССР, Главмясомаслоторг и Главбакалея не проявляли в этом деле необходимой активности и ссылались на разного рода объективные причины. В целом процесс изменения количества магазинов фасованных товаров представлен в таблице 3 [8, с. 92].

Одной из разновидностей торговли фасованными товарами являлись магазины-автоматы. Вопрос об их откритии был поставлен в начале 60^х годов, но реальная по-

пытка воплощения в жизнь относится к середине 60^х. В магазине-автомате необходимо было определить производственные функции и выбрать:

- ассортимент товаров, подлежащих реализации;
- точные параметры по весу, форме, фасовке и ценам товаров;
- температурные режимы при хранении и отпуске товаров;

Таблица 4

Число продовольственных магазинов-автоматов в государственной торговле

	1960 год		1963 год		1964 год		1964 г. в % к 1960 г. по числу магазинов
	Число магаз.	В них раб. мест	Число магаз.	В них раб. мест	Число магаз.	В них раб. мест	
СССР	233	693	344	1026	334	1005	143,3
РСФСР	109	388	143	497	141	484	129,3
Украинская ССР	75	161	111	230	113	232	150,6
Белорусская ССР	21	56	19	48	18	44	85,7
Узбекская ССР	-	-	4	3	3	8	-
Казахская ССР	4	18	12	30	11	29	275,0
Грузинская ССР	2	4	2	4	2	4	-
Азербайджанская ССР	1	4	21	117	25	142	25 раз
Литовская ССР	7	17	12	29	5	11	71,4
Молдавская ССР	2	10	5	19	5	19	250,0
Латвийская ССР	6	17	8	23	5	10	83,3
Киргизская ССР	1	6	2	8	1	6	-
Таджикская ССР	-	-	1	2	-	-	-
Армянская ССР	4	9	-	-	-	-	-
Туркменская ССР	-	-	2	8	2	8	-
Эстонская ССР	1	3	3	7	3	8	300,0

— схему механизации и автоматизации перемещения товаров и их загрузки в автоматы;

— систему диспетчерского оперативного контроля хода реализации товаров и их учёта, а также порядок расчёта с поставщиками;

— штаты обслуживающего персонала;

— размеры и планировку торгового зала и подсобных помещений в соответствии со стоимостью строительства [9, с. 29].

К середине 60^х годов было разработано три варианта магазинов-автоматов, которые различались количеством автоматов и пропускной способностью. Но недостаток и низкое качество выпускаемого оборудования, отсутствие необходимого количества запасных частей, нехватка квалифицированных кадров по обслуживанию автоматов привели к тому, что подобные типы магазинов не получили широкого распространения. Распространение магазинов-автоматов можно проследить в таблице 4 [10, с. 94].

В промтоварной торговле в 50–60^е годы в стране сложилось два основных направления прогрессивной организации продажи товаров:

1) торговля с открытой выкладкой товаров;

2) торговля по методу самообслуживания покупателей.

Для более широкого распространения данного передового опыта торговли управлением организации торговли Министерства торговли СССР были разработаны, обсуждены и рекомендованы мероприятия по улучшению размещения и выкладки промтоваров, о продаже товаров по образцам с отпуском в торговом зале магазина и с доставкой на дом, об опыте торговли отрезами тканей с самообслуживанием, о новых формах торговли одеждой и

обувью [11, с. 16]. О распространении метода с открытой выкладкой товаров и увеличении числа магазинов, применяющих данную форму торговли, говорит таблица 5, представленная Министерством торговли СССР [12, с. 97].

Широкое распространение получила торговля промтоварами с самообслуживанием покупателей [13, с. 12]. В виду очевидной экономической выгоды её поддерживали директора многих магазинов. Например, директор ГУМа Строгов на совещании при заместителе Министра торговли СССР о новых формах торговли, состоявшемся 22 ноября 1955 года, привел такие примеры: «Эта форма способствует повышению продажи таких товаров, которые обычно не идут: деревянные молотки, которые лежали на полках и продаются не более 10 штук, в этой секции [самообслуживания] продаются по 60 штук; терки из белой жести — обычно их продают 20–30 штук, а эта секция продает не менее 100 штук. Различные детали для мясорубок мы продавали на 50, на 25 рублей, а теперь эта секция продаёт их на 150 рублей, и мы вынуждены заказать промышленности их несколько тысяч штук» [14, с. 4].

Коллегу по данному вопросу поддержала директор ЦУМа Богданова: «Положение с мужскими сорочками очень плохо — мы затоварились. Мы открыли киоск сорочек с запонками, галстуками. Что же дал нам этот киоск? В целом универмаг торгует 70–80 штук сорочек, и специальная секция [самообслуживания], этот маленький киоск, 30–40 штук, т.е. 50%» [15, с. 5].

Повсеместно, где новые формы торговли были правильно организованы, кроме неоспоримых выгод, которые получало от их внедрения население, значительный экономический эффект имело государство. Увеличивалась про-

Таблица 5

Число непродовольственных магазинов государственной торговли,
работающих по образцам с открытой выкладкой товаров

	1958 год		1964 год		1964 г. в % к (по числу магазинов)	
	Число магаз.	В них раб. мест	Число магаз.	В них раб. мест	1958 г.	1963 г.
СССР	1960	14294	10879	91174	5,5 раза	117,9
РСФСР	1066	9749	6426	61730	6 раз	116,8
Украинская ССР	329	2016	2275	14720	6,9 раза	119,0
Белорусская ССР	56	360	368	3840	6,6 раза	119,0
Узбекская ССР	26	249	125	934	4,8 раза	111,6
Казахская ССР	19	96	347	2412	18,3 раза	155,6
Грузинская ССР	54	530	244	1976	4,5 раза	111,9
Азербайджанская ССР	13	44	129	726	10 раз	135,7
Литовская ССР	21	70	140	877	6,7 раза	103,7
Молдавская ССР	3	11	67	536	16,7 раза	111,7
Латвийская ССР	38	163	203	1356	5,3 раза	120,1
Киргизская ССР	5	31	37	171	7,4 раза	112,1
Таджикская ССР	30	181	48	338	1,6 раза	111,6
Армянская ССР	19	82	67	387	3,5 раза	113,6
Туркменская ССР	7	35	16	68	2,3 раза	84,2
Эстонская ССР	40	118	110	492	2,7 раза	108,9
Прочие организации	234	559	277	611	1,2 раза	115,9

пуская способность магазинов, в связи с чем на той же площади можно было делать большой товарооборот. Благодаря большей специализации персонала магазина значительно возрастала производительность труда, уменьшался штат работников, снижались издержки обращения.

Наряду с положительной стороной организации торговли по новым формам в этом важном деле имелись и серьёзные недостатки. Успех работы магазинов самообслуживания и их высокие экономические показатели зависели, прежде всего, от широты ассортимента, правильной планировки торгового зала, простого и четкого построения процесса продажи [16, с. 17].

Однако некоторые магазины самообслуживания имели более узкий ассортимент товаров, чем был в них до перехода на новую форму торговли. Например, из ассортимента многих киевских магазинов после перевода их на торговлю с самообслуживанием были исключены такие товары, как свежемороженая рыба, сыры, растительное масло, колбаса и некоторые кондитерские изделия.

Директора некоторых продовольственных магазинов самообслуживания произвольно сокращали доступ покупателей в торговый зал, что снижало пропускную способность магазинов и часто порождало очереди. Пропускная способность магазинов самообслуживания зачастую сокращалась также неправильной их планировкой, когда устраивались групповые, а не индивидуальные рабочие места контролёров-кассиров, что создавало сутолоку при расчёте за товар и затрудняло контроль за оплатой стоимости товаров всеми выходящими из магазина покупа-

телями. В ряде магазинов самообслуживания допускались большие штатные излишества, вызываемые назначением в торговый зал большого количества контролёров для надзора за покупателями.

Противники магазинов самообслуживания чаще всего выдвигали такой довод, что при подобной системе продажи нельзя обеспечить сохранность товаров. Директор ГУМа Строгов описывал ситуацию в ноябре 1955 года следующим образом: «Преимущества для покупателей очевидны, отзывы очень хорошие... Но есть одно «но». Секции эти [самообслуживания] молодые, мы второй месяц ими занимаемся, и всё время непрерывно ими приходится заниматься — крадут товар, и трудно за этим делом уследить. Мы их переучиваем каждые 10 дней... Мы ищем лучших условий контроля за материальными ценностями... На всех предметах теперь ставим штамп «продано» [17, с. 3].

Многих руководителей торговых организаций волновал вопрос о материальной ответственности продавцов и способах борьбы с недостатками из-за хищения товаров. Они в первый месяц делали скидку, а во второй — заставляли оплачивать недостатки. Но любая проверка ревизоров могла счесть это за растрату.

Директор ГУМа Строгов предложил предоставить директорам право в секциях самообслуживания производить списание в пределах от 0,01 % или 0,15 %, иначе ни одно материально-ответственное лицо не заставит туда идти [18, с. 4]. В рассматриваемый период данный вопрос решён не был, и это в определенной мере тормозило распространение форм самообслуживания в торговле.

Главная задача к середине 60^х годов заключалась в том, чтобы устранить недостатки, допущенные при организации торговли по новым формам. Основное внимание при этом должно было уделяться расширению ассортимента товаров в магазинах с прогрессивными формами торговли, простому и четкому построению процесса продажи, правильной планировке и оборудованию магазинов.

Подытоживая всё выше изложенное, необходимо подчеркнуть, что успех применения прогрессивных форм торговли в 50–60^е годы зависел от:

- правильного и широкого их применения;
- быстрой ликвидации имеющихся недостатков в практике применения прогрессивных форм торговли;
- широкого обмена опытом между отдельными и торговыми.

Практическое решение всех этих вопросов должно было облегчить и ускорить выполнение важной задачи в торговле в 50–60^е годы — широкого применения прогрессивных методов продажи товаров и обслуживания покупателей.

Литература:

1. Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960гг. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.9. М., 1986.
2. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф.195. Оп. 1. Д. 357. Л. 88.
3. Курнин Д. Широко внедрять прогрессивные формы торговли // Советская торговля. 1960. №11.
4. Соколов И. Смелее внедрять передовые формы обслуживания // Советская торговля. 1955. №9.
5. Павлов Д.В. Советская торговля в современных условиях. М., 1965.
6. РГАЭ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 357. Л. 90.
7. Игуменцев В.М., Кононов Н.Н. Советская культурная торговля. М., 1952.
8. РГАЭ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 357. Л. 92.
9. Советов К.В., Гончаров Н.Н. Комплексная автоматизация торговли. М., 1966.
10. РГАЭ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 357. Л. 94.
11. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 79. Л. 16.
12. РГАЭ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 357. Л. 97.
13. Виноградов В., Широков А. Прогрессивные формы торговли — универмагам // Советская торговля. 1962. №10.
14. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 2479. Л. 4.
15. Там же. Л. 5.
16. Кирсанов Н. Из опыта внедрения прогрессивных методов торговли в универмагах // Советская торговля. 1957. №3.
17. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д.2479. Л.3.
18. Там же. Л. 4.

К вопросу о раскрытии и расследовании уголовных преступлений в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Симбирской губернии)

Никитин Александр Александрович, аспирант
Ульяновский государственный педагогический университет

Низкая эффективность деятельности правоохранительных органов в ходе расследования уголовных преступлений послужила причиной реформирования органов правопорядка в начале XXI века. В этой связи становится актуальным изучение опыта практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений в дореволюционной России. Изучение деятельности полиции, судебных следователей Российской империи позволяет нам извлечь из опыта функционирования государственных институтов положительные и отрицательные результаты, которые могут быть использованы в ходе практической деятельности правоохранительных органов, с учетом современных реалий.

В ходе раскрытия преступлений сотрудники полицейских органов использовали оперативно-розыскные мероприятия, включавшие в себя слежку, конспирацию, негласный расспрос и другие методы. Так, в 1896 году при розыске фальшивомонетчика, сызранского мещанина Ильи Ефремова, жившего в сельце Озерки Сенгилеевского уезда, урядник Глебов, переодевшись проходящим солдатом, прибыл в населенный пункт. Там он, ознакомившись с местностью и узнав, что Ефремов в сених своего дома держит цепную собаку, которая при малейшем шорохе лаем оповещает хозяев о приближении посторонних, предположил, что ночной обыск в доме не даст желаемых результатов. И, вернувшись на следующий день с поня-

тыми и сотниками и узнав, что Ефремов находится в кузнице, Глебов произвел там задержание и обыск [1].

Немаловажную роль в принятии верного решения при проведении обыска сыграла оперативная информация, полученная урядником Глебовым путем расспросов, сбора слухов, а также личным наблюдением. Таким образом, именно работа полицейских чинов с населением и сбор сведений агентурным путем позволяли в короткие сроки раскрывать преступления.

При раскрытии наиболее запутанных, а также имеющих политическую окраску преступлений негласное дознание производилось штатными полицейскими, и секретными агентами. Например, Сенгилеевским уездным исправником в село Большая Борла был направлен секретный сотрудник для получения информации об расклейки 12-ти революционных прокламаций «Общества Борлинского союза». В ходе расспросов в Большой Борле и соседних селах агентом было установлено лицо, непосредственно участвовавшее в расклеивании прокламаций на столбах базарной площади в ночь на 5 февраля 1904 г. Им оказался крестьянин этого же села, Н.Ф. Мордашев на него указывали и иные косвенные доказательства [2].

В тоже время штатным полицейским негласным путем удалось выяснить, что в селе данное злодеяние «произведено лицами из местной среды и что сильное подозрение в совершении этого преступного деяния падает на сельского старосту Василия Люлюмова, помощника волостного писаря Ивана Мухина и крестьян того же села Варлашова, Мордашева, Коблякова, Ефимова и Корнилова» [2, л. 8 об].

Завершающей фазой при раскрытии некоторых преступлений являлась поимка виновных лиц. Розыск преступников был связан с целым комплексом оперативно-розыскных мероприятий и привлечением информационно-справочных данных.

В ходе розыска особо опасных преступников, канцелярия губернатора предписывала уездным исправникам установить особое наблюдение в местах жительства бежавших и ближайших окрестных селениях. С предписанием высылались описание личности и примет преступников: принадлежность к сословию, место жительства, возраст, рост, цвет волос, глаз и лица. От исправников распоряжение поступало становым приставам и уже они предписывали произвести розыск всем волостным правлениям стана. При обнаружении разыскиваемого лица производился арест, а в случае отрицательного результата составлялся акт о том, что «никого из них по розыскам не оказалось» [3].

В ходе производства предварительного следствия судебные следователи имели право давать распоряжения полиции по розыску виновных лиц и руководить их деятельностью. Так, судебный следователь 2-го участка Маушкин сообщал в мае 1892 года, что полицейский урядник 12-го участка 2-го стана Буинского уезда Н. Иванов «неоднократно способствовал открытию виновных по таким делам, которые считались безнадежными» [4].

В исследуемый нами период расследование уголовных преступлений производилось в форме дознания и предварительного следствия.

Расследование уголовных преступлений в форме дознания полицейскими органами производилась только в двух случаях. Во-первых, если признаки преступления были сомнительны или информация была получена из недостоверных источников, при таких обстоятельствах, полицейские органы должны были удостовериться посредством дознания «действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления». Во-вторых, когда «ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте» [5]. Анализ архивных источников позволяет нам с уверенностью говорить о том, что в подавляющем большинстве случаев именно сотрудники полиции осуществляли первоначальное расследование противоправных деяний. Так как у судебных следователей не было возможности своевременно реагировать на донесения полицейских служащих, ввиду интенсивной работы по расследованию преступлений.

Дознание осуществлялось с некоторыми процессуальными особенностями, сведения собирались посредством розыска, расспросов и негласным наблюдением, при этом не производилось «ни обысков, ни выемок в домах» [5].

После производства формального дознания материалы направлялись в следственные органы. К примеру, пристав 2-го стана произведя дознание о покушении на ограбление близ села Чертановки, совершенное в ночь на 10 июля 1912 г., направил дело судебному следователю 2-го участка Сенгилеевского уезда Симбирской губернии [6]. В иных случаях при незначительных преступлениях дознание направлялось в волостной суд, при краже не большой суммы денег [6, л. 123].

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что в практической деятельности органов следствия, максимальное число предварительных следствий возникало при сообщениях полиции о преступных деяниях, не большое количество следственных действий начиналось по предложению прокурора или его товарища, жалобам потерпевших лиц и иным поводам [7].

После получения сведений о преступном деянии, следователь отправлялся к месту преступления для совершения осмотра и освидетельствования в присутствии понятых.

В ходе осмотра сотрудники следственных органов старались в полной мере исследовать признаки преступления, а также «местность и предметы, окружающие следы преступления». К примеру, в ходе расследования совершенных краж с взломом в селе Шиловка Симбирского уезда, в июле 1870 г., судебный следователь Н.А. Ляхов при осмотре строений потерпевших Юкиной и Бороденковой, выявил, что у первой «...ход в избу со двора через сени, имевшие одну крышу с избой, между стеной сеней и крышей нашлось отверстие, в которое человек мог свободно пролезть...», предположительно преступник, у

второй «...на одном из окон избы выходящих во двор, выставлена рама, через отогнутые гвоздей, прикреплявших ее...» [8]. В итоге, осмотр позволил следователю установить, каким путем злоумышленники проникли в дома.

В сложных делах, в которых следователи не могли самостоятельно произвести осмотр или освидетельствование, приглашались эксперты «для точного уразумения, встречающегося в деле обстоятельства», — ими выступали специалисты в области науки, искусства, ремесел, промыслов или каких-либо иных занятий. К примеру, в случае необходимости проведения почерковедческой экспертизы судебные следователи приглашали в качестве экспертов преподавателей чистописания, рисования и черчения, помимо их, по признанию министерства юстиции, следователи также могли обращаться к лицам, которые по своей профессиональной деятельности могли считаться специалистами по сличению подчерков. К таковым относились столоначальники, делопроизводители, секретари, владельцы типографий и литографий [9, с. 38].

В ходе расследования религиозных преступлений существовала практическая необходимость в привлечении экспертов для разъяснения различных нарушений церковных правил и других спорных положений. Подобным примером может служить производство предварительного следствия по обвинению крестьян с. Кабаева Алатырского уезда в венчании православных девушек по обряду молоканской секты. На данном процессе в качестве эксперта был привлечен профессор Ивановский. Благодаря его показаниям, было установлено, что «секты молокан и жидовствующих не могут быть отнесены к разряду сект соединенных со свирепым изуверством, о которых упоминается в ст. 197 Уложения [о наказаниях] и 1007 УУС» [10].

При расследовании преступных деяний органы следствия для поиска виновных лиц или вещественных доказательств преступления, при достаточных на то основаниях, производили обыски и выемки в домах и иных помещениях. В ряде случаев именно результаты произведенных обысков, а также свидетельские показания служили основанием для окончания следственных действий и направления материалов дела в прокуратуру.

Так, в ходе предварительного следствия по делу о кражах вещей у Юкиной и Бороденковой, по показанию Батовой, в качестве обвиняемой была привлечена крестьянка Анна Ивановна Причеснова. Однако произве-

денный у неё обыск не дал положительных результатов — не найдено ни одной из украденных вещей. Допрошенные по данному уголовному делу свидетели, крестьяне села Шиловка, дали показания в пользу защиты обвиняемой «...Причеснова поведения хорошего и ни в чем дурном не замечена». Сама Анна Ивановна виновной себя не признавала и в подтверждении своих слов приводила отрицательные результаты обыска. Материалы дела по произведенному следствию были направлены прокурору Симбирского окружного суда Т.П. Сольскому, который постановил: «...за отсутствием других каких-либо улик не достаточных для привлечения Причесновой к ответственности за кражу — следствие прекратить» [11].

Исследование материалов уголовного дела позволяет нам заключить, что судебные следователи, в соответствии с нормами законодательства, обращали свое внимание на все обстоятельства совершенного преступления и доводы обвиняемого лица, оправдывающие его, которые сотрудник следственного органа не игнорировал, а подвергал проверке.

Для успешного завершения предварительного производства судебные следователи по своему усмотрению определяли количество свидетелей, которых необходимо было опросить. Так, при выявлении невинности Причесновой было привлечено 6 свидетелей, что отражено в протоколе допроса [11, л. 19 об].

Следует отметить, что отдельный протокол составлялся при каждом значимом процессуальном действии следствия. Учитывая то, что в делопроизводстве у некоторых следователей в течение года находилось от нескольких десятков до двухсот и более следствий, то в реальности на судебных следователей возлагался огромный письменный труд, а должности секретаря отсутствовали, что и отмечали дореволюционные исследователи как упущение в законодательстве [12, с. 462]. Подобное положение дел, несомненно, приводило к не большим задержкам производства следствий.

Таким образом, деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию уголовных преступлений можно признать положительной. А немало важным фактором успеха следственной работы являлась степень взаимодействия следователей с другими правоохранительными и экспертными органами, которые способствовали быстрейшему и эффективному делопроизводству.

Литература:

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 448. Л. 2.
2. ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 197. Л. 8, 15а об, 16, 21.
3. ГАУО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 238. Л. 3–4, 10.
4. ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 24. Л. 81.
5. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X — XX веков. — Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. — С. 145.
6. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1827. Л. 1.
7. ГАУО Ф. 454. Оп. 7. Д. 13. Л. 9, 10, 48.

8. ГАУО. Ф. 1. Оп. 52. Д. 19. Л. 2 об.
9. Галкин А.Г. Общественное значение оптимизации взаимодействия судебных следователей с судебными и правоохранительными органами российской империи (1864–1890-е гг.) // Вестник Чувашского университета. 2011. – №2. – С. 38.
10. ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 4. Л. 5 об.
11. ГАУО. Ф. 1. Оп. 52. Д. 19. Л. 19–19 об.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х т. СПб., 1912. – Т. 1.

Политическая обстановка и менталитет населения Башкирской АССР во второй половине 1960–1970-х годов

Николаев Олег Сергеевич, аспирант

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

Ключевые слова: политический менталитет, БАССР, КПСС, инакомыслие.

Политический менталитет любого народа всегда был связан, прежде всего, с опытом, повседневной жизнью и включал различные представления о политической реальности, все возможные политические установки. Понятие «политический менталитет» в нашей стране стало широко использоваться в 1990-е гг. в различных отраслях социально-гуманитарного знания. На политический менталитет, несомненно, оказывают влияние национальный характер, исторические традиции, особенности социальной психологии группы, конкретные политические события и различные веяния времени. Менталитет в политике — совокупность устойчивых, общераспространенных в той или иной группе представлений, выражающих особое видение принадлежащими к ней людьми политической и социальной реальности. Объединяя рациональные и подсознательные, чувственные и логические, ценностные и иные воззрения, менталитет выражает характер, образ, способ группового политического мышления, характеризует состояния умонастроений и устойчивых ориентаций соответствующих субъектов политики.

Общественно-политическая жизнь Башкирской АССР, как и в целом всей страны, была довольно противоречивой и сложной. Во-первых, еще с начала 1960-х гг. происходил морально-политический подъем в обществе, наступивший в результате решения XX съезда КПСС об осуждении культа личности Сталина, и на сознание народа по-прежнему оказывало влияние величие победы над фашистской Германией. Небольшой оптимизм у населения внушали успехи в восстановлении и развитии сельского хозяйства, заметные изменения в жизни города и деревни, в стремлении строительства коммунизма [2]. Во-вторых, именно в этот период происходит дальнейшее укрепление административно-командных методов управления, а проводимые реформы оказались половинчатыми, непоследовательными и от них постепенно отказываются. В обстановке расширяющегося разрыва между словом и делом

формируется целое поколение советских людей, причисляющих себя к «детям XX съезда», которое видело свое предназначение в повседневной конструктивной работе на благо Отечества. Одной из распространенных форм критического осмысления действительности становятся обращения граждан в различные инстанции, прессу, на радио [3].

Однако движения на всех направлениях общественного прогресса ощутимо замедляется, все более видными становятся застойные, кризисные явления, связанные со строительством «развитого социализма». Наглядно это проявилось в решениях XXI и XXII съездов КПСС, наметивших построение коммунизма уже к 1980-му году. Вот как по этому поводу высказывался Никита Хрущев в своем докладе: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!», «К концу 1965 года у нас не будет никаких налогов с населения» [5, с. 97]. На что Александр Солженицын тонко подметил: «Давно я не помнил такого интересного чтения, как речи на XXII съезде!» [6, с. 146].

Пройдет немного времени и многие увидят очевидную нереальность и утопичность таких программных установок. Намечается «реанимация» со второй половины 1960-х гг. некоторых черт сталинизма — усиление преследования инакомыслящих, нарастала отчужденность трудового населения от собственности и как следствие их незаинтересованность в развитии общественного производства.

Встав у руля государства, Л.И. Брежнев свертывает еле наметившихся демократических преобразований. В республике, как и во всей стране, были восстановлены прежние структуры управления: парторганизации усиливают контроль за деятельностью промышленных объектов, администрацией колхозов и совхозов, научных, культурно-бытовых и других учреждений. Верховный Совет, Совмин БАССР находились в полном подчинении

обкому партии и поэтому «первым лицом» республики считался первый секретарь Башкирского обкома КПСС. С 1967 г. Башкирскую партийную организацию возглавил М.З. Шакиров, который сохранил за собой обязательность исполнения всех решений и директив партии.

Большую значимость в данный период в общественно-политической жизни республики приобрели различного рода юбилеи, которые зачастую были привязаны к тем или иным революционным событиям. Например, 1967 год проходил под знаком 50-летия Октябрьской революции, 1969 год — 50-летия образования Башкирской АССР, 1970 год — 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Парторганизация республики активно использовала эти даты для «дальнейшего улучшения коммунистического воспитания трудящихся». Эти «знаменательные даты» всегда сопровождались не только массовыми митингами, но и награждением орденами и медалями не только отдельных граждан, но и самой республики. В 1969 г. Башкирская АССР была удостоена ордена Октябрьской революции, в 1972 г. — ордена Дружбы народов, и тем самым стала «четырежды орденоносной» [1].

«Орденomanия» в годы правления Л.И. Брежнева тоже была своеобразным атрибутом политической жизни страны. Происходила массовая раздача наград, в том числе золотых звезд «Героя Советского Союза» и «Героя Социалистического труда» прежде всего партийным руководителям, в то время когда общество переживало острый политический кризис.

В начале 1970-х гг. высшее партийное руководство СССР решило, что настало время для принятия новой Конституции. Считалось, что в нашей стране решены все задачи строительства развитого социализма и трудящиеся приступили к «решению задачи коммунистического строительства». 7 октября 1977 г. была принята новая Конституция СССР, а параллельно этому событию, в июне

1977 г. Верховный Совет БАССР образовал комиссию по подготовке проекта Конституции Башкирской АССР, которая завершила свою работу уже в 1978 г. Структура и содержание Конституции БАССР совпадали с Конституцией РСФСР и СССР. В статье 6 Конституции говорилось: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является КПСС» и скептически воспринималось положение о том, что «КПСС существует для народа и служит народу». Хотя в новой конституции были отдельные статьи о расширении политико-правового положения республики, на практике республика по-прежнему была лишена элементарной политической и экономической самостоятельности и тоталитарно-бюрократическая система управления оставалась без изменения. Даже самый незначительный вопрос в республике решался с согласия Москвы. Избирательная система сохраняла суть сталинской системы с ее вопиющим формализмом порядка проведения выборов [4].

В конце 1970-х г. широкая общественность, хотя и скрыто стала проявлять недовольства, как экономическими неурядицами, так и деятельностью партии, установившее свое безраздельное господство. Но на страже у руководства была могущественная сила в лице карательных органов, прежде всего КГБ. Многочисленные ее сотрудники были внедрены в научно-исследовательские учреждения, ВУЗы, предприятия и недовольство зачастую «рубилось на корню». Всесилие КГБ еще один неприменный атрибут общественно-политической жизни БАССР тех застойных лет.

Таким образом, к началу 1980-х гг. Башкирская АССР, как и страна в целом находилась на пороге глубокого кризиса, охватившего не только сферу экономики, но и всю политическую систему с ее «загнивающими традициями», порожденную тоталитарным режимом.

Литература:

1. История Республики Башкортостан. URL. <http://www.virtan.ru/02-respublika-bashkortostan/istoriya-respublikibashkortostan>
2. Республика Башкортостан. URL. http://www.bashkortostan.ru/bashkortostan/history/?SHOWALL_1=1
3. Общественно-политическая жизнь Республики Башкортостан. URL. <http://www.igpb.ru/forum/18-43-1>
4. Идеология и Политика: Башкирию ожидает номенклатурный переворот // Идеология и политика. URL. <http://www.rb21vek.com/index.php?newsid=101>
5. Материалы XXI съезда КПСС. М., Госполитиздат, 1959. С. 97–98.
6. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1962., Т2, С. 145–146.

Специфика внутренней торговли Старого города Ташкента (1865–1917 гг.)

Савицкая Надежда Алексеевна, соискатель

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Ташкент — столица Республики Узбекистан — имеет интереснейшую историю длиною более чем в 2200 лет. На протяжении всего этого времени город был связан с торговлей, это и транзитные международные пути (Великий шелковый путь), и места стоянки купцов (караван-сарай), множество мастерских с искусными мастерами, работа которых ценилась далеко за пределами города, а также многочисленные красочные базары. Крупные городские базары с давних времен и по сегодняшний день являются одними из главных достопримечательностей города и показателем достатка и благополучия Республики.

В истории города особый интерес представляет царский колониальный период (1865–1917 гг.), когда появились такие понятия как Старый и Новый Ташкент. После захвата Российской империей территорий Центральной Азии и образования Туркестанского генерал-губернаторства, Ташкент был избран столицей Сырдарьинской области (всего было три области: Сырдарьинская, Ферганская и Самаркандская) [15, с. 320–346]. В столице были сосредоточены основные подразделения административной царской власти.

Изначально Старый город Ташкент (Эски Ташкент) был обнесен оборонительной стеной, протяженностью более 21 км [6, с. 405] с 12 воротами и не располагал территориальными ресурсами для постройки новых муниципальных зданий и жилья для нового приезжего европейского населения. С этой целью часть оборонительной стены, около Кокандской цитадели, была снесена, и рядом с городом быстрыми темпами возводился Новый город, в 1895 году [9, с. 43] Ташкент получил официальное разграничение на Старый и Новый город, границей между ними была река (арык) Анхор.

Город был крупным торговым центром, только если в Новом городе Ташкенте больше были развиты такие сферы торговли как Торговые Дома, Торговые Товарищества, магазины, фабрики и прочее, то в Старом Ташкенте — это были крупные и мелкие базары, торговые улицы, бесчисленное количество арб, нагруженных сельскими продуктами, мастерские, отдельные ларьки, чайханы. П.А. Маев в одной из своих статей писал: «Общий вид азиатского Ташкента не имеет резких отличий от других азиатских городов, те же узкие не мощные улицы, по обеим сторонам которых тянутся глиняные стены домов и заборов, те же плохие и поломанные мостики через арыки, протекающие поперек улиц, и только часто встречающиеся базарчики оживляют однообразную картину» [7, с. 287].

Рассматривая специфику внутренней торговли Старого города Ташкента можно обоснованно утверждать, что основная часть коренного населения в той или иной мере была задействована в торговой сфере (торговля,

кустарное производство и пр.). В подтверждение данного высказывания приведем данные о специализированной занятости каждого уголка Старого города и всевозможных способах заработка на территории базара и за его пределами, которые были развиты в царский колониальный период.

Старый город Ташкент состоял из узких переплетенных улочек, многие из которых заканчивались тупиком, и был разделен на четыре части — даха [19, с. 80]: Шайхантаур; Бешагач; Кукчи; Себзар (Сибзар). Новый город Ташкент состоял из двух частей.

В Шайхантаурской части города было 48 махаллей (квартал) [6, с. 405]. Согласно статистическим материалам полковника генерального штаба Л.Ф. Костенко в 1880 году, в этой части города проживало примерно 10 194 человек. Одна из махаллей — Гоукуш была занята литейщиками чугунных котлов (казанов) [7, с. 290]. Но основным родом занятости здесь было ткачество местной хлопчатобумажной ткани, которая здесь называлась маты (буз, бязь). В 1870-х годах здесь насчитывалось до 567 подобных специализированных мастерских.

В городской части Бешагача было 32 махалли и проживало 12 450 человек, здесь преимущественно занимались изготовлением кирпичей.

Себзарская часть состояла из 38 махаллей, с населением 18 650 человек. Основными направлениями мастерства Себзарской части заключалось в сапожном деле, ткачестве и покраске тканей. В Себзарской и Бешагачской частях города было наибольшее число торговых точек и специализаций товара [20].

Кукчинская часть состояла из 31 махалли с численностью населения — 22 088 человек. В 1871 году в этой части города было 695 мастерских, из них: 341 кожаных мастерских, 218 сапожных [7, с. 265] и 136 других специальностей. По центральной дороге, которая из этой части города вела к главному городскому базару Чорсу, велась «кочевая торговля». Здесь останавливалось бесчисленное количество арб (повозок) до 200 единиц [21] с привозными арбузами, дынями и другими сельскими товарами. Подобная торговля велась практически у всех городских ворот, хотя не раз подобную торговлю пытались запретить, разрешая торговлю только у определенных ворот.

На центральных дорогах, которые вели к главному базару Чорсу, тянулись вереницы торговых и сервисных «пунктов»: мастерские, цирюльни, торговые лавки, чайханы и прочее. Многие лавки на этих дорогах были сделаны из первого этажа жилого дома.

Ташкент был одним из связующих звеньев в торговом пути между Оренбургом и Туркестаном. На базарах Таш-

кента была сконцентрирована оптовая торговля привозного товара из других стран. Уже отсюда купцы скупали привозной товар и вывозили его на продажу в другие города Туркестанского края по более высокой цене, например, в Бухару из Ташкента везли чай, фарфоровые чашки, чугунные и стальные изделия и много другого [18, с. 176].

О точном количестве торговых лавок в Ташкенте вопрос спорный, так например, согласно отчетной записке коммерческого агента С.Н. Трубочанинова, в конце 1860-х годов в Ташкенте было 3 000 торговых лавок, 20 караван-сараев и крытых базаров [8, с. 4]. А.К. Гейнс в этом статистическом вопросе подчеркивает следующий момент: «аксакалы, узнав слух о том, что появится дополнительный подоходный налог, старались уменьшить и число лавок в своих рядах, и сумму, на которую они продают товар ежегодно» [16, с. 522]. В последующем, путешественник М. Достоевский приводил данные о том, что главный базар города состоял из 4500 лавок [5, с. 4].

Описания главного базара у многих путешественников, исследователей конца XIX — начала XX вв. схожи: «... и мы на базаре, в этом сердце азиатского города. Бесконечный лабиринт. Все улицы и переулки перекрыты навесом из нетолстых жердей, поверх которых кое-где набросана солома.».. [1, с. 254], «Главный базар лежит в самой середине города. Это ... лабиринт маленьких лавочек ..., крытою по балкам, перекинутым с крыш одной стороны на другую, соломою, хворостом, матами и пр» [16, с. 178].

Как правило, лавочные торговцы были наемными, либо снимали лавку в аренду. Торговые лавки различались по объему, но по строению были однотипными, они состояли из трех стен и двери [10, с. 434], это могла быть одна створка, которая подпиралась палкой, либо как обычные двухстворчатые двери. Лавки были небольшого размера, внутреннего пространства хватало только для товара и продавца, хотя, в большинстве случаев, продавец стоял около входа в свою лавку [3, с. 37].

Мастерские отличались от торговых лавок лишь внутренним пространством, в зависимости от специализации. В Туркестанском крае Ташкент был крупным центром кустарной промышленности [13, с. 3], количество мастерских по городу, о которых упоминалось выше, ярко свидетельствуют об этом. Кустарный промысел зависел от сезонного спроса, занятости работников и прочих факторов. Например, в теплые сезоны в основном были заняты изготовлением кирпичей, гончарных изделий, когда глина могла быстро и качественно просохнуть. Глина считалась особым материалом для местного населения, благодаря оптимальным природно-географическим факторам, глина занимала лидирующее место по использованию в хозяйственной и художественной деятельности коренного населения [17, с. 8]. Изготавливали из глины практически всё, от крепких кирпичей и печек (тандыр) до изящных ваз, а также делались игрушки, светильники и многое другое.

В основном мастерские были сосредоточены в центральной части базара. В мастерских рядах изготавливали

товар, где его и продавали, производили починку аналогичных предметов. Товар изготавливали как в больших количествах, так и в единичных — на заказ. Это отделение базара было одним из самых шумных. А.Кауфман об этих рядах писал следующее: «Громкий стук молотков по металлу привлекает внимание к медному ряду: несколько десятков лавок, где куют медные изделия, делают из них высеки, лудят. В токарном ряду на глазах у всех точатся и отделяются ручки для бритв, детские люльки и всякие деревянные изделия. Рядом изготавливаются деревянные гребни, которые выпиливаются вручную пилой» [1, с. 256].

Большим спросом пользовались мастерские по починке и производству арб, которых в городе насчитывалось более ста единиц [14, с. 233]. К началу XX века арбы являлись главным, и единственным, транспортом, как грузовым, так и для обычных перевозок людей по городу.

На базаре и в отдельных мастерских по городу можно было встретить ювелирных мастеров (которые в основном делали украшения из серебра); мастеров по изготовлению бешика (детская люлька) и многие другие. Еще одним видом мастерских, которых было значительно меньше, были мастерские по починке фарфоровой посуды. Любопытен и тот факт, что узбекское название фарфоровой посуды — чини, обозначает ни что иное, как — China (Китай) [12, с. 413], откуда она привозилась.

Кроме того местное население занималось еще шелководством, ткачеством бумажных, полушелковых и шелковых материй.

Самым неотъемлемым пунктом на базаре, да и среди улиц города, были чайханы. Чайханы превышали значимость простого желания утолить жажду, это был пункт отдыха и душевного общения с короткой молитвой с братьями. В основном, отдыхающие располагались на топчанах компаниями, схожими по возрасту и интересам. Чайханы были единственными лавками, которые никогда не пустовали.

На базаре продавали большое разнообразие лепешек. Они были разного типа и отличались по своей форме и вкусу. В хлебной пекарне (лепешечной) всегда трудилось по несколько человек.

Базары были открыты только в светлое время суток — от восхода солнца до заката, чтобы избежать попыток обмана сбыть некачественный товар в темноте [2, с. 89]. Исключением являлись дни уразы, в эти дни вся общественная жизнь была полностью сосредоточена на базарах города. «Население стотысячного города, воздерживалось от пищи в течение дня, а с наступлением вечера являлось в чайханы и харчевни, и тут шло веселье до самого утра» [4, с. 213]. Это был период ночных базаров — башраб [11, с. 86].

Еще одна группа людей, желающая заработать на базаре, были — дервиши, которые ходили по рядам с курильницей, считалось, что тем самым они изгоняли злых духов и болезни, за это им платили, каждый, сколько считал это нужным.

Если в Европейских странах, торговля больше велась в магазинах и прочих заведениях, то в городах Средней Азии это всегда были шумные базары с большим количеством продавцов и покупателей, открытым товаром, активным торгом и общением. Это было связано с тем, что согласно постулатам шариата — торговлю можно было производить только в общественных местах — на людях. Э.С. Вульфсон об этом писал: «никакая торговля купля-продажа не могла происходить заглазно — на дому, сбываемый товар, всегда должен был быть налицо. Кроме того, Коран советует, — при совершении торговых сделок приглашать двух свидетелей, которых не всегда можно было найти на дому» [2, с. 89–91]. На базаре всегда находились люди, желавшие заработать в роле свидетелей. «Свидетели» искали крупную сделку

купли-продажи и вовремя подоспевали к ним. В такой сделке при свидетелях должны были прозвучать ключевые вопросы: «Продал? Купил?» после чего сделка считалась совершенной. «Свидетели» за это получали вознаграждение и удалялись в поисках новой сделки. Мелкие покупки не требовали такого засвидетельствования.

Помимо всего вышеперечисленного был широкий спектр других видов занятости, от искусного мастерства пошива и вышивок национальных костюмов, до более трудоемкой работы — мельники, кузнецы и др.

Подводя итогу, можно обоснованно утверждать, что рыночная торговля, базары, мастерские, ежедневный труд были неотъемлемой частью повседневной жизни коренного населения Старого города Ташкента.

Литература:

1. Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник / Сост. преподавателями географии А. Кубером, С. Григорьевым и др. — М., 1905. — 626 с.
2. Вульфсон Э.С. Где на Руси какой народ живет и чем промышляет. Как живут сарты. — М., 1908. — 119 с.
3. Гейер И.И. Весь русский Туркестан. — Т., 1908. — 308 с. + прил.
4. Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. — Т., 1901. — 255 с.
5. Достоевский М. Старина и быт Средней Азии. — М., 1917. — 61 с.
6. Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. — СПб., 1880. Т. I. — 452 с.
7. Маев П. Азиатский Ташкент // Материалы для статистики Туркестанского края. Под ред. Н.А. Маева. — СПб., 1876. Вып IV. — С. 260–313.
8. Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию. — СПб., 1869.
9. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Городское управление. — СПб., 1910. — 483 с.
10. Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, Тайного Советника Гирса. — б.м, б.г.
11. Пулатов Х.Ш. Архитектурно-планировочная структура старого Ташкента (конец XIX начало XX веков) // Дис. ...Ташкентский архитектурно-строительный институт. — Т.: ТАСИ, 1994. — 185 с.
12. Реклю Э. Россия и европейская и азиатская. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. — СПб., 1884. Том II. — 704 с.
13. Сборник статистических материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. — Т., 1899. Т. 7. — 150 с.
14. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Издание Сыр-Дарьинского областного Статистического комитета. // Под. ред. Гейера И.И. — Т., 1900. Т. 8. — 247 с.
15. Собрание законов Российской империи. Собрание третье. // Законы 1886 июнь (3814). — СПб., 1888. Т. VI.
16. Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. — СПб., 1898. Т. 2. — 743 с.
17. Туркестан в старых фотографиях и керамике. Материалы выставки / Составитель и ответственный редактор Мкртычев Т.К. — М., 2000. — 64 с. ил.
18. Ханьков Н. Описание Бухарского ханства. — СПб., 1843. — 281 с.
19. Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. — СПб., 1876. — 533 с.
20. ЦГА РУз Ф. Р-2231, оп.1, д.146, л.115–120.
21. ЦГА РУз Ф. И-718, оп.1, д.19, л. 370 об.

Ишим в годы Великой Отечественной войны (на примере фондов Ишимского историко-краеведческого музея)

Филиппов Алексей Александрович, студент

Научный руководитель Любимов А.А., кандидат исторических наук, доцент

Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова (Тюменская обл.)

В 2013 году отмечается 70 лет со дня окончания Сталинградской битвы, в связи с чем, с теми великими и ужасными днями войны, являются вновь актуальными вопросы о том, что содержит в своих фондах Ишимский историко-краеведческий музей. Интерес у меня появился ещё в дни моей практики. Ведь материальные предметы истории больше всего возбуждают интерес посетителей музея. А сколько ещё всего сокрыто в фондах.

22 июня 1941 г. ишимцы, как и все жители Омской (с 14 августа 1944 г. Тюменской) области, узнали о нападении нацистской Германии на Советский Союз. Тогда же была объявлена всеобщая мобилизация. Уже в ночь с 22 на 23 июня в Ишим поступает телеграмма от наркома обороны маршала Тимошенко «О призыве из запаса лиц среднего, младшего и рядового состава» [1].

В первый день войны со всего города и его окрестностей на центральную Октябрьскую площадь пришло около 8 тысяч ишимцев. Митинг открыл председатель горсовета С.Н. Андреев. Он передал призыв Советского правительства ко всем трудящимся сплотиться в годину тяжелых испытаний, работать спокойно и еще более производительнее, быть бдительными [3, с. 32].

Выступавшие на митинге представители городской общности выразили уверенность в том, что рабочие, служащие города смогут решить самые трудные задачи, своим трудом будут помогать Красной Армии громить врага. Здесь же была принята резолюция, в которой участники выразили готовность защищать грудь границы Советского государства, призывали к повышению производительности труда, наведению образцового порядка на предприятиях, укреплению хозяйственной и оборонной мощи страны. Митинги также прошли на предприятиях и в организациях города. Многие в состоянии патриотического порыва сразу же записывались добровольцами на фронт: в общей сложности было подано около 100 заявлений, в т.ч. 34 от женщин [3, с. 32].

Не велик город Ишим. Это лишь небольшая частица необъятной нашей Родины, но заметен и значителен его вклад в нашу общую победу над фашизмом. Трудящиеся Ишима в годы тяжёлых испытаний проявили высокое чувство патриотизма, мужества, героизма и самоотверженности на фронте и в тылу. Тяжелыми не только материальными, но и людскими потерями была оплачена Победа в войне. Так, на фронте сражались около 26 тысяч ишимцев. Не вернулись с войны 5280 человек. Особенно тяжелые потери понесла мужская часть сельского населения. Например, из колхоза им. А. Матросова ушло на войну 120 человек, из них 50 не вернулись. Из 500 при-

званных новолоктинцев 200 человек погибли. И так в каждой деревне, селе, колхозе [3, с. 36].

В Сталинградской битве участвовала 229 стрелковая дивизия, которая была сформирована под Ишимом. Личный состав под руководством подполковника А.Г. Сабурова располагался на территории бывшего пионерского лагеря в Сеницынском бору. Основное ядро дивизии составили призывники 1921–1923 гг. рождения из Омской, Новосибирской и других областей Сибири, что послужило поводом появления в ее названии эпитета «Сибирская». Младший комсостав формировался главным образом из учебных батальонов кадровых частей Сибирского и Забайкальского военных округов, а средний из Омского, Свердловского, Куйбышевского общевоинских и специальных военных училищ. В начале мая 1942 г. дивизия поступила в резерв Главного Командования и начала двигаться в район расположения первой резервной армии генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова. 229 стрелковая дивизия сражалась на фронтах: Западном, Сталинградском, Волховском, Ленинградском, 3-м Белорусском, 1-м Украинском. Участвовала в Смоленском сражении под Москвой, Сталинградом и Ленинградом, в Новгородской, Псковско-Островской, Тартуской, Рижской, Висло-Одерской, Верхне-Силезской, Берлинской и Пражской операциях [1].

В августе-октябре 1941 г. в Сеницынском бору г. Ишима была сформирована 384 стрелковая дивизия и её 1272 стрелковый полк. В первой половине ноября 1941 г. дивизия была отправлена на фронт, где была включена в состав 11 армии Северо-Западного фронта. В феврале 1942 г. 384 стрелковая дивизия принимала участие в боевых действиях. Она получила приказ перейти в наступление и прорвать оборону противника, которая проходила по насыпи железной дороги в 4 км, западнее города Старой Руссы и овладеть станцией Муравьево. 12 дней дивизия проводила лобовые атаки в одном и том же месте, немцы отбивали их сосредоточенным огнем. Бойцы и командиры дивизии сражались героически, но с поставленной задачей она не справилась, понесла огромные потери. 2 декабря 1942 г. приказом главнокомандующего Северо-Западным фронтом маршала Тимошенко 384 стрелковая дивизия была расформирована [1].

В 1941 г. 65-я стрелковая дивизия, часть которой дислоцировалась в Ишиме, была направлена на Волховский фронт, где принимала участие в освобождении города Тихвина. За отличия в боях дивизия в дальнейшем была преобразована в 102-ю гвардейскую, получила почетное наименование «Новгородско-Померанской», на-

граждана орденами Красного Знамени, Суворова II степени и Красной звезды [1].

Отважно воевали сибиряки, в том числе ишимцы, на фронтах войны. Немало героических подвигов совершили они во имя защиты Родины и победы над жестоким фашистским врагом. Многие тысячи фронтовиков-ишимцев были награждены боевыми орденами и медалями, а десять из них удостоены звания Героя Советского Союза.

Скупые строки боевых характеристик, рассказов, воспоминаний дают известное представление о совершенных подвигах. Большую значимость в освещении ратного подвига ишимцев имеют выставки, организованные сотрудниками городского

На выставке «Поезд времени, XX век», под экспонаты, посвященные городу в военное время, музеем отведено 2 «купе». В них представлены предметы помощи фронту.

Ишим с первых дней стал всеми силами снабжать фронт. Местные предприятия направили свои силы на помощь фронту: Ликероводочный завод — выпускал мазь от обморожения, рабочие завода выпускали, отливали корпуса для мин и минометов, артель им. Ильича (швейная фабрика) выпускала фуфайки, брюки и рукавицы. Пикокатная мастерская изготовляла валенки для фронта и другую обувь [1]. На выставке представлены снаряды, мины, и мазь от обморожения.

Вскоре начались массовые эвакуации жителей территорий, попавших в зону военных действий. Из блокадного Ленинграда в Ишим прибыло 9 тысяч жителей. Ишимцы с пониманием и теплом относились к приезжающим: их принимали и отдавали им свои дома. Беда спланивала весь народ.

После начала военных действий в г. Ишим была осуществлена эвакуация промышленных предприятий из Европейской части СССР.

В сентябре 1941 года прибыл завод из Ленинградской области г. Лодейное поле. Через 1,5 месяца Ишимский завод автоприцепов начал выпускать полевые автокухни. В настоящее время это завод Машиностроительный. На выставке имеется макет полевой автокухни.

В 1942 году в Ишим была эвакуирована Обувная фабрика из г. Зарайска Московской области. В Ишиме фабрика расположилась по различным зданиям (здание бывшего Госбанка, магазин-школа, торговые ряды). Фабрика выпускала чуваки для госпиталей, рабочие ботинки на деревянной подошве, меховые тапочки. В «купе» представлены образцы обуви.

В 1942 году в Ишим прибыло оборудование завода из г. Куйбышева и его расположили на базе механических мастерских. Так возник Механический завод.

В 1941 году в Ишим прибыл Херсонский авторемонтный завод. На базе этих ремонтных мастерских возник завод «Автозапчасть» (ныне «Ишимсельмаш»).

Главной рабочей силой на заводе были юноши и девушки 15–17 лет. Работа вся выполнялась вручную. [1] Выставка дает представление о об организации производ-

ства на оборонных предприятиях города. Выставка так же предлагает увидеть медали и письма фронтовиков.

В начале войны Советская армия оставляла города и села, отступала вглубь страны. Руководство Германии поставило себе цель — захватить Сталинград (ныне Волгоград), выйти к Волге, откуда открывались большие возможности по захвату Советского Союза. Поэтому удержать Сталинград — стало первоначальной задачей для наших воинов. [1]

Под руководством подполковника Сабурова Арсения Гордеевича 8-го января 1942 года была сформирована 452-я стрелковая дивизия, которую переименовали в 229-ю. Это было второе формирование знаменитой дивизии, участвовавшей в Сталинградской битве, первое формирование было разбито в Смоленском сражении.

Основное ядро дивизии составили призывники 1921–1923 годов рождения Омской, Тюменской, Новосибирской и других областей Сибири, что послужило поводом появления в ее названии эпитета «Сибирская». Более двух тысяч рядовых были призваны после досрочного освобождения из мест заключения. Младший состав формировался главным образом из учебных батальонов кадровых частей Сибирского и Забайкальского военных округов, а средний из Омских, Свердловских, Куйбышевских общевоинских и специальных военных училищ. [2]

Местные органы здравоохранения сыграли большую роль в подборе медперсонала. Младший медперсонал почти целиком был укомплектован из девушек, окончивших курсы медсестер, и по путевкам Омского, Ишимского, Бердюжского, Казанского и других райкомов добровольно пришедших на службу в армию [1]. В «купе» выставки имеются медицинские приборы подчеркивающие важность и значимость медицинского персонала. В Ишиме, за время войны располагалось, четыре госпиталя.

На выставке представлено платье Е.Ф. Бродо, которое было сшито в годы войны.

Но выставка это все что имеется в музее. Музей располагает научными и газетными статьями, и историческими справками. Они посвящены: боевым путям 229-й и 384-й стрелковым дивизиям, землякам-героям, а так же воспоминаниям участников и свидетелей тех дней.

Не далек тот час, когда не станет ни одного живого свидетеля войны, самым молодым ветеранам уже за 80. Благодаря передаваемым в музей предметам, пополняющим фонд и формирующим выставки, мы можем не бояться за память о тех тяжелых 1418 днях и ночах, и о вкладе в Великую победу над «фашистской силой тёмною» нашей малой родины.

Период Великой Отечественной войны навсегда останется в народной памяти как дни суровых испытаний, и в то же время, как время великих подвигов, как военных, так и трудовых. Тогда личное отошло на второй план, вперед вышли интересы всей страны, своей Родины. «Все для фронта, все для победы!» вот девиз, который определял содержание жизни и деятельности всего трудового

народа того времени, в том числе и рабочих нашего города и района.

Победа, как известно, досталась огромной ценой. Война показала миру безграничную жестокость фашизма.

И тот народ, который в это страшное время смог объединиться и разгромить врага всего человечества, несомненно, заслуживает глубокого уважения и памяти, которая не знает, и не будет знать времени.

Литература:

1. Ишим в годы Великой Отечественной войны [электронный ресурс] http://www.kmishim.ru/spasibo_vam_za_pobedu/ishim_v_gody_velikoj_otechestvennoj_vojny/
2. Гулякин; А. Боевой путь 229-й стрелковой дивизии [электронный ресурс] http://www.kmishim.ru/spasibo_vam_za_pobedu/boevoj_put_229-j_strelkovej_divizii/
3. Ишим: исторические очерки. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 1993. Гл. 5. С. 32–37.

Познание «Великого незнакомца» с субъективной точки зрения на основании памятки крестьянина Вологодской области, ушедшего на фронт в годы Великой Отечественной войны

Шорина Елена Николаевна, кандидат исторических наук, госслужащий
Администрация Шекснинского муниципального района (Вологодская область)

Любой исследователь, историк, занимающийся историей русского крестьянства разного хронологического периода, в своих исследованиях поднимает ряд вопросов: кто такие крестьяне? Что отличает их (крестьян) мировоззрение? При помощи, каких источников можно познать природу этой социальной группы населения? В чём различие крестьян от других социальных слоев населения?

В заглавие статьи вынесено название «Великий незнакомец». Это название было заимствовано автором статьи из работы «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире». М., 1992. Автором данного словосочетания является профессор Манчестерского университета (Великобритания) Теодор Шанин. Под словосочетанием «Великий незнакомец» следует понимать русского крестьянина с его многострадальной и, казалось бы, непостижимой судьбой.

Завесу в познании «Великого незнакомца» приоткрывает анализ такого источника, как памятка крестьянина Вологодской области, ушедшего на фронт в годы Великой Отечественной войны. При анализе источника необходимо иметь в виду, что каждый исторический документ или источник имеет свою непосредственную специфику. В данном случае памятка — это листок с краткими наставлениями на какой-нибудь случай, с краткими сведениями о ком — чем-нибудь.

Памятка крестьянина, ушедшего на фронт из Вологодской области была обнаружена в Вологодском областном архиве новейшей политической истории [1, Л. 171–171 об]. К сожалению, установить авторство памятки не представляется возможным.

Период написания памятки — это годы Великой Отечественной войны. Более точной даты определить нельзя,

так как в источнике отсутствуют выходные данные. О времени написания памятки можно судить из анализа её содержания.

Из содержания текста памятки становится понятно, что она принадлежала крестьянину из Вологодской области, ушедшему на фронт в годы Великой Отечественной войны.

Памятка крестьянина состоит из одиннадцати абзацев. Каждый абзац — это наставление старшего брата, адресованное младшему брату. В этих наставлениях содержится основная мудрость крестьянской жизни.

При анализе памятки исследователь сохранил «живой язык» крестьянского повествования.

Первое наставление: «...Будь опытен во всём всегда, не бросайся, как говорят с бухты — барахты. Сначала сообрази, обдумай, а потом делай. Есть пословица. «Не узнав броду, не суйся в воду». Из анализа этого наставления следует, что крестьяне в жизни всё взвешивали и соизмеряли.

Второе наставление: «Будь послушным матери, никогда не отговаривай, старайся всегда выполнять всё точно, аккуратно и в срок. Всегда и всякую работу старайся выполнять не быстро, но хорошо». В этом наставлении чувствуется уважение к старшему поколению и основная черта крестьянского менталитета: работать качественно, на совесть.

Третье наставление: «Не сиди без дела, не играй много, время военное много трудностей, нужно работать». В крестьянской среде дети с детства приучались к труду. В военные годы они вместе с женщинами выполняли всю самую тяжёлую и основную работу в деревне.

Четвёртое наставление: «Старайся всегда досмотреть и понять, как выполняется та или другая работа,

старайся подражать в работе другим». Через это наставление проходит одна главная мысль: основным методом приобретения знаний, навыков в выполнении любой работы в крестьянской среде был метод наблюдения.

Пятое наставление: «Не отчаивайся, если у тебя первый раз плохо вышла всякая работа, хорошая достаётся тренировкой, настойчивостью добьешься хорошей работы». Поразительной чертой характера русского крестьянина являлась настойчивость.

Шестое наставление: «Береги своё здоровье. Есть пословица. «Береги здоровье смолоду, а одежду снова. Не старайся поднимать тяжёлое, что не под силу. Не пей холодной воды с поту, не лежи на холодной земле...». Взрослое мужское население в крестьянской семье было основным кормильцем и, поэтому, от состояния их здоровья зависела производительность труда и существование остальных членов большой крестьянской семьи.

Седьмое наставление: «Не стремись рисковать везде и всюду. Сначала обдумай быстро, оцени своё положение, сообрази, как из этого тяжёлого положения выйти лучше и действуй так смело, решительно». Ещё одна черта характера «Великого незнакомца» — это смелость и решительность.

Восьмое наставление: «Расти смелым, решительным, но не хулиганом». В крестьянской среде не любили хулиганов, задиристых людей.

Девятое наставление: «Некоторые тайны есть в словах, не старайся их разглагольствовать». В художественной литературе собирательный образ русского крестьянина всегда рисовался, как образ думного, тучного, молчаливого работяги, труженика, хлебороба. Ока-

зывается этот образ, имел место быть. Крестьяне, особенно мужское население, на слова не особенно были щедры и не потому, что им сказать было нечего, а оттого, что в словах они видели особый сакральный смысл, некую материальную основу, субстанцию. И ненароком брошенное слово, могло воплотиться в жизнь. Вот отсюда набожность и религиозность крестьян.

Десятое наставление: «Смелость, решительность и настойчивость проявляй только на хорошее полезное дело». Эти три составляющие говорят о силе характера русского крестьянина и о пользе его применения.

Одиннадцатое наставление: «Веди всегда и всюду наблюдения и запоминания — это поможет тебе во многом». Крестьяне неразрывно были связаны с природой, поэтому наблюдения и запоминания являлись неотъемлемой частью их менталитета.

Итак, проанализировав памятку крестьянина Вологодской области, «Великий незнакомец» предстаёт перед нами в совершенно новом формате. И пусть, рассматриваем мы его с субъективной точки зрения. Его портрет скромен и прост, бросается в глаза, врежется в память, отпечатывается в сердце. И чтобы не происходило вокруг (война), «Великий незнакомец» продолжает «нести свой крест»: работает на совесть, не сидит без дела. К любой работе подходит взвешенно и соизмерено. Сила его характера проявляется в настойчивости, смелости и решительности. Он не щедр на слова и не умеет красиво и грамотно говорить, но верит в сакральный, священный образ слова и до конца продолжает оставаться для нас — исследователей аграрной истории России, «Великим незнакомцем».

Литература:

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее ВОАНПИ) в Ф. 1332. Оп. 3. Д. 755. Л. 171–171 об.

5. АРХЕОЛОГИЯ

О некоторых проблемах анализа социальной структуры кочевых обществ раннего железного века

Банников Алексей Львович, старший преподаватель
Институт развития образования Республики Башкортостан (г. Уфа)

Изучение социальных аспектов культур древних племен занимает важное место в современном кочевниковедении. К настоящему времени разработаны различные методики социального анализа погребальных памятников. В то же время в данной области существуют проблемы, которые вызывают вопросы о достоверности реконструкции социальных структур древних кочевых обществ [16, с. 34–36; 17, с. 5–6; 13, с. 100–101].

Одной из таких проблем является репрезентативность статистической выборки и возможность применения к ней методов математического анализа. Количественные и качественные характеристики такой выборки зависят от конкретной цели исследования, поэтому понятие репрезентативности выборки может трактоваться по-разному. Также неоднозначен и вопрос применения математических методов в социальных реконструкциях. Наиболее применяемыми методами являются корреляционный, факторный и кластерный анализы. Эти методы, основанные на выявлении внутренних взаимосвязей между признаками и/или группами признаков достаточно подробно описаны Г.А. Федоровым-Давыдовым и неоднократно применялись учеными [18].

Значительным явлением в отечественной сарматологии стал выход коллективной монографии российских и итальянских ученых «Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии». Книга вызвала как положительные [12, с. 145; 19, с. 215–221], так и отрицательные [10, с. 3–29] отзывы. По погребальному обряду савроматской эпохи (VI–IV вв. до н.э.) было привлечено 509 погребений Урало-Поволжского региона, к которым были применены методы математического анализа. Именно слишком значительный, на наш взгляд, массив данных, выявил недостатки применения факторного и кластерного анализов в этом исследовании. Взаимосвязи между признаками исследованных объектов, выявленные с их помощью, представляются довольно нечеткими, а следовательно, несколько «размытыми» выглядят классификации и типологии, проведенные на уровне курганов и целых могильников. Кроме того, перевод в машинный код столь значительного числа данных, также привел, вероятно, по техническим причинам, к многочисленным искажениям [10, с. 18–22]. Эти обстоя-

тельства отразились и на исследовании социальной характеристики погребений. По итогам применения машинных методов были выделены «погребения воинов, жриц, рядовых соплеменников» [8, с. 151]. Следует заметить, что те же группы выделяются и в результате ручной обработки материала. При этом вышеперечисленные страты имеют свою внутреннюю структуру, которая не была отражена в работе.

Самостоятельным исследованием в структуре коллективной монографии является работа итальянских ученых по реконструкции социальной структуры кочевников [2, с. 159–184]. Ими был произведен самостоятельный отбор памятников для анализа. Выборка составила 464 погребения из 114 могильников, к которым были применены методы кластерного и корреляционного анализа. В результате на страницах коллективной монографии возникла дискуссия – итальянские исследователи, в отличие от своих российских коллег, отрицают наличие женского жреческого сословия в социальной структуре ранних кочевников Урало-Поволжья и предлагают придать женщине «функции «социального воспроизводства»...как элементу системы супружеских отношений» и высказали мнение, что существовавшая у савроматов сложная система социальной организации «могла находиться под влиянием более сложных оседлых обществ (2, с. 172–173). Однако выборка, которую использовали итальянские ученые, имеет те же недостатки, что и выборка их российских коллег. Кроме очень большого массива данных, она неоднородна в географическом и хронологическом отношениях. Исследователи пришли к выводу о необходимости «детально пересмотреть теоретические подходы и методы анализа, связанные с изучением общества савроматов, воссоздаваемого по археологическим источникам» [2, с. 174], что свидетельствует о взвешенном подходе итальянских ученых к применению методов математического анализа. Однако, несмотря на недостатки, которые во многом были исправлены во втором выпуске коллективной монографии, посвященном раннесарматской культуре (IV–I вв. до н.э.), данный труд является замечательным явлением в кочевниковедении, и, несомненно, послужит одним из реперов в исследованиях сарматологов.

Приведенная выше критика в адрес слишком большой величины выборки, отнюдь не призывает к ее максимальному уменьшению. Недостаточность выборки также вредит исследованию, как и чрезмерная ее «раздутость». Речь идет о сбалансированности между величиной выборки, возможностями машинного анализа и конкретной целью исследования.

В отношении реконструкции социальной структуры кочевников Южного Урала возможны следующие перспективы:

Создание типологии на уровне погребений, происходящих из разных, но расположенных компактно и находящихся в одном хронологическом горизонте могильников. При этом территорией, расположения могильников должен быть не весь южноуральский регион, а локальные зоны внутри него, в которых и расположены могильники (напр. Илекская, Аландская, Новокумакская группы памятников). На следующем этапе в выделенном комплексе погребений вычлняются половозрастные и социомаркирующие признаки, и затем, через проведение взаимной корреляции этих признаков, ранжируются погребения. Эти операции повторяются на следующем хронологическом горизонте. В результате мы выявим не только достаточно достоверную социальную структуру ранних кочевников, но и динамику ее развития на определенном отрезке времени.

Оптимальной представляется также предложенная В.Ф. Генингом и В.А. Борзуновым методика построения типологий, основанная на сравнительном парном и групповом анализе, при котором исследуемые объекты поочередно попарно сравниваются между собой. В результате выделяются всеобщие и частные признаки, согласно которым и строится типология [5, с. 42–72]. Данная методика была успешно апробирована Е.П. Бунятян при создании социальных реконструкций на материалах скифских могильников [3, с. 136–184; 4].

Существует и другой путь исследования кочевого общества – социальный анализ внутри целого могильника. Однако этот метод требует наличия полностью раскопанных могильников, что не всегда соответствует археологическим реалиям Южного Урала относительно эпохи кочевников раннего железного века.

Предложенные методы вполне возможно применять как в отдельности, так и комплексно. Предварительные итоги исследования с их помощью социальной структуры кочевников Южного Урала выглядят следующим образом: Предполагается, что социальная организация общества базируется на клановых или родо-племенных связях [7, с. 14; 9, с. 50; 6, с. 234]. Господствующий род, который занимает свое положение по праву наследования, либо в результате военных предприятий, в свою очередь становится базой института вождества у кочевников. Чем больше иерархических уровней и, соответственно, сильнее власть вождя, тем сложнее сама система вождества, на определенном этапе своего развития приближающегося к раннему государству [7, с. 15]. Все же, кочевники редко способны достичь стадии стратифицированного общества, хотя и допускается, что кочевники Южного Урала все же вышли на этот уровень [9, с. 52–53]. Очевидно, произошло это не сразу. В VI–V вв. до н.э. шло интенсивное формирование новой кочевой культуры в южноуральских степях, сопровождавшееся активными процессами социальной дифференциации. Эти процессы, а также необходимость обороны, вызванная давлением саргатских племен с востока [12, с. 164–165; 15, с. 90], обусловили появление конфедерации племен, носившей ярко выраженный военный характер. Богатые аристократические могильники в Урало-Илекском междуречье свидетельствуют, что именно здесь был центр конфедерации и именно урало-илекские роды возглавляли ее. Примечательно, что с возвышением военных вождей и их окружения, в обществе падает роль жречества. В отличие от предыдущего времени, в IV в. до н.э. исчезают центральные жреческие захоронения, а инвентарь подобных погребений становится сравнительно беден [1, с. 16]. Это обстоятельство, наряду со стандартизацией вооружения, становится одним из признаков растущей военизации общества. Со 2-й пол. IV–III вв. до н.э. начинается активная экспансия кочевников в западном (Волго-Донское междуречье и Северное Причерноморье) и в южном (Хорезм, Маргиана, степи Устюрта и Узбоя) направлениях. В процессе этой экспансии конфедерация кочевых племен трансформируется в иные политические образования и исчезает с исторической сцены.

Литература:

1. Банников А.Л. Социальная организация ранних кочевников Южного Урала (I тыс. до н.э.): Научно-методическое пособие. – Уфа: Изд-во ИРО РБ, 2011. – 32 с.
2. Бернабей М., Бондиоли Л., Гуиди А. Социальная структура кочевников савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV в.в. до н.э.). – М.: Ин-т Археологии РАН, 1994. – С. 159–184.
3. Бунятян Е.П. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // Теория и методы археологических исследований. Киев: Наукова думка, 1982. – с. 136–184.
4. Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III в.в. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1985. – 320 с.
5. Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. – вып. 13. – Екатеринбург: 1975. – с. 42–72.

6. Данилов С.В. К вопросу о социальной организации кочевых обществ Центральной Азии // Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. — Ч. 1. — с. 233—235.
7. Дженито Б. Археология и современные концепции социальной организации кочевников // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI—IV в.в. до н.э.). — М.: Ин-т Археологии РАН, 1994. — С. 11—17.
8. Железчиков Б.Ф. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI—IV в.в. до н.э.). — М.: Ин-т Археологии РАН, 1994. — С. 127—151.
9. Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI—II в.в. до н.э. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. — М.: 1997. — 56 с.
10. Зуев В.Ю. К вопросу о «савроматской» культуре. С.-Пб.: 1997. — 42 с.
11. Ковалевская В.Б. Археологическая культура — практика, теория, компьютер. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1995. — 192 с.
12. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). — Свердловск: Урал. Ун-т, 1988. — 239 с.
13. Соенов В.И. О степени достоверности реконструкций социальной структуры населения Горного Алтая по материалам погребальных памятников // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: 1997. — с. 100—101.
14. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура. М.: Ин-т Археологии РАН, 1997. — 278 с.
15. Таиров А.Д. Генезис раннесарматской прохоровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. — Оренбург: ПД «Димур» 1998. — с. 87—96.
16. Тихонов С.С. О достоверности социальных реконструкций в археологии // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. — Ч. I. — Кемерово: КемГУ, 1989. — с. 34—36.
17. Тихонов С.С. К проблеме определения достоверности социальных реконструкций // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: 1997. — с. 5—6.
18. Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М.: Наука, 1987. — 212 с.
19. Федоров-Давыдов Г.А. [Рец. на кн.:] Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. — Вып. I: Савроматская эпоха. — М.: 1994 // Российская археология. — № 1, 1996. — с. 215—221.

Реконструкция женского костюма Большереченской культурно-исторической общности (по материалам погребения 22 могильника Ближние Елбаны VII)

Головченко Николай Николаевич, магистрант
Новосибирский государственный университет

Кузнецова Екатерина Анатольевна, магистрант
Алтайская государственная педагогическая академия (г. Барнаул)

С момента раскопок М.П. Грязнова на памятнике Ближние Елбаны прошло уже более 60 лет. За это время было раскопано более 1500 погребений выделенной им большереченской культуры, прошли оживленные дискуссии, связанные с определением места этой общности в системе культур скифо-сакского мира, выделением в ее рамках региональных культурных вариантов. Однако реконструкции большереченского костюма представлены всего лишь в двух работах П.И. Шульги [7] и А.И. Соловьева [6].

Предлагаемая читателю публикация представляет собой попытку нового осмысления давно известных материалов, и посвящена реконструкции костюма женщины

погребенной в одном из самых представительных некрополей большереченской культурно-исторической общности — Ближние Елбаны VII.

В своей работе «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка» М.П. Грязнов дал обширную характеристику рассматриваемому погребению. В могиле 22, были обнаружены останки двух скелетов. Первый костяк, взрослой женщины. При нем найдены на месте черепа медная кованная серьга, на месте шеи или плеч трубочка пронизка, свернутая из медного листка. Второй костяк — женщины не старше 20 лет, и составляет предмет нашего исследования. При костяке най-

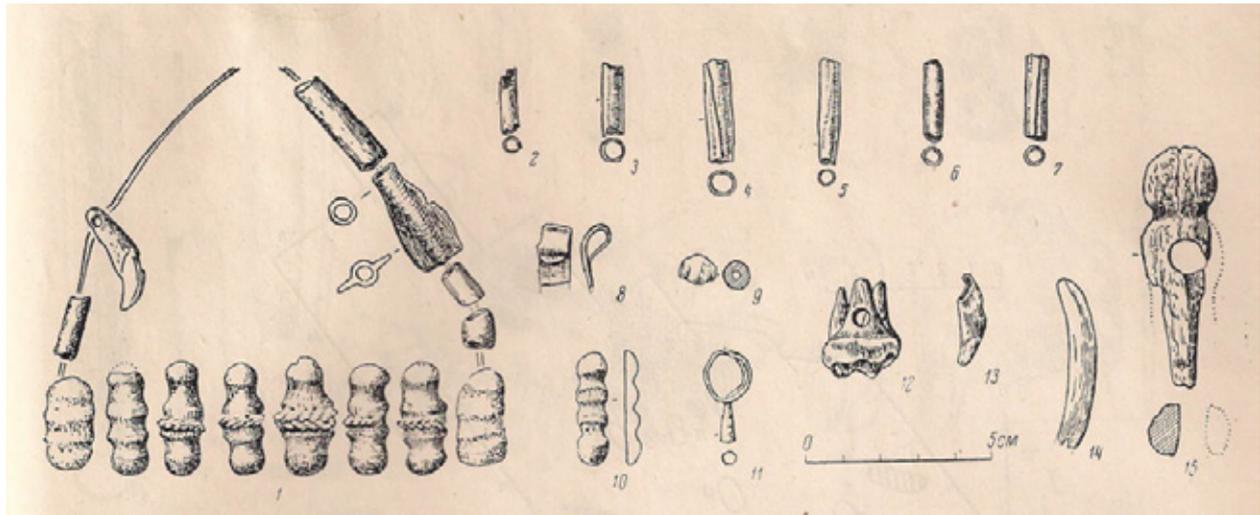

Рис. 1. Инвентарь женского погребения 22, могильника Ближние Елабны VII [Грязнов 1956, табл. XIX]

дены: в области живота две медные трубочки-пронизки и не большой осколок камня; в области плеч и спины три такие же пронизки и медная литая трехреберная пронизка. Вокруг шейных позвонков обнаружены части шейного или нагрудного украшения, лежащие в такой последовательности (начиная от загравка по направлению часовой стрелки): трубочка-пронизка, свернутая из медного листка, пронизка из бронзового наконечника стрелы с отломленным острием, сердоликовая цилиндрическая бусина, бронзовая литая бусина, белокаменная бляшка, шесть бронзовых нашивных бляшек с остатками шнурков, которыми они были прикреплены к какой-то основе (все шнурки различны по величине и способу плетения), вторая белокаменная бляшка, трубочка-пронизка, свернутая из медного листка, и подвеска из клыка хищника (см. рис. 1). Около медных предметов, окислы которых создали ядовитую среду для микроорганизмов, благодаря которым сохранились от разложения не только кости, но также волосы, шерстяные ткани и береста. Волосы заплетены в мелкие косички. Судя по толщине сохранившихся 8 косичек, можно полагать, что их было не менее двадцати. Ткань представлена мелкими обрывками толстого шерстяного рубчатого полотна — возможно, остатки ворота одежды [4, с. 59].

Преступая к реконструкции описанного костюмного комплекса, мы решили для начала воссоздать его предполагаемую модель в виде макета из снега (экспериментальное исследование погребальной обрядности), и сравнить зафиксированный дрейф украшений на макете с описанием погребения М.П. Грязнова. В итоге мы пришли к выводу о том, что обнаруженные М.П. Грязновым находки вокруг шеи погребенной были нашиты на одежду и представляли собой, так называемое оплечье [1, 2 с. 193], а не бусы как это считалось ранее [4, с. 59] (см. рис. 2). Интересной особенностью оформления оплечья явилось использование в качестве украшения сломанного наконечника стрелы, что с одной стороны свидетельствует о высокой ценности металла, а с другой об индивидуальном подходе к оформлению

собственной одежды скифской модницы. К тому же он мог использоваться в качестве оберега вместе с клыком.

Большие затруднения вызвала реконструкция поясной одежды и обуви в виду отсутствия предметного комплекса к ним относящегося. Поэтому реконструкция этих элементов одежды была осуществлена нами на основе широких аналогий в костюмных комплексах скифо-сакского мира [5, 8, 9, 10]. Средний социальный статус погребенной, судя по составу инвентаря, привел нас к предположению о том что скорее всего погребенная носила наплечную одежду и юбку сделанные из грубой ткани, которое подпоясывалось пояском на котором были продеты две трубочки-пронизки. А обувь, возможно, была без голенища.

Рис. 2. Реконструкция женского костюма из погребения 22, могильника Ближние Елабны VII

Уникальной находкой являются обнаруженные косички — прямое свидетельство бытовавшего типа причёски. Вероятно, это причёска незамужней девушки, так как замужние женщины носили иные причёски, от которых в материалах погребений остаются только

заколки-шпильки [3].

Бесспорно, такая реконструкция костюма во многом гипотетична и субъективна, но тем не менее, она условно отражает некоторые культурные реалии скифского времени на территории Верхнего Приобья.

Литература:

1. Бородовский А.П. Экспериментальное исследование погребальной обрядности / А.П. Бородовский, И.Г. Глушков // Экспериментальная археология: известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. — Тобольск: изд-во ТГПИ, 1991. — С. 15–23.
2. Головченко Н.Н. Экспериментальное исследование погребальной обрядности населения скифского времени Верхнего Приобья / Н.Н. Головченко, Е.А. Кузнецова // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, студентов и учащихся (Бийск, 12–13 апреля 2013 г.). — Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013. — С. 193.
3. Головченко Н.Н. Заколки населения скифского времени Верхнего Приобья по археологическим материалам (классификация и назначение) / Н.Н. Головченко // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8: материалы VIII международ. науч.-практ. конф. Барнаул, 18–19 апр. 2013 г. — Барнаул: АлтГПА, 2013. — С. 14–18.
4. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка / М.П. Грязнов // МИА № 48. — М.-Л. — 1956. — 163 с., с ил.
5. Полосьмак Н.В. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV — III вв. до н.э.) / Н.В. Полосьмак, Л.Л. Баркова. — Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. — 232 с.
6. Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья / А.И. Соловьев. — Новосибирск: ИНФОЛИО-ПРЕСС, 2003. — 222 с.
7. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а: Монография / науч. ред. Ю.Ф. Кирюшин. — Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2003. — 204 с., ил.
8. Яценко С.А. Костюм Скифии в архаическое (7–6 вв. до н.э.) и «классическое» (5–4 вв. до н.э.) время: к вопросу об этнических изменениях / С.А. Яценко // Античная цивилизация и варварский мир. — Краснодар, 2000. — С. 24–31.
9. Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. Дис. ... док. ист. наук. / С.А. Яценко — М., 2002. — 376 с.
10. Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы / С.А. Яценко; Рос. гос. гуманитарный ун-т. — М.: Вост. лит., 2006. — 664 с. : ил. — (Культура народов Востока: осн. в 1969 г.).

Из истории экономических отношений Хорезма в Античной эпохе

Махмудов Умрбек Бахтиярович, студент
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Экономическо-культурные отношения Хорезма с мировыми народами, непременно, началась раньше истории торговых центров. Например, в результате археологических исследований уже сказано, что корни таких отношений упираются к культуре Кальтаминор в эпоху неолита. По информации археологических исследований центры торговли Хорезма, точнее, города возникли намного позже на первом половине I тыс. до н.э.

Но с возникновением таких центров торговли расширились экономическо-культурные отношения, и под своим воздействием втянули множество государств. Особенно, украшения найденные в культуре кальтаминор относящиеся к эпохе неолита, сделаны из ракушек встречающиеся только на красном море и на Персидских и

Арабских проливах [4. с. 78–82]. Если будем наблюдать зону действия культуры Кальтаминор, то мы увидим, что его воздействие распространилась до пустыни Гоби и до Шинжон (Китай), до Южного Казахстана, Приволжья и до Южной Сибири [3. с. 15]. Позже, наблюдаем что сильное воздействие земледельческих центров Древнего Востока стал толчком для развития промышленного хозяйства на территориях Хорезма. Единственным доказательством этого, считается, нахождение гончарных изделий относящийся к Южному Туркменистану и следа поливных каналов относящиеся к эпохе бронзы к культуре Тозабогьям [3. с. 16].

А именно, если смотреть на изящество и многообразность глиняных посуды найденных в Койкирилганкалье, то

можно заметить, что они были заготовлены для аристократических слоёв населения.

Потому что «лакированные чашки, толстые вазы» новые виды гончарных посуды были найдены в крепости и в больших домах [2. с. 83].

Одним словом, все эти отношения показывают что Хорезм стал непременно соединяющиеся сетам дальнего Севера с древними цивилизациями среднего Востока. Археологические, этнографические, лингвистические информации утверждают, что экономическо-культурные отношения Хорезмийцев во II—I тыс. до н.э. стали сильно расширяться. Теперь он в свою зону влияния будет притачивать скифов и фрак-киммерийцев живущих на берегах Каспийского и Чёрного моря.

Доступность этих отношений обосновал со своими археологическими, лингвистическими, топонимическими и ономастическими доказательствами известный археолог и этнограф С.П. Толстов [4. с. 93–96]. Из культуры Амударьи относящиеся к эпохе поздней бронзы и раннего железного века нашли достаточные следы экономическо-культурных отношений. Теперь общество стоит на границе цивилизации. Нужно сделать один шаг чтобы осуществлять новые центры торговли. В VII–VI в. до н.э. Хорезм вошёл в новую эпоху своей истории.

В конце IV в начале VI в. до н.э. на территории Хорезма появилась раннее классовое общество-рабовое государство. Это в свою очередь связано с социально-экономическим развитием, в том числе большую роль играет поливное земледельчество, которое развивался с помощью больших поливных каналов. Сеть каналов Гавхоре и Чермонёб длина которого 60–70 км были построены в эту эпоху. Среди этих каналов еще имеет особое значение Канал Киркиз (на правом берегу Амударьи), а на левой стороне канал Чирманяп, канал Хазарасп длина которого состоит из 200 км, Хайконик (Палваняп), Мадра (Гавзават) и Бадак (Шават) [3. с. 74].

Ранние центры торговли в политической и социально экономической жизни Хорезма появилась в этом эпохе. Изученные С.П. Толстым и так названные культуры городов той эпохи и «древние города, население живущие за стеной» отличались со своей громадностью.

Длина городов в следующий не превышала 0,5 км, а в том эпохе длина городов состояла из 1 км (например, размер Кальаликира состояла из 1100/700м, а размер Кузаликира 1000/4000м) эти города относились к той эпохе [4. с. 101].

Под названием Большой Хорезм это государство кроме территории Хорезма объединил ещё Арию, Сугдиёну, Парфию. Появление классового общества явился стимулом для развития центров торговли. В обществе произошло второе общественное разделение труда то есть от земледелия отделился ремесло являющиеся стимулам развития городских центров торговли. К центрам торговли большого Хорезма, кроме Кальаликир и Кузаликыр. Можно отнести Дингилжа и Ойбуйиркальа. Однако эти государства жили недолго. В конце VI в. до н.э. в цен-

тральной Азии установилась власть Ахеменидов. Хорезм вошёл в состав этого государства и платил дань. Его втягивание в политическо-социальной и экономические процессы ахеменидского государства в свою очередь служила для развития внешних торговых связей. Качества ремесленных изделий этого периода была очень высоким, а также увеличился вид этих изделий. В результате связи Хорезма с Востоком, на Хорезмское ремесленничество повлияла художественная культура передней Азии. В результате обследования в 1996 году памятника Хуммузтепа была обнаружена, что Хуммузтепа обеспечивала гончарными изделиями не только Хорезм но и другие соседние края. Нахождение Хорезма в составе Ахеменидского государства в IV–VI в.в. до н.э. ещё расширила его внешние и внутренние торговые связи. Ведение в оборот монеты связано именно с этим периодом.

В IV в. до н.э. Хорезм отделился от Ахеменидского государства. Во время Александра Македонского и Селевкидов Хорезм оставался независимым. Это в свою очередь привела к развитию экономики и превращение Хорезма в центр торговли та Великом Шёлковом пути. Предметы найденные во время археологической раскопки ярко показывают, что ремесленничество и торговля на высоком развитие кроме этих торговых центров, как Базаркальа, Куйкирилганкальа, Кунарликальа, Жонбоскальа, Кургошинкальа, Ойбугиркальа, Туккальа, Капарас, Гулдурсун, Калажик, Кирккизтепа, Кунакальа, Хазарасп, Тупроккальа (Хивинской район), Октепа, Кат (Шаватский район), Тупроккальа (Янгиарикский район) существовали ещё другие города. Выше упомянутые являлись самыми крупными и известными. Найденные среди раскопок различные ювелирные украшения ввозились из Сурии, Египта и из Северного Чёрного Моря [4. с. 304]. Вместе с этим избранные ювелирные украшения свидетельствует о высоком вкусе Хорезмийцев и показывает широкие внешние связи Хорезма с другими странами.

Начиная со II в. до н.э. появление Великого Шёлкового пути усилила роль связки Хорезма между кочевниками, оседлыми жителями и способствовала его превращения в один из центров мировой торговли.

В результате археологического раскопки в Хорезме на левом берегу Сарикамиша в его западной границе были найдены памятники кочевников и полукочевников относящийся VII в.д.н. э. до V в.н. э. Смотря на качества этих предметов, можно определить, что этот центр удовлетворял не только свои потребности торговли Хорезма между кочевниками.

В IV–III веках до н.э. существовали пограничные крепости Девкесган, Ойбугиркальа которые контролировали основные дороги торговли, до новой эпохи эти дороги без никого изменения осуществляли свою деятельность.

В результате эти пограничные крепости стали центрами торговли [1. с. 31–32].

Такие экономические отношения требовали из правителей Хорезма выпускать свои монеты.

В результате археологических раскопок найденные образцы монет показывают что на одной стороне монеты изображён правитель, а на другой стороне изображён конный воин [5. с. 173–195].

Это экономическое развитие продолжалась в I–IV в то есть, когда Хорезм находился в составе Кушанского государства. Об этом свидетельствуют изделия найденные в Тупраккале, Аёзкаале, Анкакалье, Гауркалье [5. с. 105].

В IV в Хорезм делился от Кушанского государства и здесь в 305 году Африк основал династию Афрегидов Хо-

резмшахов эта династия просуществовала до X века. Первые представители Афрегидов пытались повысить роль Хорезма в качестве великих мировых держав. Они пытались захватить основной торговый участок Великого Шёлкового пути. Но великое переселение народов начатое гуннами в IV веке помешала этим процессом. Хорезм тоже не оставался на стороне в процессе великого переселения народов. Этот процесс, способствовавший резкому изменению хозяйства общественного строя и политической жизни в Хорезме, с VI века начала развиваться интенсивно.

Литература:

1. Вайнберг Б.И. Роль кочевников в развитии экономики и торговли Хорезма в древности. Города и каравансарай на трассах Великого Шелкового пути. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО.
2. Гуломов Я.Г. История поливания Хорезма, Ташкент, 1959, — 320с
3. Машарипов О. Хорезмнома (Древний Хорезм) I том, Ургенч, 2005, — 272с
4. Толстов С.П по следам древнехорезмийской цивилизации М., «Наука» 1948, — 317с
5. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., «Наука» 1948, — 352с.

Колчаный набор из разрушенного (размытого) комплекса лучника на сейминско-турбинском Юринском могильнике

Шалахов Евгений Геннадьевич, экскурсовод

Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева» (пос. Юрино)

Предлагаемая статья вводит в научный оборот серию находок 2006, 2008 гг. с нижней площадки сейминско-турбинского Юринского могильника, расположенного в устье Ветлуги. Кремневые наконечники стрел разных типов, собранные автором в размытой части могильника, могли находиться в одном колчанном наборе, сопровождавшем несохранившееся до наших дней погребение эпохи бронзы. Вещевой комплекс «лучника с Усть-Ветлуги» сопоставим с кремневым инвентарем (наконечниками стрел) других базовых европейских некрополей-мемориалов, оставленных носителями бронз типа Сейма-Турбино.

Ключевые слова: археологические сборы, колчаный набор, могильник, наконечник стрелы, погребение, эпоха бронзы, Юринский некрополь.

Факт существования колчаных наборов с каменными наконечниками у носителей сейминско-турбинских бронз отмечен ещё в прошлом веке. Один из исследователей Турбинского I могильника, открытого на правом берегу р. Камы, — О.Н. Бадер так описывал предполагаемую могилу 84: «На квадрате Н-114, на ограниченном пространстве, у контакта гумусированного слоя с подстилающим песком найдены: кремневый отщеп на глубине 48 см, медный кельт, лежавший на ребре на глубине 41 см, 11 кремневых стрел, лежавших в один ряд под кельтом, по-видимому, в колчане, остриями в одну сторону...» [1, с. 40, рис. 24].

Колчаные наборы известны и в материалах раскопок Решенского могильника сейминско-турбинского типа, расположенного на р. Оке. В одной из вскрытых О.Н. Бадером могил были «обнаружены следы двух колчанов: одного с 12 наконечниками стрел, другого — с восемью крупными наконечниками своеобразного типа» [2, с. 55].

Настоящая работа посвящена малоизвестным находкам с Юринского (Усть-Ветлужского) могильника эпохи бронзы, исследованного автором и Б.С. Соловьевым [3, с. 103–111; 4, с. 230; 5, с. 242; 6, с. 75, 76]. Подъемный материал 2-ой половины 2000-х гг. мы интерпретируем сегодня как остатки колчанного набора из размытого Чебоксарским водохранилищем сейминско-турбинского воинского погребения. Кремневые наконечники стрел (рис. 1, 1–3) собраны на небольшом по протяженности участке пляжа под раскопом 2003 г., примерно в 3,5 м к северо-востоку от выявленного нами ранее разрушенного погребения 13 [3, с. 110].

Итак, перейдем к подробному описанию предметов древнего вооружения из последних наиболее результативных археологических сборов автора в устье Ветлуги.

Наконечники вытянутой подтреугольной формы с усеченным основанием представлены двумя экзем-

плярами. Первый (рис. 1, 1) найден летом 2006 г. Наконечник стрелы типа Сейма-Турбино [1, с. 97–98, рис. 90; 7, с. 121; 8, рис. 104, 20, 25, 26; 106, 36–39] выполнен древним мастером-оружейником на крупном отщепе трехцветного валунного кремня. Длина изделия 50 мм, ширина 18 мм, толщина 5,5–5,6 мм. Наконечник имеет сплошь ретушированные широкие грани и линзовидное сечение. Второй подобный наконечник стрелы (рис. 1, 3) обнаружен в период осенних сборов в 2008 г. Длина наконечника 60 мм, ширина 16 мм, толщина 5,2 мм. Его отличительные особенности проявляются в том, что он длиннее и гораздо симметричнее в профиль. Изделие из коричневатого-красного кремня существенно отличается и характер обработки широких граней. На одной из них довольно отчетливо видна тонкая струйчатая ретушь, выполненная, скорее всего, при помощи медного или бронзового отжимника, что уже отмечалось нами ранее [9]. Роль такого отжимника-ретушера вполне мог играть небольшой (всего 77 мм в длину) медно-бронзовый «пробойник» (так функциональное назначение орудия определяет Б.С. Соловьев) [3, рис. 5, 20], найденный автором в середине апреля 2002 г. на берегу водохранилища под раскопом Юринского могильника.

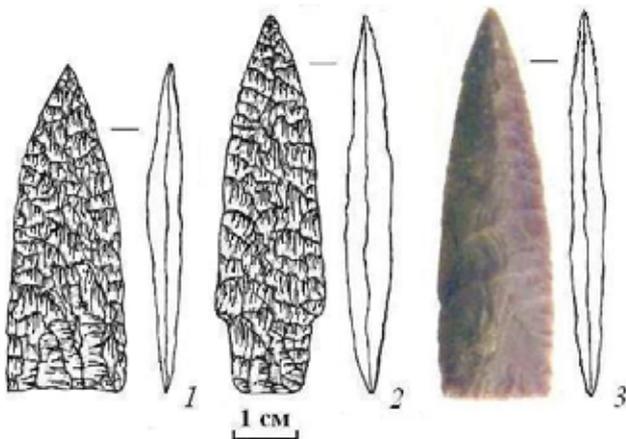

Рис. 1. Юринский могильник сейминско-турбинского типа. Кремневые наконечники стрел из разрушенного (размытого) комплекса «лучника». 1, 2 – подъемный материал 2006 г., 3 – подъемный материал 2008 г.

Помимо находок, сделанных при исследовании опорных европейских памятников, набор кремневых наконечников стрел с усеченным основанием встречен в самом западном, а точнее — в самом северо-западном за-

хоронении сейминско-турбинского типа, открытом в местечке Хангасканкаала (Финляндия) [5, с. 243, 250].

Параллели юринским наконечникам из сборов в устье Ветлуги мы видим в кремневом инвентаре погребения 3 Синташтинского большого могильника и погребения 9 Синташтинского I могильника (Южное Зауралье) [10, с. 122, 289]. Типологическое сходство с нашими находками выказывают и кремневые наконечники стрел из покровско-абашевского захоронения, вскрытого под первым (южным) Плясоватским курганом (Левобережье Среднего Дона) [11, рис. 2, 4–15].

Наконечник с вытянуто-треугольным пером и широким плоским черешком подпрямоугольной формы (рис. 1, 2) найден осенью 2006 г. Изделие выполнено из крупного кремневого отщепе зеленовато-серого цвета, имеет сплошь ретушированные широкие грани. Общая длина наконечника 59 мм, длина пера 48 мм, максимальная ширина пера 17 мм, толщина 6,8 мм. Сечение пера почти ромбическое.

В коллекции кремня, собранной на Юринском могильнике до 2006 г., указанный тип метательного оружия был представлен всего одним экземпляром. Фото более ранней находки (сборы 2002 г.), правда, без масштабной шкалы, публиковалось нами дважды [6, рис. 1, 2; 9, рис. 2, 4]. Пользуясь случаем, привожу размеры наконечника: общая длина кремневого изделия 53 мм, длина пера 40 мм, ширина пера 18 мм, ширина черешка 13 мм, толщина 6,3 мм.

Связь находки 2002 г. с подъемным материалом 2006, 2008 гг. достаточно условна.

Кремневые наконечники стрел с вытянуто-треугольным пером и уплощенным черешком прямоугольной формы образуют широко известный колчанный набор, полученный О.Н. Бадером в ходе работ на Решенском могильнике [2, с. 55; 8, рис. 104, 8–11; 12, рис. 44, 22–24, 26–29].

Аналогичный наконечник обнаружен и в базовом Сейминском могильнике на Оке (находка из раскопа 1929 г.) [7, с. 138, рис. 84].

Таким образом, кремнь из реконструируемого нами колчанный набора по основным морфологическим признакам сопоставим с лучшими общесеиминскими образцами. Присутствующие в кремневом инвентаре Юринского некрополя черешковые наконечники решенского типа наводят на мысль о непрерывавшихся в ходе сейминско-турбинской экспансии на запад тесных контактах усть-ветлужской группировки с окскими коллективами.

Литература:

1. Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. — М.: Наука, 1964. — 176 с.
2. Бадер О.Н. Работы Окской экспедиции // Археологические открытия 1975 года. — М.: Наука, 1976. — С. 55.
3. Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. — 2005. — № 4. — С. 103–111.
4. Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. — Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 2009. — 416 с.

5. Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225. — М.: Языки славянской культуры, 2011. — С. 240—263.
6. Шалахов Е.Г. Погребальный инвентарь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника сейминско-турбинского типа: кремль и нефрит // История и археология. Материалы международной заочной научной конференции (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). — СПб.: Реноме, 2012. — С. 75—77.
7. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. — М.: Наука, 1970. — 176 с.
8. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М.: Наука, 1989. — 320 с.
9. Шалахов Е.Г. О кремневых наконечниках Усть-Ветлужского могильника сейминско-турбинского типа // Гуманитарные научные исследования. — Февраль, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/02/2372> (опубликовано 19.02.2013).
10. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казхстанских степей. Ч. 1. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1992. — 406 с.
11. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., Зацепин А.А. Плясоватские курганы // Археологические памятники бассейна Дона. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.vspu.ac.ru/historic/russian_hist/publish/amee_2004/sin_ber_zac/Pages%20from%202004-9.htm (дата обращения: 01.04.2013).
12. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М.: Наука, 1987. — С. 84—105.

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Тюрко-иранские племенные формирования и их влияние на этническую историю Волжской Булгарии

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент
Самарский институт индустрии питания и бизнеса

Смена этнического состава населения какого-либо региона, особенно такого масштабного, как степи Восточной Европы — явление достаточно редкое и интересное само по себе, и потому заслуживающее пристального изучения. Помимо этого, оно интересно с точки зрения влияния на этническую историю сопредельных регионов с осёдлым населением — Киевскую Русь, государства Северного Кавказа, Волжскую Булгарию. Данная статья направлена на изучение этнических процессов, происходивших в среде племён, впоследствии ставших известными под общим именем «булгары», на заре их истории. Булгары, составившие основное культурное ядро государства на Волге, формировались именно в ту эпоху, когда происходила резкая смена этнических доминант в степи и лесостепи Восточной Европы.

На протяжении многих сотен лет в этом регионе безраздельно господствовали народы иранского мира. В последнее время в ряде трудов, в том числе, и претендующих на статус научности, участились попытки пересмотра этнической природы племён скифского круга, «выявления» в их среде тюркских черт в большей или меньшей степени. В большей мере это касается сако-массагетов и связано, в первую очередь, с поиском национальной идентичности недавно получивших независимость тюркских государств Средней Азии. Данное явление — к сожалению, не редкость в мировой практике, где политические амбиции оказывают негативное влияние на трактовку истории. В качестве примера можно привести концепцию ряда индийских исследователей о формировании древних индо-ариев на территории Индостана. Опровержение такого рода ангажированных концепций — задача отдельной работы, здесь же ограничимся замечанием, что подавляющее большинство современных исследователей безусловно считает племена скифо-сарматского круга иранцами [9, сс. 237–238].

Смена этносов в степи происходит намного чаще, чем в местах проживания осёдлого населения, что обусловлено общей подвижностью кочевников и рядом других факторов. По упоминаниям в античных хрониках, а также согласно данным археологических раскопок, можно проследить несколько последовательных эпох доминирования различных этнических элементов. Не считая безымянных

владык степи, известных сегодня лишь по современным названиям археологических культур, можно назвать киммерийцев, скифов и сарматов, эпохи которых, в свою очередь, подразделялись на периоды владычества отдельных племён. Однако, все перечисленные племена объединяло общее происхождение, несмотря на то, что схватки между ними порой бывали очень жаркими, а иногда и носили характер геноцида. И киммерийцы, и скифы, и сарматы были иранцами, как в языковом, так и в культурном отношении.

С приходом с востока гуннов, ситуация в степи коренным образом меняется. На историческую арену выходят кочевые угорские племена, которые практически сразу попадают под влияние более многочисленной и организованной тюркской переселенческой волны [3, р. 49–51].

В целом, смена этнических доминант в восточноевропейских степях с иранских на тюрко-угорские завершилась за полтора-два столетия: начавшись разгромом гуннами сарматского племени алан, и закончившись утверждением в прикавказских степях власти тюркских каганов.

Однако, иранский элемент ещё долго продолжал играть одну из ведущих ролей как в азиатской, так и в европейской части Великой степи [1, сс. 38–39]. Выражалось это не только в культурном влиянии на пришлые тюркские и угорские племена, но и в формировании новых этнополитических объединений. Часто такие новые племена продолжали выступать под старым, иранским, этнонимом, но в языковом отношении являлись уже в значительной степени угро-тюркскими. В истории раннего средневековья известно достаточно таких племён, мы же сосредоточим своё внимание на наиболее известных.

Одной из главных загадок раннесредневековой истории Восточной Европы остаётся этническое происхождение авар. Выдвинутые на этот счёт гипотезы, как правило, взаимоисключающие, не подкреплены в достаточной мере доказательствами. В настоящее время в аварах различные учёные видят монголов, угров, тюрков, существуют и более экзотические версии. Не претендуя на окончательное решение вопроса, постараемся взглянуть на формирование этноса авар в контексте этнических процессов, происхо-

дивших в ту эпоху в Великой степи. Прежде всего, следует заметить, что единства в вопросе этнического происхождения авар не было уже у античных авторов. Так, Феофилакт Симокатта даёт специальные подробные разъяснения о природе авар, призванные, как явствует из текста, прояснить данный вопрос и обосновать близкую автору точку зрения. [13, с. 144–147].

Нам представляется, что подобная путаница в вопросе этнического происхождения этого народа связана с тем, что авары, пришедшие в Восточную Европу, уже тогда не были этнически однородными. Исходя из общей этнополитической обстановки эпохи, а также опираясь на ряд свидетельств исторических источников, можно выдвинуть следующую гипотезу: авары представляли собой иранский этнос, подвергнувшийся значительной тюркизации (или мадьяризации). В пользу нашей гипотезы говорит тот факт, что авары считались древнейшим и грозным народом, о котором помнили обитатели восточноевропейских степей — савиры и их союзники. В рассматриваемый исторический период таким древним и сильным народом мог быть только иранский этнос. Кроме того, в трудах Орозия [10, сс. 100–103] содержится упоминание о некоем могущественном иранском народе авар в Прикаспии. Тем не менее, данные археологии и лингвистики свидетельствуют о том, что тех авар, которые в середине первого тысячелетия закрепились в Паннонии и создали там мощное государственное образование, однозначно иранцами считать нельзя. Таким образом, в русле общеисторического процесса тюркизации и мадьяризации иранского населения степей в рассматриваемую эпоху, логично предположить, что достоверно известные историкам авары есть продукт данного процесса, то есть сильно тюркизированные (или мадьяризированные) иранские племена.

Коль скоро мы развиваем нашу тему применительно к этногенезу болгар, необходимо рассмотреть пути и характер влияния авар на данный процесс. Из средневековых источников, главным образом, византийских, известно, что взаимодействие авар и болгар в Восточной Европе было достаточно тесным, однако, происходило оно, в основном, на территории Аварского каганата. На тех болгар, которым впоследствии суждено было переселиться на берега Волги, влияние авар было скорее политическим, чем этническим. В 632 году болгарский правитель Кубрат ликвидировал и эту зависимость, сопровождался ли данный акт какими-либо военными действиями или совершился мирно, как следствие ослабления Аварского каганата — неизвестно.

Между тем, культура волжских болгар на всём протяжении их истории сохраняла характерные признаки иранского воздействия, что проявлялось как в материальной (археологические типы керамики), так и в духовной (следы иранства в языческой религии чувашей) сферах [5, с.49–55]. Ссылаясь на следы иранского влияния в материальной культуре, А.П. Смирнов даже считал возможным признавать волжских болгар, в из-

вестной степени, за наследников сарматских племён [11, с. 53; 12 с. 169]. Исходя из этого, логично предположить, что источник заимствования следует искать либо в ближайшем окружении болгар, либо внутри самих болгарских племён. Здесь необходимо учитывать, что болгарский этногенез никогда не замыкался в пределах границ Волжской Булгарии, а всегда протекал в тесном взаимодействии с окружающим миром. Но, если в период после падения Хазарского каганата и вплоть до монгольского завоевания, основным направлением этнического взаимодействия были тюркские кочевники огузских и кыпчакских групп на юго-восточных рубежах государства, то до этого времени осязаемое этнокультурное единство волжские болгары составляли с миром алано-болгарских племенных групп, находившихся в зависимости от хазар, как и сами болгары. Этот мир, достаточно ярко представленный богатой культурой, сочетающей в себе кочевые и осёдлые элементы, получил в археологии название салтово-маяцкой культурно-исторической общности, различные вариации которой расположены на обширной территории от Прикаспия до Подонья. Наибольшее влияние на болгар, в силу географической близости, оказывала донская разновидность салтово-маяцкой культуры. Это влияние начинает проявляться в археологических памятниках волжских болгар практически одновременно со сложением характерных черт самой салтово-маяцкой культуры, то есть примерно к середине VIII века. С проникновением культурных традиций надо связывать, по-видимому, и некоторый приток населения в Волжскую Булгарию с территории СМК. Но особенно этот процесс активизировался после крушения донского варианта СМК под ударами печенегов на рубеже IX–X веков. В этот период на территорию Волжской Булгарии наблюдается масштабная миграция родственных болгарам племён, которых мы считаем возможным связать с представителями народа эсегель [2, сс. 65–69]. При рассмотрении вопроса об этническом типе этих болгар, будем опираться на следующие факты, подкреплённые авторитетным мнением исследователей. Принято считать, что аланы представляли осёдлое население СМК, а болгары — кочевое. Это, безусловно, верно, но нельзя исключать и переходов более-менее многочисленных групп от одного образа жизни к другому, не взирая на этническое происхождение, и уж точно нельзя исключать культурный обмен между этими группами населения. Вместе с тем, данные антропологии и археологии не позволяют говорить применительно к СМК о сколько-нибудь значительном смешении этнических типов алан и болгар. Так, на общих кладбищах ямные захоронения, принадлежащие болгарскому населению, всегда составляют обособленную группу от катакомбных погребений, принадлежащих аланам. Причём, данная тенденция характерна для всех вариантов СМК [14, с.45]

К основным памятникам, подтверждающим указанное наблюдение, относятся: могильники Лиманское озеро и Серебрянское на Северском Донце, могильник Кешенэ-

Алы на территории Кабардино-Балкарии и знаменитый Верхнечирюртовский могильник в Дагестане.

Исследованиями Г.Ф. Дебеца установлено, что болгарские и аланские группы населения всех вариаций СМК сохраняли свой антропологический тип, взаимное влияние их друг на друга в этом плане было минимальным [4, с.58–59]. Исходя из этого, можно заключить, что болгары, пришедшие на Среднюю Волгу с территории СМК, этнически не представляли собой тюрко-иранского симбиоза, тем не менее, какие-то иранские культурные элементы они могли привнести.

Помимо народа эсегель, наличие иранских традиций в среде которого, на наш взгляд, весьма вероятно, но связывать который именно с тюрко-угро-иранскими племенными группами, заявленными в начале статьи, всё же нет достаточных оснований, в среде болгар существовал ещё один народ — именно он и представлял, по-видимому, тюрко-иранский симбиоз. Речь идёт о племени барсил, достаточно известном по источникам в Предкавказье и в Нижнем Поволжье, а позднее упоминаемом в составе волжских болгар. Причём, что характерно, этноним племени с иранского «барсил/парсил» изменился на тюркизированный «берсула».

Относительно области расселения этого народа данные источников разнятся. Возможно, это связано с миграциями барсил, что легко объяснимо общей нестабильной обстановкой в степи в рассматриваемую эпоху, то есть к моменту написания того или иного источника место обитания народа могло измениться. Нельзя также исключать и вариант дисперсного расселения барсил в областях Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Так, можно встретить описание «чёрного острова» барсил на Нижней Волге, в то же время, другие авторы уверенно локализируют их в северной части современного Дагестана [14, с.33–35].

Этническое происхождение данного народа также является предметом дискуссий. Средневековые авторы единогласно связывают барсил с сарматами или аланами, что говорит в пользу их изначального ираноязычия, также как и этноним. Главным аргументом сторонников тюркского происхождения барсил является упоминание некоего Беди Берсила на Терхинской стеле в качестве «прославленного огуза» [7, с. 60]. Однако, однозначно утверждать тождественность прикавказских барсил и барсил, действовавших в монгольских степях нельзя. Аргументом в пользу такого отождествления могло бы выступить упоминание на том же памятнике имени другого огузского предводителя, которое фонетически сходно с этнонимом «хазар», а также неких изгилей, в которых можно видеть болгарских эсегель. Все эти народы, наряду с барсилами, хорошо известны в Поволжье. Но есть и контраргументы, и они, по нашему мнению, более веские. Во-первых, барсилы, согласно источникам, появляются на Северном Кавказе на пять столетий раньше, чем были созданы данные памятники. Даже если допустить, что описыва-

емые в них события относятся к более раннему времени (по авторитетному мнению С.Г. Кляшторного — вторая половина VI века), то всё же остаётся хронологическая лакуна в 300 лет. Есть, правда, ещё одно замечание, казалось бы, снимающее данное противоречие — в надписи речь идёт о событиях в Тюркском каганате, а его границы в период расцвета доходили до Прикубанья, то есть упомянутый Берсил мог действовать именно в этой части каганата. Однако, имеется второй контраргумент: Касар и Барсил в тексте названы огузами. Между тем, известно, что первыми достоверными тюрками-огузами, закрепившимися в восточноевропейских степях, были печенеги. Все тюркские народы, действовавшие здесь до этого времени: болгары (в том числе, и барсилы), хазары, возможно, гунны — принадлежали к другой ветви тюркских племён — огурской. Следовательно, либо барсилы в надписи причислены к огузам ошибочно, и в таком случае ценность источника для нашего вопроса стремится к нулю, либо речь идёт действительно о каких-то барсилах-огузах, и тогда данные события географически следует перенести в степи Монголии и Казахстана. Нельзя исключать и ассимиляции тюрками-огузами части барсил, оставшихся на прежних местах поселения, на востоке — тогда речь на стеле именно о них.

Следовательно, у нас нет веских оснований сомневаться в достоверности сведений средневековых источников, выводящих барсил из сармато-аланской, то есть иранской среды. Барсилы появились на исторической арене в эпоху, когда могущество иранского мира близилось к закату, а в восточноевропейских и прикавказских степях всё больше сказывалось влияние тюрков. В степях Северного Кавказа, по-видимому, барсилы и были оторваны тюрками-огурами первой волны, которые сами, по мнению ряда исследователей, представляли собой тюрко-угорский симбиоз с преобладанием первого элемента. Несмотря на это, барсилам удалось сохранить в своей культуре немалое количество иранских культурных черт, чему, надо полагать, способствовало их длительное пребывание на Кавказе, в аланской культурной среде [8, сс. 37–41]. Эти черты они привнесли и в складывающуюся на Средней Волге культуру ранней Волжской Булгарии, что неоднократно отмечалось исследователями.

Следует отметить, что иранские культурные заимствования отмечены исследователями не только у волжских болгар, но и у дунайских [6, сс.29–33], что также подтверждает гипотезу о том, что большинство этих заимствований было сделано булгарами на Кавказе, а не в Подонье.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что культурное влияние иранского мира на волжских болгар было более значительным, чем этническое. Если культурное воздействие со стороны иранских племён, главным образом, алан, испытали почти все народы, входящие в состав племенного союза болгар на Волге: сувары и баранджары на Кавказе, эсегель в Подонье, то этнически родство с иранцами имело только племя берсула.

Литература:

1. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии/Академик В.В. Бартольд. Сочинения – Т.5. – М., 1968
2. Беленов Н.В. Происхождение племени эсегель и его историческая роль в образовании государства волжских болгар//Наука и современность. – Новосибирск, 2011.
3. Беленов Н.В. Угро-мадьярская эпоха в истории степей Восточной Европы//European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches. – Stuttgart, 2012.
4. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М., 1948
5. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. – Чебоксары, 1959
6. Добрев П. Надписи и алфавит протобулгар. – София, 1995
7. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005.
8. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. – М., 1962
9. Кузьмина Е.Е. Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. – Т.1
10. Павел Орозий. История против язычников. – СПб., 2009
11. Смирнов А.П. Волжские болгары. – М., 1951
12. Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар//Историко-археологический сборник. – М., 1962.
13. Феофилакт Симокатта. История. – М., 1996.
14. Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М., 1978

Научное издание

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (II)

Международная заочная научная конференция
г. Челябинск, май 2013 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.05.2013. Формат 60x90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,75. Уч.-изд. л. 7,37. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Два комсомольца»
454008, г. Челябинск, пр. Комсомольский, д. 2